
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2022. Том 20, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

<i>Гынгов А.Л.</i> Хайдеггер об аутентичной и академической логике	5
<i>Шевченко А.А.</i> «Социальное» в социальной эпистемологии	10
<i>Головкин Н.В.</i> Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Как существует электрон	19
<i>Карпов Г.В.</i> Аргумент к знанию: проблема определения и оценки	43

Социальная философия

<i>Сорина Г.В., Гуров Ф.Н.</i> Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из Болонского процесса?	57
<i>Рождественская Е.А.</i> Образование как система: содержание форсайт-методологии	68
<i>Трубицын О.К.</i> Полемика с Иммануилом Валлерстайном: промышленная революция и глобализация как великие переломы Нового времени	79
<i>Бакалеев Н.А.</i> Невидимый враг как реальность современных войн	92
<i>Шмаков В.С.</i> Когерентность социокультурных процессов: к проблеме методологии	103
<i>Ермаков Е.С.</i> Основание, способы и формы сопряжения синергетики и социально-гуманитарного знания (на примере процессов сепаратизма)	112
<i>Зазулина М.Р.</i> Институциональный минимализм как тренд развития местного самоуправления в современной России	127
<i>Немкова Е.Ю.</i> Этническая идентичность представителей тувинской диаспоры в г. Абакане	143

История философии

<i>Бровкин В.В.</i> Философия эллинизма в современной интеллектуальной культуре	155
<i>Бисеров Г.В.</i> Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890-е – 1930-е годы)	167
<i>Мочалов Д.П., Невзорова И.В.</i> На транзите от позитивизма к марксизму: «Очерки материалистической социологии» Е.А. Энгеля	181

Научная жизнь, полемика и дискуссия

<i>Бабаян И.В.</i> На развилке путей концептуального осмысления роли Сибири в становлении нового миропорядка. Рец. на кн.: «Цивилизационная миссия Сибири»	193
Информация для авторов	201

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2022. Volume 20, issue 2

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Gungov A.</i> Heidegger on Authentic and Academic Logic	5
<i>Shevchenko A.A.</i> "Social" in Social Epistemology	10
<i>Golovko N.V. J. Ladyman, D. Dennett and E.J. Lowe:</i> How the Electron Exists	19
<i>Karpov G.V.</i> Argument From Position to Know: The Problem of Identification and Evaluation	43

Social Philosophy

<i>Sorina G.V., Gurov Ph.N.</i> Excluding Russia from the Bologna Process: What is Behind This?	57
<i>Rozhdestvenskaya E.A.</i> Education as a System: The Content of the Foresight Methodology	68
<i>Trubitsyn O.K.</i> The Controversy with Immanuel Wallerstein: The Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times	79
<i>Balakleets N.A.</i> The Invisible Enemy in Modern Warfare	92
<i>Shmakov V.S.</i> Coherence of Socio-Cultural Processes: On the Problem of Methodology	103
<i>Ermakov E.S.</i> Foundation, Options and Forms of Interface Between Synergetics and Socio-Humanities Knowledge (Exemplified by Separatism Processes)	112
<i>Zazulina M.R.</i> Institutional Minimalism as a Trend in the Development of Local Self-Government in Modern Russia	127

<i>Nemkova E.Y.</i> Ethnic Identity of Members of the Tuva Diaspora in Abakan	143
History of Philosophy	
<i>Brovkin V.V.</i> Hellenistic Philosophy in Contemporary Intellectual Culture	155
<i>Biserov G.V.</i> Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: Origins of the Discussion (1890s – 1930s)	167
<i>Mochalov D.P., Nevzorova I.V.</i> On the Transit from Positivism to Marxism: «Essays of Materialist Sociology» by E. A. Engel	181
Scientific Life, Polemic and Discussions	
<i>Babayan I.V.</i> At the Fork in the Path of Conceptual Understanding of the Role of Siberia in the Formation of a New World Order	193
Instructions to Contributors	201

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-5-9

Хайдеггер об аутентичной и академической логике

Александр Гынгов

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

София, Республика Болгария

agungov@phls.uni-sofia.bg, <https://orcid.org/0000-0001-9078-1573>

Аннотация

На протяжении всего своего творчества Мартин Хайдеггер развивает тему аутентичной логики, противопоставляя ее преобладающему пониманию о характере, сущности и целях академической логики. Хайдеггер обращает специальное внимание на онтологическое обоснование логики, на производный характер истины, субъектно-предикатной структуры суждения, копулы и правил выводимости, а также на статус логического отрицания и языка символической логики. Он подробно рассматривает обосновывающую роль закона тождества, отношения различия и закона достаточного основания, но не просто как логических принципов, а как фундаментальных логических утверждений. Учение Хайдеггера об аутентичной логике бросает вызов академической логике и делает решающий шаг по направлению философствующей логики в традиции континентальной философии.

Ключевые слова

онтологическое обоснование логики, суждение, копула, выводимость, отрицание, истина

Для цитирования

Гынгов А. Хайдеггер об аутентичной и академической логике // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 5–9. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-5-9

Heidegger on Authentic and Academic Logic

Alexander Gungov

St. Kliment Orhidski Sofia University

Sofia, Bulgaria

agungov@phls.uni-sofia.bg, <https://orcid.org/0000-0001-9078-1573>

Abstract

Throughout his work M. Heidegger develops the theme of authentic logic contrasting it with the prevailing understanding of the character, essence and goals of academic logic. He pays special attention to the ontological justification of logic, the derivative nature of the truth, the subject-predicate structure of judgement, copula and derivation rules. He also focuses on the status of logical negation and the language of

© Гынгов А., 2022

symbolic logic. M. Heidegger examines in detail the justificatory role of the law of identity, the relations of difference and the law of sufficient reason, and not just as logical principles but fundamental statements of logic. The conclusion of this paper is the understanding that M. Heidegger's doctrine of authentic logic is a challenge to academic logic and a decisive step towards philosophical logic in the tradition of continental philosophy.

Keywords

ontological justification of logic, judgement, copula, derivability, negation, truth

For citation

Gungov A. Heidegger on authentic and academic logic. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 5–9. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-5-9

Тема отношения Мартина Хайдеггера к логике, как правило, незаслуженно не затрагивается при обсуждении его творчества. Не претендуя на полноту сведений о публикациях о логике Хайдеггера на русском языке, скажем, что нам известны лишь одна монография на русском языке, исследующая исключительно этот вопрос (Михальский К. Логика и время. Хайдеггер и современная философия / Пер. с пол. Е. Твердислова. М.: Территория будущего, 2010), и одна диссертация (Макаенко Я.А. Обоснование онтологического метода в философии Мартина Хайдеггера: Дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006). Между тем, насколько нам известно, на английском языке опубликованы как минимум три монографии, всецело посвященные этой теме. Подобна ситуация отмечается и в отношении других общепотребимых европейских языков. При этом у самого Хайдеггера термин «логика» напрямую присутствует в заглавиях четырех книг, и еще в нескольких работах логическая проблематика так или иначе затрагивается немецким философом.

Выявление значения логики в работах Хайдеггера, кроме сугубо академического интереса с точки зрения самой логики, может пролить свет и на другие стороны его философии. Наверное, самый популярный элемент логики среди его идей – это различие места истины в суждении согласно традиционной логике и ее онтологического места как несокрытости бытия согласно концепции самого Хайдеггера. Известно, что в интерпретации немецкого философа истина несокрытости бытия приобрела значение правильности умственного усмотрения еще у Платона [Heidegger, 1998. P. 171]. Позже у Аристотеля и его последователей истина превратилась в соответствие между суждением и вещами, о которых в данном суждении идет речь. Истина как соответствие или адекватность достигает своего завершения в понимании Готфрида Лейбница о тождестве части признаков субъекта с признаками предиката как выражения истины [Heidegger, 1984. P. 37–39, 102].

Хайдеггер не принимает утверждения Лейбница о тождестве как равенстве в виде $A = A$. Еще менее допустимо тождество как тавтология в современной математической логике. По мнению Хайдеггера, тождество является отношением с самим собой и опосредует себя с самим собой. Тождество возможно благодаря лишь единству и различию, открывающимися *Dasein* как бытию-в-мире, глубочайшим основанием которых является единство и различие, сказывающие о себе как «бытие сущего» и «сущее бытия» [Хайдеггер, 1997. С. 17]. Но закон тождества,

в отличие от общепринятого взгляда на логику, не есть ее самый фундаментальный принцип. Таким является для Хайдеггера закон достаточного основания. Однако фундаментальное значение закона достаточного основания не сводится к обычным четырем основаниям в виде сущности, причины, довода и мотива. Фундаментальный характер достаточного основания определяется направленностью *Dasein* на несокрытость бытия, и при этом из сокрытости выводится предпочтение того, «чтобы скорее что-то было, чем чтобы ничего не было», – таким образом, из сокрытости выводится переход от возможности к действительности [Heidegger, 1984. P. 116].

Аналогичным образом Хайдеггер объясняет производную, а не изначальную роль копулы в структуре суждения. Связь между субъектом и предикатом, а также единство суждения, даются копулой лишь формально. По существу, производная функция копулы зиждется на единстве того сущего, чье существование онтологически направлено на несокрытость бытия. Именно единство экзистенции *Dasein* как бытия-в-мире является первозданным основанием единства, соответствия и истинности субъектно-предикатной структуры суждения, формально связываемой в единое целое логической копулой, а также наличия отношений следования, независимо от того, являются ли они субъектно-предикатными или пропозициональными [Shirley, 2011. P. 5].

Не только логическое субъектно-предикатное отношение является производным от онтологической направленности *Dasein* к бытию, но и эпистемологическое субъект-объектное отношение не является последним основанием существования *Dasein*, не является фундаментальным модусом его существования. *Dasein*, будучи бытием-в-мире, именно как таковое трансцендирует к несокрытости бытия и пребывает в истине бытия. Таким образом, модус существования *Dasein* как познающего лишается статуса фундаментального модуса за счет модуса озабоченности, в котором для *Dasein* раскрывается истина бытия [Heidegger, 1984. P. 135–136]. В другом модусе – модусе ужаса – для *Dasein* раскрывается обратная сторона бытия, какой является ничто. Для Хайдеггера ничто не есть пустота, не есть *nihil absolutum*, оно не является устранением бытия. Ничто невозможно вывести из лингвистического или логического отрицания. Отрицание, наличное в отрицательных суждениях, а также и в отрицательных пропозициях, и в логических функциях, не есть первообраз или модель, по аналогии с которой мыслится ничто. Напротив, логическое отрицание как таковое, как и отрицательные логические суждения, отрицательные пропозиции и функции, приобретают свое значение только благодаря ничто, которое выявляется в своей аутентичности в модусе ужаса. Именно это позволяет ничто исполнять роль субъекта суждения и получать предикации, при этом не превращая субъектно-предикатную структуру в бессмысленные утверждения [Shirley, 2011. P. 5–6].

Логика, понимаемая как нормативные требования и ограничения рационального мышления или как синтаксис и семантика искусственных языков, для Хайдеггера не является ни аутентичной, ни философской. Аутентичная и философствующая логика это, по сути, рефлексия над логосом [Fay, 1977. P. 5–6]. Логос не просто средство коммуникации и описания сущего, но неотъемлемая сторона бытия и существования *Dasein*, через которую бытие выходит из сокры-

тости, а *Dasein* получает возможность пребывать в несокрытости и тем самым в истине бытия. Логос сказывается в исторической истории, которая в отличие от истории, заявляющей о происшествиях, повествует о событиях по примеру истории, описанной в сказках и мифологии [Ажимов, 2011. С. 161]. Сущностная логика есть логика логоса, так как она соразмерна логосу. Точнее, сущностная логика не что иное, как онто-тео-логика, потому что онтология и теология «суть “логики” в той мере, в которой они постигают из его основы сущее как таковое и обосновывают его в целом» [Хайдеггер, 1997. Р. 45]. В этом же ряду мыслей стоит и утверждение Хайдеггера о символической логике (точнее, «знаковой логике») как о производной системе знаков, которая зависит от значимых структур выводимости самого мира [Shirley, 2011. Р. 7].

Современная академическая логика исходит из убеждения о наличии необходимых структур соотношения между высказываниями, которые скорее всего имеют конвенциональный характер, основывающийся на принципе когерентности. Хотя допустимо, что необходимость, присущая логическим взаимозависимостям, обладает и самостоятельным идеальным статусом, подобному платоновским идеям. Для академической логики чаще всего неприемлемы утверждения о сути логического в понятиях спекулятивной, диалектической или трансцендентальной логики. Заявление Хайдеггера о том, что логические принципы зависят от несокрытости бытия, раскрывающегося в существовании *Dasein* в виде темпоральности и историчности, еще менее допустимы для стандартной логики [White, 1985. Р. 207]. Для академической логики является настоящим вызовом допущение, что принцип непротиворечивости, модусы дедуктивной выводимости или различие между валидным и невалидным выводом, между истиной и не-истиной могут быть производными от историчности бытия-в-мире [Там же. Р. 208]. Возможность даже не принятия, а просто мыслимости подобных допущений может рассматриваться как заслуга хайдеггеровского пересмотра логики во имя открытия нового горизонта при изучении и понимании логики в традиции континентальной философии. Взгляд Хайдеггера на логику может считаться естественным продолжением логических утверждений выдающихся континентальных мыслителей Иммануила Канта, Георга Гегеля и Эдмунда Гуссерля. Таким же образом логические идеи герменевтики Ханса-Георга Гадамера и Поля Рикера являются дальнейшими разработками логических идей Хайдеггера. Хайдеггеровский пересмотр оснований, сущности и целей академической логики служит стимулом для развертывания философствующей логики в духе континентальной философии.

Список литературы

- Ажимов Ф.А.** Метафизические основания гуманитарного познания. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011.
- Хайдеггер М.** Тожество и различие. М.: Гнозис, 1997.
- Fay T.** *Heidegger: The Critique of Logic*. Dordrecht: Springer, 1977.
- Heidegger M.** *The Metaphysical Foundations of Logic*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1984.
- Heidegger M.** *Plato's Doctrine of Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

- Shirley G.** *Heidegger and Logic: The Place of Logos in Being and Time*. New York: Continuum, 2011.
- White D.** *Logic and Ontology in Heidegger*. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1985.

References

- Azhimov F.A.** *Metaphysical Foundations of Humanitarian Knowledge* [Metafizicheskie osnovaniya gumanitarnogo poznaniya]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press, 2011.
- Fay T.** *Heidegger: The Critique of Logic*. Dordrecht: Springer, 1977.
- Heidegger M.** *The Metaphysical Foundations of Logic*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1984.
- Heidegger M.** *Identität und Differenz* [Tozhdesvo i razlichie]. Moscow: Gnosis, 1997. (In Russ)
- Heidegger M.** *Plato's Doctrine of Truth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Shirley G.** *Heidegger and Logic: The 18 Place of Logos in Being and Time*. New York: Continuum, 2011.
- White D.** *Logic and Ontology in Heidegger*. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1985.

Информация об авторе

Гынгов Александр, PhD in Philosophy,
профессор, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София,
Республика Болгария

Information about the Author

Alexander Gungov, PhD in Philosophy,
Professor, St. Kliment Ochridsky Sofia University, Sofia, Bulgaria

Статья поступила в редколлегию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 28.04.2022;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 15.06.2022

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

«Социальное» в социальной эпистемологии

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье анализируются основные социальные контексты, конституирующие социальную эпистемологию. Выделены внешние социально-политические контексты, задающие рамку и необходимые процедуры для демократического обсуждения и достижения научного консенсуса и обеспечения эпистемической справедливости. При этом в статье утверждается, что особого внимания заслуживают внутренние контексты получения знания в научных коллективах. Отношение к знанию как к коллективному предприятию в свою очередь требует обсуждения целого ряда проблем: это способы и механизмы создания коллективного субъекта познания, пути согласования позиций между отдельными учеными и научными коллективами, объяснение возможности изменения коллективных научных взглядов и ряд других. «Социальный поворот» в теории познания, таким образом, требует пристального изучения взаимодействия этих двух типов контекстов – внешних и внутренних.

Ключевые слова

коллективное знание, обоснование, социальный поворот, научные изменения, коллективный субъект, внешние и внутренние контексты.

Для цитирования

Шевченко А. А. «Социальное» в социальной эпистемологии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 10–18. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

“Social” in Social Epistemology

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

The paper analyzes the main social contexts constituting social epistemology. It describes external socio-political contexts which define the framework and required procedures for open research, scientific consensus and epistemic justice. However, the article argues for special importance of internal social contexts – those of knowledge production in research groups. The treatment of knowledge as a collective enterprise requires, in turn, discussion of a new set of problems: the ways and mechanisms of creating the

© Шевченко А. А., 2022

collective subject of knowledge, ways of overcoming disagreements between individual researchers and research teams, explanation of scientific change and others. The “social turn” in epistemology calls for a careful study of these two types of interacting contexts – external and internal ones.

Keywords

collective knowledge, justification, social turn, scientific change, “we-subject”, external and internal contexts.

For citation

Shevchenko A. A. “Social” in social epistemology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 10–18. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-10-18

В числе разного рода философских поворотов называют и «социальный поворот» в теории познания. Началом его можно считать 70-е годы прошлого века, а сутью – критику представлений о том, что социальные условия не имеют никакого отношения к эпистемологическим проблемам. Однако прежде чем «социальность» и «теория познания» оформились в сегодняшнюю «социальную эпистемологию», уже существовала критика традиционных ключевых идей в философии науки и теории познания – таких как «истина», «объективность», «рациональность», «метод», «обоснование». Это в первую очередь критика со стороны таких направлений как постмодернизм, социальный конструктивизм, «социальные исследования науки». А. Голдман отмечает, что главной целью этой критики был подрыв основоположений традиционных представлений о знании, в первую очередь таких как: 1) возможность оценить на истинность утверждения о мире, особенно научные; 2) предположение о том, что некоторые способы рассуждения более рациональны, лучше способствуют достижению истины и, таким образом, могут способствовать установлению объективных фактов. В противовес этому выдвигалось предположение о том, что то, что нам представляется истинным и/или объективным, на самом деле является результатом социальных практик [Goldman, 2020. P. 11].

Если говорить о влияниях внутри самой философии, то можно вспомнить влияние У. Куайна, его натурализованную эпистемологию. Идея о том, что эпистемология не является изолированной дисциплиной, самодостаточной сферой, а допускает признание природных факторов, привело к пониманию того, что в ней может найтись место и факторам социальным. Именно такой «экстерналистский поворот» положил начало и повороту в сторону социальности. Это также связано с релятивистскими тенденциями в философии науки, так как процессы, благодаря которым исследователь приобретает надежные верования, происходят в социальной среде, получают в ней необходимую легитимацию и оценку и не сводятся к процессам, происходящим внутри самого индивида [Schmitt, 1994. P. 257–287]. Т. Кун, в свою очередь, сформулировал идею о том, что социальные факторы предшествуют революционным и парадигмальным сдвигам в истории науки. Популярность его идей сыграла значительную роль в формировании и развитии социальной эпистемологии, которая по мере своего развития превратилась в своего рода отдельную территорию между теорией познания и философией науки.

Рост популярности социальной эпистемологии вызывает необходимость лучше понять природу того «социального», что играет столь значимую роль

в современной теории познания. Многие авторы отмечают недостаточную разработанность этой темы, содержательную бедность в понимании социальности в теории познания или предлагают не всегда упорядоченный набор трактовок социального, которое может пониматься как субъективность, коллективность, интерактивность, полемичность и т. д. [см., например, Longino, 2022].

В общем виде можно согласиться с пониманием социальной эпистемологии, высказанным И. Т. Касавиным: «Социальная эпистемология, как я ее понимаю, не призывает к редукции всего содержания знания к социальным факторам. Я пытаюсь лишь показать, что “когнитивное содержание науки” есть такой же культурный феномен, как и все другие. И специфика этого “когнитивного”, а точнее, предметного содержания выявляется не в противопоставлении культуре и социуму, а в детальном исследовании механизмов опосредования знания деятельностью, коммуникацией, ментальностью эпохи в процессе его порождения, функционирования и развития» [Касавин, 2018. С. 410].

Рассмотрим вначале, условно говоря, «внешние» социальные контексты, под которыми часто понимают контексты социально-политические. «Внешние» социально-политические контексты, привносимые в современную эпистемологию, имеют своим происхождением в основном политико-философские и демократические концепции последних десятилетий. Политическое в широком смысле этого слова представляет собой не только «окружающий текст» для эпистемологии, говорят уже об особой области исследования – «политической эпистемологии». Одним из центральных постулатов современной либеральной теории является признание плюрализма, невозможности достижения согласия по поводу какой-то одной концепции «хорошей жизни».

Важной особенностью такого политического конструирования является то, что и в политической теории участники демократического обсуждения вынуждены разрешать свои конфликты и противоречия, не апеллируя к понятию «истина», но лишь на основе взаимного признания некоторых, самых общих, принципов и правил договорной ситуации [Rawls, 1996. Р. 11–15]. При этом, конечно, возникает опасность того, что роль и других эпистемических процессов, таких как обоснование, аргументация, различения знания и мнения также будет снижаться. Крайним следствием этого может быть и снижение самой легитимности процесса принятия демократических решений, поскольку в рамках процедурного подхода участников интересует только соблюдение некоторой согласованной и общепринятой процедуры. Но все же нужно помнить, что главное отличие научного познания от других социальных практик заключается именно в ориентации на истину. Роль же социальной эпистемологии в учете социальных факторов, значимых для всех участников процесса производства, трансфера и использования знания, можно выразить следующим образом: «Основная задача социальной эпистемологии – исследовать обе сущностные черты человека в их единстве и показать, что разумность предполагает социальность, а социальность невозможна без разумности» [Ивин, 2017. С. 4]. Здесь нужно напомнить о важности классического различения между разумностью и рациональностью. Если рациональность стандартно понимается как целерациональность, то есть выбор наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей, то разум-

ность принято трактовать именно в контекстах социального взаимодействия как признание рациональными других людей, учет их интересов, целей, стремление к достижению взаимовыгодного, кооперативного результата.

Социальное можно понимать очень широко – как некоторую совокупность существующих в обществе контекстов – политических, экономических, интеллектуальных и т. п. Общая идея заключается в том, что производство и распространение знания имеет место не в башне из слоновой кости отдельными учеными, а в обществе с разными интересами и группами влияниями, конфликтами и разногласиями и коллективами, группами, которые могут включать как соратников, так и научных оппонентов и соперников. Эти группы могут быть сформированы на основании каких-то общих устойчивых признаков – так, например, вклад философии феминизма состоял в понимании того, что различие полов – это не только биологический факт, но один из важнейших социальных. Основанием для включения в ту или иную группу может быть и ситуативное положение индивида. В связи с нашей темой здесь нужно отдельно отметить тему эпистемической справедливости, самым общим (негативным) толкованием которой можно считать следующее: «Эпистемическая несправедливость – это несправедливость по отношению к человеку, выступающему в качестве источника знания (knower)» [Fricker, 2007. P. 1].

Важное отличие социальной эпистемологии от традиционной, точнее классической, теории познания заключается в переосмыслении объективного и субъективного в научном познании. Традиционно понятие «знание» в эпистемологии принято понимать как субъективное знание, ментальный, когнитивный феномен, представленный в виде некоторого мнения (верования). Этим оно отличается от объективного знания, в частности, в смысле К. Поппера (сам он называет это «эпистемологией без познающего субъекта», под которым понимается объективное содержание «третьего мира»). Кроме того, традиционная эпистемология обычно имеет дело с индивидуальным субъектом познания, цель которого – использовать процедуры рациональности и рационального обоснования, проанализировать претендующие на истинность суждения и отобрать лучшие из них. Примером такого познавательного эгоцентризма можно считать Р. Декарта, в частности его «Правила для руководства ума». Декартовский познающий субъект не нуждается в собеседниках – ни в сторонниках, ни в оппонентах.

Социальная же эпистемология начинается с вопросов о том, как именно познающие субъекты должны вести себя в процессе дискурса и полемики с другими познающими субъектами, как соотносится такая межсубъектная деятельность с перспективами достижения обоснованного мнения и знания. При таком понимании знание и познавательная деятельность трактуются как коллективные предприятия. Результатом такого коллективного характера научных исследований становится «коллективное знание», причем под этим понимается как обладание этим знанием, так и его производство.

Одной из важных посылок социальной эпистемологии является то, что научное знание представляется не просто агрегацией индивидуальных достижений отдельных ученых, а коллективным предприятием в условиях профессионального социального взаимодействия. В последнее время именно такая деятельность обо-

значается как коллективное знание, во многом с легкой руки М. Гилберт, которая заявила, что научные сообщества имеют собственные коллективные верования, которые должны учитываться любой теорией, призванной объяснить изменения в научном знании [Gilbert, 2000]. Она также постулировала наличие т. н. «множественного» субъекта (*we-subject*), которому предположительно можно приписать как конкретные верования, так и наличие интенциональности. При этом в противоположность стандартному подходу, согласно которому коллективность (социальная группа) создается совместным действием, она предлагает считать условием создания социальной общности (группы) не совместное действие, а именно создание множественного субъекта. Таким образом, субъектность здесь (онтологически) предшествует коллективности [Gilbert, 2006. Р. 165]. Если принять тезис о том, что научные сообщества имеют коллективные верования, то можно сделать вывод и о том, что научное знание, таким образом, может представлять собой коллективное знание, которым обладают научные коллективы или сообщества [Gilbert, 2000].

Говоря о коллективном знании, нам нужно более четко определить носителя или субъекта этого знания. Субъектов коллективного знания можно выделять по-разному. Это может быть научное сообщество в целом, дисциплинарная его часть, группа исследователей, находящихся в непосредственном общении друг с другом. При этом можно выделить два различных толкования того, как именно понимается коллективный характер знания. В первом случае постулируется коллективный субъект знания, «мы-субъект», некоторое сообщество в целом, которому приписываются те или иные взгляды. Альтернативой является т. н. «суммативное» (*summative*), когда некоторое верование p приписывается группе в том случае, если каждый или большинство членов группы верят, что p . Особенностью второй трактовки является то, что взгляды группы и ее членов могут не совпадать. Проблемой этом может стать, например, при объяснении того, каким образом происходит изменение научных взглядов группы исследователей. Ведь такое возможно лишь в том случае, если мнение меняют все ее члены. Конечно, на практике это может происходить, когда свои взгляды меняет существенное большинство исследователей, но в теории это требует дополнительных процедурных допущений. Альтернативой как раз и служит подход с точки зрения «множественного субъекта» М. Гилберт. Недостатком суммативного подхода, по ее мнению, является то, что возможны ситуации, когда мнение группы отлично от мнения всех ее членов. Возможны также ситуации, когда даже при смене взглядов большинства членов группы мнение группы не меняется или же такое изменение сильно запаздывает. Отсюда она делает вывод о том, что изменение мнения индивида и группы «концептуально» различны.

Постулирование множественного субъекта *we-subject* позволяет оперировать таким понятиями как «коллективная вера», «коллективная интенциональность», а также моделировать поведение исследовательских коллективов. Работа “Collective Belief and Scientific Change” [Gilbert, 2000] представляет собой первую попытку объяснить различные аспекты научной эпистемической культуры в терминах коллективной интенциональности. Постулирование коллективной интенциональности позволяет объяснить феномен инерции при изменении научных

взглядов, поскольку смена парадигмы требует не только изменения во взглядах отдельных ученых, но и всего сообщества в целом. С другой стороны, это также позволяет объяснить нередуцируемость взглядов некоторого научного сообщества к взглядам отдельных его представителей. Аргументом в пользу такой множественной научной субъектности служит наличие научных революций или смены научных парадигм. В частности, они, по мнению Гилберт, занимают длительное время, поскольку требуют перемены взглядов не только отдельных исследователей, но и всего исследовательского сообщества или представителей определенной области знания.

Таким образом, научное окружение, прежде всего другие исследователи, – это важнейший социальный контекст, требующий детального исследования. Значимым обстоятельством становится то, как передается и воспринимается информация. Для научного исследования прежде всего важны социальные механизмы согласия и несогласия, принятия и отвержения научной информации, формирование общего знания. В объяснительной модели с позиции «множественного субъекта» предполагается наличие некоторого коллективного верования в том случае, если члены научного сообщества совместно, как единое целое, разделяют некоторое верование. Отличие от индивидуального верования заключается в том, что оптика «множественной субъектности» считает коллективным верованием такое, к которому ученые «совместно привержены» в качестве некоторого единого субъекта. Именно само это совместное верование и создает коллективного субъекта, а само это мнение уже не может анализироваться как агрегация индивидуальных мнений. При этом наличие такого верования у коллективного субъекта не подразумевает того, что оно разделяется каждым индивидом, составляющим коллективный субъект. Ни один индивидуальный член не может единолично отказаться от этого коллективного верования, такова его природа. Условием существования такого коллективного верования является коллективная приверженность (*commitment*) ему членов сообщества. Такая коллективная приверженность не является конъюнкцией, состоящей из приверженностей индивидуальных. Это холистическое понятие, объединяющее всех членов познавательного сообщества в единое целое. Вера здесь приписывается именно коллективному целому.

Современной моделью для научного сотрудничества является модель распределённого познания. Познавательная деятельность, приводящая к формированию знания, осуществляется с необходимостью совместно, в коллективе, при этом участники коллектива отвечают за реализацию различных когнитивных задач, значимых в контексте общей цели. Иначе говоря, познание трактуется не как интеллектуальный процесс конкретного индивидуума, но как культурная или социальная деятельность. Так, даже если мы будем анализировать изменения во взглядах отдельных ученых, то необходимо учитывать сопутствующий коллективный контекст исследования, который оказывает влияние на скорость таких изменений в ту или иную сторону. Коллективная вера и совместная приверженность порождают и соответствующие обязательства – члены коллектива, приверженного некоторой вере, концепции или теории, получают основания ожидать от других членов коллектива определенного поведения, соответствующего коллективной вере.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой: как научное знание может быть произведено коллективно, но познаваемо индивидуально? «Знание обстоятельств, которые мы должны использовать, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но дано лишь в качестве распыленных (*dispersed*) частиц неполного и часто противоречивого знания, которыми обладают все отдельные индивиды» [Hayek, 1945]. При этом интуитивный аргумент против суммативного подхода состоит в том, что мы вполне можем предположить, что коллективный субъект должен обладать некоторым знанием, хотя у нас могут отсутствовать основания предполагать такое знание со стороны каких-либо индивидуальных субъектов, составляющих эту коллективную общность. Постулирование коллективного субъекта в социальной эпистемологии кажется оправданным, но при этом необходимо объяснять и знание индивидуального субъекта, которого мы не можем элиминировать. В противном случае придется принять, что либо ни один человек не может обладать знанием, либо придется постулировать какого-то суперсубъекта и при этом объяснять, каким образом он конституирован.

Каковы же условия наличия коллективного знания? Рассмотрим это на примере коллективного мнения (верования), условно принимая классическую характеристику знания как обоснованного и истинного мнения. Если наличие коллективного верования (мнения, убеждения) зафиксировать относительно легко, то как можно показать, что такое верования можно считать знанием? В соответствии с классической формулой нужно показать, что коллективный субъект (группа, дисциплинарное или научное сообщество) каким-то образом выполнил два необходимые условия – осуществил процесс обоснования мнения и установил его истинность. Однако здесь мы можем столкнуться с еще одной проблемой в отношении «социального» знания – проблемой общего знания, которое может не совпадать с постулируемым нами коллективным знанием исследовательской группы. Как именно члены научного коллектива приобретают одно и то же знание, преодолевают разногласия на этом пути? Важным разделом современной социальной эпистемологии считается поэтому «эпистемология разногласий», анализ механизмов, с помощью которых происходит научная полемика, принятие или непринятие каких-либо идей, достижение консенсуса относительно научных изменений. И здесь нам снова могут помочь «внешние» теоретические контексты, такие как делиберативные подходы в демократической теории или концепции коммуникативной рациональности, делающие акцент на исследовании процедур коллективного рассуждения и обсуждения и минимально необходимых требованиях к его участникам, таким как равенство, открытость, честность, взаимное уважение. При этом «внешние» содержательные соображения, такие как эффективность принимаемых решений, их обоснованность и истинность, могут частично игнорироваться. Существенная черта, которая объединяет политическую и социальную эпистемологию – внимание к уровню не только индивидуальных субъектов, но и институтов – политических и научных. Здесь в первую очередь важны проблемы «эпистемической компетентности» этих институтов, что иногда называют «институциональной эпистемологией» [Anderson, 2006. P. 8]. Это пре-

жде всего вопросы о том, какого рода институты лучше всего обеспечивают «эпистемическую компетентность» и какие меры могут повысить их эффективность.

«Социальный поворот» в эпистемологии, таким образом, актуализировал необходимость более глубокого анализа «социального». Два самых важных вида социальных контекстов – контексты внешние (социально-политические) и контексты внутренние (коллективного производства знаний) находится в тесном взаимодействии. При этом необходимо отметить, что особого внимания заслуживает именно анализ «коллективных» эпистемических контекстов, чем, в частности, занимается набирающая сейчас популярность т. н. «эпистемология разногласий».

Список литературы

- Ивин А.А.** Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2017.
- Касавин И.Т.** О поисках философской предметности в исследованиях науки // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 406–413.
- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, issue 1-2, pp. 8-22.
- Fricker M.** Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2009.
- Gilbert M.** Collective Belief and Scientific Change // *Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000, pp. 37-49.
- Gilbert M.** A Theory of Political Obligation. Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldman A.** The What, Why, and How of Social Epistemology // *The Routledge Handbook of Social Epistemology*. Routledge: 2020, pp. 10-20.
- Hayek, F.A.** The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, vol. 35, no. 4, pp. 519–530.
- Longino H. E.** What's Social about Social Epistemology? *The Journal of Philosophy*, 2022, vol. 119, issue 4, pp. 169-195.
- Rawls J.** Political liberalism. Columbia University Press, 1996.
- Schmitt, F.** Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge. Rowman and Littlefield, 1994.

References

- Ivin A.A.** Sotsialnaya epistemologiya. Chelovecheskoe poznanie v sotsialnom izmerenii [Social epistemology. Human knowledge in social dimension]. M.: Prospekt, 2017 (In Russ.)
- Kasavin I.T.** O poiskakh filosofskoi predmetnosti v issledovaniyakh nauki // Epistemologia segodnya. Idei, problemy, diskussii [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. N. Novgorod: N.N. University Press: 2018. P. 406–413. (In Russ.)

- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, issue 1-2, pp. 8-22.
- Fricker M.** Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2009.
- Gilbert M.** Collective Belief and Scientific Change // Sociality and Responsibility: New Essays in Plural Subject Theory, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2000, pp. 37-49.
- Gilbert M.** A Theory of Political Obligation. Membership, Commitment, and the Bonds of Society. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Goldman A.** The What, Why, and How of Social Epistemology // The Routledge Handbook of Social Epistemology. Routledge: 2020, pp. 10-20.
- Hayek, F.A.** The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, vol. 35, no. 4, pp. 519-530.
- Longino H. E.** What's Social about Social Epistemology? *The Journal of Philosophy*, 2022, vol. 119, issue 4, pp. 169-195.
- Rawls J.** Political liberalism. Columbia University Press, 1996.
- Schmitt, F.** Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge. Rowman and Littlefield, 1994.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич

Доктор философских наук

Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;

одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 14.06.2022;

approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-19-42

Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Как существует электрон*

Никита Владимирович Головкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – дать ответ на вопрос: «Как существует электрон?» с точки зрения общей логики дискурса философии науки, принимая во внимание современные философские концепции, объясняющие, что такое «электрон» и в каком смысле мы можем говорить о «существовании» таких объектов в первой четверти XXI века. Хорошая концепция существования объекта, постулируемого успешной научной теорией, как минимум должна учитывать два контекста собственно философских рассуждений – рассуждения «от науки», схватывающие вопросы философско-методологического обоснования знания на уровне определенных «стандартов рациональности», отвечающих выбранной теории, и рассуждения «от метафизики», которые в соответствующем контексте интерпретируют «электрон» как элемент объективной реальности так, как если бы электрон ученых существовал «на самом деле». Наш тезис заключается в том, что, выбрав в качестве основных элементов концепции деннетовский проект онтологии паттернов и неоаристотелевский проект категориальной онтологии Дж. Лоу, мы сможем блокировать проблему пессимистической метаиндукции (Х. Патнэм, Л. Лаудан и др.). Электрон существует как паттерн, который мы выделяем из всего набора эмпирических данных, ассоциируемых с теоретическим объектом «электрон», чье «реальное определение» сейчас задается Стандартной моделью и сопутствующими концепциями квантовой механики. В ходе научной революции электрон как паттерн никуда не исчезает, поскольку части «реальных определений» паттернов старой «парадигмы», тех, которые удастся ретроспективно проинтерпретировать и функционально значимо встроить в новую, будут включены в «реальные определения» новых паттернов, что указывает на наличие отношения «эссенциальной зависимости» между «старым» и «новым» паттернами.

Ключевые слова

фундаментальная частица, пессимистическая мета-индукция, структурный реализм, паттерн, проецируемость, эссенциализм, сущность, реальное определение, субстанциальное изменение, контингентное знание, диалектический материализм

* Статья представляет собой развернутую версию доклада, прочитанного 13 апреля 2022 года на заключительном пленарном заседании секций «Философия» и «Политология» в рамках LX Международной научной студенческой конференции (г. Новосибирск, НГУ, 10–20 апреля 2022 г.).

Для цитирования

Головко Н. В. Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: Как существует электрон // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 19–42. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-19-42

J. Ladyman, D. Dennett and E.J. Lowe: How the electron exists

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to answer the question: “How does an electron exist at the beginning of the 21st century?” from the point of view of the general logic of the philosophy of science discourse, taking into account contemporary philosophical concepts that explain what an “electron” is, and in what sense we could talk about the “existence” of such objects in the first quarter of the 21st century. A good concept of the existence of an object postulated by a successful scientific theory should at least take into account two contexts of proper philosophical reasoning – reasoning “from science”, grasping the questions of the philosophical and methodological justification of knowledge at the level of certain “standards of rationality” that correspond to the chosen theory, and reasoning “from metaphysics”, which, in the appropriate context, interpret “electron” as an element of objective reality, as if the electron of scientists “actually” existed. Our thesis is that by choosing as the main elements of the concept the Dennettian ontology of patterns project and the E.J. Lowe’s neo-Aristotelian categorical ontology project, we will be able to block the problem of pessimistic meta-induction (H. Putnam, L. Laudan, etc.). The electron exists as a pattern that we extract from the whole set of empirical data associated with the theoretical entity “electron”, whose “real definition” right now is given by the Standard Model and the accompanying concepts from quantum mechanics. In the course of the scientific revolution, the electron, as a pattern, does not disappear anywhere, since parts of the “real definitions” of the patterns of the old “paradigm”, those that can be retrospectively interpreted and functionally meaningfully coupled with the new one, will be asserted within the “real definitions” of the new patterns, which indicates on the existence of a relationship of “essential dependence” between the “old” and the “new” patterns.

Keywords

fundamental particle, pessimistic meta-induction, structural realism, pattern, projectability, essentialism, essence, real definition, substantial change, contingent knowledge, dialectical materialism

For citation

Golovko N.V. J. Ladyman, D. Dennett and E.J. Lowe: How the electron exists. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 19–42. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-19-42

Существование не является предметом науки. Когда мы говорим: «электрон существует», – мы говорим о «существовании» так, как будто «электрон» существует в метафизическом смысле, как объект метафизической теории. Для философии науки утверждение «электрон существует» всегда будет иметь две независимые «стороны медали», – условно, «hard-» и «soft-» элементы философской рефлексии. С одной стороны, у нас есть конкретная научная теория, описывающая теоретический объект, который введен в теорию для того, чтобы увеличивать ее выразительные возможности, объяснять в ее рамках то или иное явление.

ние. Ничто не мешает нам анализировать достоверность онтологии, которую предлагает эта научная теория, в терминах, схватывающих поведение объектов и способы их задания, принятые научным сообществом сейчас, либо в какой-то момент времени, в какой-то области исследований. Это уровень философско-методологического анализа, на котором мы рассуждаем о соотношении теории и эмпирических данных, о теоретической нагруженности наблюдений, о достоверности и обоснованности знания, не выходя за рамки, условно, определенных «стандартов рациональности», отвечающих выбранной теории. Это уровень рассуждений «от науки». С другой стороны, прежде чем говорить о существовании, у нас уже должна быть собственно метафизическая концепция существования, интерпретирующая содержание научного знания именно в метафизической перспективе. Здесь электрон существует не потому, что нам так говорят ученые, а потому что у нас есть хорошая философская метафизическая теория, которая интерпретирует «электрон» как элемент объективной реальности так, как если бы электрон ученых существовал «на самом деле». Это дискурс «от метафизики». Здесь мы говорим о структуре объективной реальности как таковой, о существовании, об истинности, о по-настоящему фундаментальных категориях и объектах. Такая *двойственность* рассуждений справедлива и для конца XIX века, когда параллельно с инструментализмом Э. Маха, осознанно устранившегося от обсуждения реальности, например, П. Дюгем, подчеркивая независимость физики от метафизики и соглашаясь с тем, что только идеальная научная теория будет «естественной классификацией», в то же время говорит о том, что идеальная теория будет «адекватным метафизическим объяснением», схватывающим «истинные отношения между реально существующими сущностями»; для него атомная теория строения вещества является собственно «метафизической гипотезой» (см.: [Duhem, 1996 (1893). Р. 36–38]), а А. Пуанкаре, ссылаясь на работы Ж. Перрена, приходит к тому, что «если мы можем посчитать это и успешно использовать в концепциях, описывающих разные явления, то оно реально существует» (см.: [Пуанкаре, 1990 (1913). С. 618–619]). Это справедливо и для позитивизма, который также отрицает необходимость метафизической теории, но при этом вероятностная теория значения, которую развивали и Р. Карнап, и Г. Рейхенбах, «совместима с реализмом» (см.: [Putnam, 1978. Р. 111–114]). И никто из последних не отрицает материальность окружающего чувственно воспринимаемого мира, – в философском плане они развивают другую «интеллектуальную последовательность», – вопрос о субстанциальной природе атомов их уже не интересует. Это справедливо и для более поздних «аналитических» представлений, согласно которым «исследования в естественных науках направлены на то, чтобы свести возможное к актуальному, а в формальных – свести предполагаемое к необходимому» [Katz, 2000. Р. 59]. Здесь философию мы, конечно, относим к формальным дисциплинам, и ключевыми игроками в этой традиции для нас будут, например, И. Ниинилуото, формализующий представление о правдоподобии научной теории, а также Д. Льюис и С. Крипке, задающие современное представление о необходимости; но при этом философы продолжают обсуждать проблему реализма. Это справедливо и для отечественной традиции, в которой философия есть «рефлексивная метамировоззренческая теория», где приставка «мета» обозначает

теорию метауровня, как «продукт теоретического исследования теорий предметного уровня, объектом которых выступает определенная сфера реальности», точно так же как «философия была у Аристотеля теорией метауровня по отношению прежде всего к его физике, хотя в той мере, в какой его мировоззрение не исчерпывалось одной только физикой, по отношению не только к ней» [Горан, 1997. С. 5]. В этом смысле наука, несмотря на то что она формирует и задает онтологию окружающего мира именно как результат философской рефлексии, никогда не перейдет на метауровень собственно метафизической теории. Потенциальная возможность разбирать два контекста рассуждений о существовании объектов, которые постулирует научная теория, многообразие как метафизических теорий, так и вариантов ответов на вопросы о том, в чем цель развития науки, какова лучшая методология, лучшая модель структуры научной теории, модель подтверждения и т. д., делают сам вопрос о *существовании* электрона по крайней мере нетривиальным.

Отметим, что мы говорим о двух разных, но именно *философских* контекстах рассуждения о существовании. Можно возразить, что предлагаемое деление весьма условно, что позитивисты, стремясь изгнать из философии ее «метафизическую нагруженность», на самом деле всего лишь предлагали еще один метафизический проект, а значит, такое деление не нужно. И уж тем более когда мы переходим к натуралистическому пониманию метафизики, сама граница между рассуждениями «от науки» и рассуждениями «от метафизики» стирается (см.: [Головкин, 2007]). Сохранить такое деление можно только, если мы хотим априорно оставить за философией определенную область рефлексии, – мы хотим считать метафизику в полном смысле слова самостоятельной областью исследований. Тогда при чем здесь наука и «отнаучный» способ задания мира, если эти контексты должны быть независимы? Задумаемся над тем, почему философско-методологический анализ в рамках той или иной философской парадигмы каждый раз показывает, что ключевые характеристики научного знания, по крайней мере, недостаточно последовательны? Представление о позитивном эмпирическом характере научного знания отражает интеллектуальный триумф научного мировоззрения, является основанием борьбы с мракобесием и иррационализмом. Однако здесь можно вспомнить объективные ограничения верификационизма и индуктивной логики, в целом неудачу программы экспликации теоретических терминов в терминах языка наблюдения и т. д. Гипотетико-дедуктивный уэвелловский характер обоснования научного знания, вместе с триумфом И. Галле, обнаруживающим Нептун на основании расчетов У. Леверье, сталкивается с представлениями о неочевидности, казалось бы, общепринятых представлений о возможности эмпирически эквивалентного описания и о том, что эвиденциальное подкрепление теории следует сводить исключительно к эмпирическому подтверждению ее следствий. Уникальный самокорректирующийся характер содержания научного знания, который, например, можно схватить в лакатосовской модели развития исследовательских программ, или в отечественной традиции в представлении о взаимодействии научной теории и методологических принципов научного познания М.В. Мостепаненко, или в более радикальном ключе – в научных революциях Т. Куна, сталкивается с проблемой пессими-

стической метаиндукции, – в каком смысле мы можем доверять тому, что говорят ученые сейчас, если через пятьдесят лет они сами будут с улыбкой вспоминать старые теории. На наш взгляд, все эти примеры должны показывать, что условные рассуждения «от науки» и «от метафизики», несмотря на то что они, по сути, являются философскими, строятся на разных основаниях и не могут быть просто так привязаны друг к другу. Рассуждения о проблемах индуктивной логики, равно как и о подкреплении теории по ее следствиям, являются развитием глубоко метафизических рассуждений, начатых Аристотелем, который пытался схватить само представление о выводе от посылок к заключению в рамках специфического априорного философского способа рассуждений. Апелляция к критериям повторяемости и воспроизводимости эксперимента, выбор модели подтверждения, понимание того, что лже- или не-наука, в отличие от науки, не может быть представлена в виде последовательности развивающихся исследовательских программ, – все это по своей сути предмет гораздо более случайных и прагматических рассуждений, нежели рассуждения Аристотеля. Применительно к анализу метафизики науки мы прямо должны говорить о двух независимых философских онтологиях: об «объектной» онтологии, связанной с конкретным представлением о том, что объект как сущность должен обладать определенными условиями тождественности в рамках заданной предметной области, с точки зрения принятых методов рассуждения и т. д., а также о «базовой» метафизической онтологии, фиксирующей то, насколько предполагаемая трактовка существования объекта будет состоятельной именно в метафизическом плане, в том числе по отношению к другим метафизическим концепциям (см.: [Головкин, Эртель, 2021]). И мы должны заранее позаботиться о том, чтобы эти онтологии были связаны на каком-то едином основании. Более того, говоря о существовании электрона, мы обязаны подчеркнуть, что, с одной стороны, у нас могут быть разные концепции электрона как теоретического объекта, существование которого схватывает конкретная научная теория, и это, конечно, рассуждения метауровня по отношению к предметному уровню научной теории, так как наука не занимается «существованием». И здесь, например, мы можем говорить о том, что электрон – это элементарная область бытия, обладающая сознанием, которая, осознавая себя как небинарная личность, проявляет волновые свойства в экспериментах по дифракции, а также, в зависимости от внешних условий, может проявлять свойства классической частицы. С другой стороны, у нас могут быть разные метафизические концепции существования. И здесь, например, мы можем говорить, что электрон является самостоятельной духовной субстанцией, и отрицать любую материалистическую трактовку электрона, обладающего сознанием квинт-субъекта.

Примечательно то, что именно рассуждения «от науки» приводят нас к проблеме пессимистической метаиндукции. Научная онтология исторически подвержена онтологической элиминации и даже радикальной смене ландшафта: «Что если мы посмотрим на теорию с точки зрения того, что электрон это такой же объект, как и флогистон? Тогда мы должны будем сказать, что электронов на самом деле не существует. Что если все теоретические объекты, постулированные на данном этапе (молекулы, гены и т. д., также как и электроны) заведомо (*invariably*) “не существуют” с точки зрения более поздних теорий? ... в конечном счете, сле-

дующая за этим мета-индукция становится ошеломляюще убедительной: *точно также, как ни один термин, который использовался в науке пятьдесят лет назад, не является указующим, окажется, что ни один термин, который используется сейчас, тоже не является указующим* [Punam, 1978. Р. 24–25]. В каком смысле мы должны говорить об истинности научного знания, если через пятьдесят лет мы сами откажемся от тех объектов, существование которых сейчас наука считает абсолютно достоверным? Очевидно, метафизическая теория должна каким-то образом схватывать этот момент, даже несмотря на то, что мы уже подчеркнули возможную независимость рассуждений «от науки» и «от метафизики». Проблема заключается в том, что метафизическая теория в силу своей природы предлагает «неизменный» образ реальности. Задав один раз систему категорий, на основании которых строится метафизическая онтология, вы не можете ее изменить, иначе это будет уже совсем другая философская система. Именно в этом смысле мы говорим, что метафизика, но не наука, раскрывает по-настоящему истинную в хорошем философском смысле структуру мира. Вопрос, на который мы хотели бы обратить здесь внимание, это вопрос о том, в каком смысле «статическая» философская онтология схватывает и объясняет «динамический» характер научной онтологии? И, конечно, мы предполагаем, что одной собственно философской онтологии должно быть достаточно для того, чтобы схватить весь период исторического развития научного знания, условно, от Аристотеля до Э. Виттена¹.

¹ Естественно, философия полна примеров в известном смысле «динамических» онтологий, наиболее яркой из которых для отечественного читателя, конечно, является диалектический материализм. Концепция трех истин («мы признаем относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [Ленин, 1968 (1909). С. 139], – в этом смысле на каждом историческом этапе познания мы можем обладать только «относительной истиной», при этом, конечно же, существует «объективная истина», отражением которой является «абсолютная истина»: «исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней» [Там же], – чтобы говорить о постижении объективной реальности, мы должны развести «объективную» и «абсолютную» истины, поскольку «объект» по определению независим от деятельности сознания: «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [Там же]) полностью снимает вопрос научных революций, – на каждом историческом этапе мы имеем дело со своим «относительным знанием». На наш взгляд, диалектический материализм – до сих пор лучшая онтология, с которой нужно знакомить непрофессионального читателя – ученого, нацеленного на то, чтобы в материалистическом ключе интерпретировать объективный характер научного знания, интуитивно понятный тезис об исторической обусловленности процесса познания, эпистемический оптимизм, роль практики в познании и т. д. Проблема в том, что профессиональный философский дискурс все время развивается. Те вещи, на которые когда-то были нацелены философские теории, могут терять актуальность, переходить на второй план даже внутри одной «последовательности», связывающей различные философские теории единными основаниями. Да и сами долговременные интеллектуальные традиции могут переживать периоды расцвета и упадка, терять важность для современников, сменяться другими последовательностями, которые будут казаться более привлекательными. В этом смысле, когда мы говорим об исключительности диалектического материализма, в первую очередь мы должны сравнивать его с характерными для философии науки конца XIX – начала XX веков инструментализмом, с отрицанием необходимости материалистической трактовки научной онтологии, с вопросами и методами решения философских проблем, актуальными для того времени.

Ниже мы отдельно остановимся на наиболее перспективных, с нашей точки зрения, концепциях «объектной» и «базовой» онтологий, сочетание которых, на наш взгляд, и позволяет удовлетворительно ответить на вопрос о том, как существует электрон в первой четверти XXI века. Наш тезис заключается в том, что, выбрав в качестве «объектной» онтологии концепцию реальных паттернов Д. Деннета, понимаемую как фундаментальная концепция существования (Д. Росс, Дж. Лэдмен), а в качестве «базовой» – концепцию четырехкатегориальной онтологии Дж. Лоу, мы сможем удачно сочетать необходимые контексты рассуждений «от науки» и «от метафизики» на едином основании, – и там, и там основным мотивирующим тезисом будет требование: «Метафизика должна быть научной!». Вместе с тем мы сможем блокировать основную угрозу всех современных концепций существования объектов, постулируемых успешной научной теорией, – проблему пессимистической метаиндукции (Х. Патнэм, Л. Лаудан и др.). Эссенциализм Дж. Лоу, вместе с характерной концепцией претерпевания и тезисами о том, что законы природы контингентны и что мы можем адекватно работать с «частью» сущности, вместе с представлением о проецируемости паттернов в онтологии Д. Деннета и наблюдением, что какая-то часть эмпирического содержания «старой» теории и отвечающие ей интерпретации терминов, например описывающих наблюдаемые объекты, характеристики и отношения, обязательно будет перенесена в «новую» (Дж. Уоррал, Л. Лаудан, Б. Фраассен, К. Стэнфорд и др.), позволяют непротиворечиво рассуждать о том, что в каком бы веке ни работал ученый, он может «принимать науку такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем объекты теорий, которые он использует сейчас, будут отброшены, – просто потому, что паттерны вводятся в онтологию как следствие «вывода к лучшему объяснению», и мы можем предположить наличие от-

Отметим, что собственно в философском плане, в конечном итоге, когда мы говорим о материальном единстве мира, о трех истинах и уровнях развития материи, мы, очевидно, говорим об «интеллектуальной последовательности» философских теорий, развивающих декартовские представления о субстанциальности. Для более поздних, не говоря уже о подавляющем числе современных, авторов, данная интеллектуальная традиция может не считаться первоначальной, и тот же самый вопрос о метафизической трактовке научного знания может анализироваться с других позиций, не отталкиваясь непосредственно от дихотомии материальное/идеальное. В частности, тот метафизический проект, который мы рассматриваем в этой статье, формально не принадлежит декартовской традиции. Мы не говорим о субстанциальности объектов, которые постулирует научная теория, об этом говорит В.И. Ленин. Естественно, все в современной философии так или иначе можно привязать к декартовскому проекту, однако оба основных элемента нашей концепции – и деннетовский проект онтологии паттернов, и неоплатоновский проект категориальной онтологии Дж. Лоу, по сути, могут представляться как в известном смысле самостоятельные и независимые. Исторически декартовский вариант категоризации метафизики не является первым и единственным. Материальность у Дж. Лоу понимается также как у Платона, как принцип возможности существования чувственно-воспринимаемых вещей, и это не значит, что мы обязаны трактовать ее в декартовском смысле. Во главе угла у Д. Деннета стоит теоретико-информационный критерий объективности паттернов, но это не значит, что мы должны трактовать здесь понятие «информации» в каком-то субстанциальном смысле, – мы можем рассматривать концепцию Д. Деннета и производные от нее в духе «рабочего платонизма» ученых, как один из вариантов натурализованной метафизики, следующий за развитием науки. Ни в том, ни в другом случае мы не хотим и можем не присоединяться к декартовской традиции. Мы благодарны Василию Павловичу Горану за этот пример, интерпретирующий диалектический материализм как часть «декартовской последовательности» теорий, трактующих субстанциальность, а также за сопутствующие комментарии.

ношения «эссенциальной зависимости» между «старым» и «новым» паттернами. Электрон существует как паттерн, который мы выделяем из всего набора эмпирических данных, ассоциируемых с теоретическим объектом «электрон», чье «реальное определение» сейчас задается Стандартной моделью и сопутствующими концепциями квантовой механики. В ходе научной революции электрон как паттерн никуда не исчезает, поскольку части «реальных определений» паттернов старой «парадигмы», тех, которые удастся ретроспективно проинтерпретировать и функционально значимо встроить в новую, будут включены в «реальные определения» новых паттернов.

Предварительные замечания

Проблема онтологической элиминации, или представление о том, что в ходе развития научного знания мы систематически отказываемся от объектов, которые постулируют успешные научные теории, а значит, от большинства теоретических объектов, существование которых научные теории постулируют сейчас, мы также со временем откажемся (Х. Патнэм, Л. Лаудан и др.), является не только основным аргументом против научного реализма, но и отрицает саму возможность вывода от науки к философии. Было ошибкой оттолкнуться от того, что наука говорит во время t_1 , к предположению о существовании постулируемых ей объектов, а значит, ошибкой будет сделать вывод о существовании тех объектов, которые наука постулирует сейчас. В этом смысле то, что наука сейчас говорит о «существовании» электрона, на самом деле может и не быть достаточным условием того, что электрон существует; даже на уровне рассуждений «от науки». Следуя Стандартной модели, электрон принадлежит к лептонам, т. е. к группе элементарных частиц, которые (наравне с кварками и калибровочными бозонами – частицами переносчиками известных физических взаимодействий) являются подлинно элементарными, «поскольку у них нет известных компонент или субструктуры»². Подчеркнем, именно «бесструктурный» характер электрона и та фундаментальная роль, которая придается ему в рамках Стандартной модели, являются основаниями, чтобы предположить его возможную элиминацию. Электрон является фундаментальным объектом современной научной картины мира, а в ходе научной революции, как мы знаем, наиболее существенным изменениям подвергаются именно базовые понятия парадигмы. При этом, естественно, в случае его элиминации различные «наблюдаемые» эффекты, отождествляемые сейчас с существованием электронов, никуда не денутся. С. Карно, предполагая существование «тепловой субстанции» (которая описывалась калорической теорией А. Лавуазье), по сути, разработал концепцию тепловой машины и заложил основы термодинамики³. В ходе развития науки мы отказались от «тепловой субстанции», но от результатов теории циклов тепловых машин, основы которой разработал С. Карно, никто, конечно, отказываться не собирается. В первую оче-

² См.: Электрон (ред. 8 июня 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Электрон> (дата обращения: 01.07.2022).

³ См.: Caloric theory (ред. 29 апреля 2022). Википедия. Свободная энциклопедия. https://en.wikipedia.org/wiki/Caloric_theory (дата обращения: 01.07.2022).

редь потому, что в области своей применимости концепция работает, она эмпирически успешна.

Вернемся к проблеме объяснения «динамического» характера научной онтологии в рамках «статической» философской теории. Для отечественного читателя, очевидно, весьма примечательной тут может показаться известная фраза В.И. Ленина о том, что электрон также неисчерпаем, как атом. Диалектический материализм как самостоятельная концепция в области метафизики науки (несмотря на отсутствие особой популярности в современном дискурсе и не всегда оправданную критику, вызванную, на наш взгляд, не столько претензиями к той части концепции, которая собственно связана с субстанциональной трактовкой научного знания, а скорее с *политизированной* неудовлетворенностью некоторых критиков концепцией исторического материализма, вне которой диалектический материализм по определению рассматривать нельзя) задает определенный *стандарт искомого объяснения* (см.: [Головкин, 2013]). В оригинале фраза звучит так: «Сущность вещей относительна; она выражает только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня – дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, она бесконечно существует, и это единственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм» [Ленин, 1968 (1909). С. 277–278]⁴. Оставив в стороне вопрос о том, что побудило активно действующего революционера (в современных терминах – одного из наиболее разыскиваемых террористов, иностранного агента и члена запрещенной организации) заняться анализом соотношения науки и философии (соответствующая глава называется «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм», а подзаголовок книги – «Критические заметки об одной реакционной философии»), по сути, – «неисчерпаемость» здесь является следствием материальности мира, т. е. следствием принятия определенной метафизической теории. Объяснение «динамического» характера научной онтологии в рамках «статической» философской теории связано здесь с ленинским определением материи, которое вместе с концепцией трех истин, полностью объясняют то, в каком смысле возможная элиминация электрона не будет означать того, что «материя исчезла».

⁴ Сравните эту цитату со словами А. Пуанкаре, опубликованными через четыре года после выхода книги В.И. Ленина: «Когда Демокрит предложил атомы, он считал их абсолютно неделимыми, помимо которых ничего не остается искать; за атомом не должно быть больше тайны. Следовательно, атом химика не дал бы ему полного удовлетворения, так как этот атом вовсе не является неделимым, он не является истинным элементом, он не свободен от тайны, этот атом – целый мир... *всякое новое открытие физики выявляет нам новое усложнение атома*» (курсив наш. – Н. Г.) [Пуанкаре, 1990 (1913). С. 619]. Это точка зрения философствующего ученого, для которой В.И. Ленин, в полном соответствии с самыми прогрессивными представлениями своего времени, «предлагает» соответствующую метафизическую концепцию. Представления В.И. Ленина, будучи оформленными в рамках декартовской «интеллектуальной последовательности» собственно философских метафизических теорий, разбирающих субстанциональный характер сущего в терминах дихотомии материальное/идеальное, схватывают и надлежащим образом оформляют представления, которые разделяют, по крайней мере, часть ученых, рассуждающих в то время «от науки».

В рамках диалектического материализма независимо от того, в каком веке работает ученый, в XIX или в XXI, он может «принимать науку такой, какая она есть», не заботясь о том, что в будущем объекты теорий, которые он использует сейчас, будут отброшены.

Достаточно сложно сказать, в каком смысле можно интерпретировать рассуждения В.И. Ленина с точки зрения противопоставления дискурсов «от науки» и «от метафизики». По характеру определения материи его рассуждения сугубо метафизические, однако акцент делается на том, что именно практика и, в конечном итоге, рассуждения «от науки» раскрывают объективную структуру реальности. Отсюда можно прийти к выводу, что поиск хорошего современного решения проблемы объяснения «динамического» характера научной онтологии может начинаться с поиска концепций, которые и в рассуждениях «от науки», и в рассуждениях «от метафизики» если не настаивают собственно на «научном» характере онтологий, то, по крайней мере, включают четкое представление о том, как должны соотноситься «наука» и «метафизика».

Электрон как структура

Одна из ключевых составляющих концепции теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена (см.: [Ladyman et al., 2007]), демонстрирующей исключительный характер рассуждений «от науки», – тезис о необходимости научной метафизики. Философская онтология в каком-то смысле должна быть *прямым следствием* онтологии научной. Мы должны рассуждать «от науки к философии»: «под натурализованной метафизикой мы понимаем метафизику, мотивированную исключительно попытками унифицировать теории и гипотезы, всерьез принимаемые современной наукой... *не существует другого вида метафизики*, который можно было бы рассматривать как часть нашей коллективной попытки смоделировать структуру объективной реальности» (курсив наш. – Н. Г.) [Там же. Р. 1]⁵. Как следствие, Дж. Лэдимен полагает, что в рамках философской онтологии мы должны отказаться от понятия «индивидуальный объект» и ввести понятие «структура», которое и будет фиксировать для нас то, что исследует и с чем работает научная теория: «частицы в квантовой механике не являются индивидуальными сущностями, но являются объектами в каком-то минимальном смысле... [чисто психологически] мы просто не можем помыслить область исследований,

⁵ Отсюда, в частности, например, следует тезис борьбы с неосхоластикой. При построении философской онтологии мы не можем в качестве примеров, раскрывающих содержание нашей метафизики, апеллировать к пустому трехмерному пространству или к тому, что электрон в атоме водорода движется вокруг ядра по плоской круговой орбите, как и планеты вокруг Солнца (эти представления уже в прошлом, идеализированные школьные представления не могут быть мотивацией в дискурсе построения современной философской онтологии), – мы обязаны обращаться исключительно только к самым *последним* научным результатам. Представление о собственно логической (не физической!) возможности не может закладываться в фундамент натурализованной метафизики. «Супервентность» Дж. Кима, «Мэри» Ф. Джэксона, «зомби» Д. Чалмерса, «китайская комната» Дж. Серла, «четырёхмерная концепция существования во времени» Т. Сайдера и другие примеры аналогичных рассуждений не могут иметь решающего значения в аргументации в рамках хорошей научной метафизики. Критичность философов по отношению к коллегам, разрабатывающим альтернативные метафизические проекты (В.И. Ленин, критикующий Э. Маха), никуда не исчезла.

не гипотезируя индивидуальные объекты как носители (*bearers*) структуры»⁶. Именно так, индивидуальные объекты играют лишь «эвристическую роль, позволяя ввести структуру, которая и несет всю онтологическую нагрузку» [French, 1999. Р. 204]. Как отмечают критики, в данном случае «мотивация к пересмотру метафизики имеет источником философию современной физики... знание о структурных аспектах реальности доступно, потому что *фактически (эмпирически) ничего другого нет*. Здесь мы говорим об *отрицании традиционной метафизики объекта*... мы должны пересмотреть то, что является базовым онтологическим допущением в том, что касается представления об объекте» (курсив наш. – Н. Г.) [Chakravartty, 2003. Р. 868]. На первый взгляд, замена «индивидуального объекта» на «структуру» может ничего не дать в плане преодоления проблемы онтологической элиминации. В конце концов, и С. Карно, и Л. Больцман по-разному интерпретировали свои фундаментальные «структуры», ответственные за передачу тепла от нагретого тела к холодному. Однако не стоит забывать, что концепция Дж. Лэдимена исторически развивается в русле концепции «структурного реализма». И хотя отличия между структурным реализмом Дж. Уорролла (см., например: [Worrall, 1989]), который действительно под определенным углом может быть свободен от проблемы пессимистической метаиндукции, и структурным реализмом Дж. Лэдимена (имеются в виду ранние работы, обосновывающие необходимость онтического структурного реализма; см., например: [Ladyman, 1998]) довольно существенны, сама апелляция к «структуре», которая так или иначе может сохраниться при переходе к другой онтологии, полезна⁷. Электрон – это «структура», которая схватывает физические проявления и характеристики, доступные нам в ходе конкретного эмпирического исследования теоретического объекта извест-

⁶ См.: Structural Realism (by J. Ladyman). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2020 Edition). <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/structural-realism/> (дата обращения: 01.07.2022).

⁷ Как отмечает Дж. Уорралл: «Можно указать на важный элемент непрерывности (*continuity*) при переходе от теории света Френеля к теории света Маквелла, – и он был чем-то большим, чем простой перенос *эмпирического содержания*. Это непрерывность *формы* или *структуры*, а не содержания» [Worrall, 1989. Р. 157]. Отметим, что здесь речь идет не только о сохранении уравнений Френеля, описывающих распространение света, – их математическая форма осталась без изменений, а вместе с этим сохранилась и «структура» старой теории, но и о сохранении интерпретаций целого ряда терминов, описывающих наблюдаемые объекты, характеристики и отношения. Более того, «гораздо чаще встречающаяся форма непрерывности, когда старые уравнения сохраняются как *предельный случай*, – новые и старые уравнения могут быть несовместны (*inconsistent*), но при определенных условиях они могут быть связаны, когда какая-либо величина достигает предельного значения» [Там же. Р. 160]. В этом смысле, а также учитывая тот факт, что на каждом историческом этапе мы рассматриваем научные теории как *приблизительно истинные*, мы действительно можем сказать, что концепция структурного реализма Дж. Уорролла свободна от проблемы пессимистической метаиндукции. Примечательно то, что Дж. Лэдимен говорит о другом, его основная задача на этапе разработки онтического структурного реализма – критика «традиционных метафизических представлений»: «сторонники онтического структурного реализма утверждают, что физика говорит нам о том, что современные представления о природе пространства, времени и материи несовместимы с традиционными метафизическими взглядами на онтологические отношения между объектами и их характеристиками... онтический структурный реализм – это *любая форма структурного реализма, которая подчеркивает онтологический приоритет структуры и отношений*» (курсив наш. – Н. Г.). См.: Ladyman J. Structural Realism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2020 Edition). E. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/structural-realism/> (дата обращения 1.07.2022).

ного в настоящее время как «электрон». И в определенном смысле эта «структура» будет сохраняться до тех пор, пока мы будем фиксировать эти эмпирические характеристики и сопоставлять их объяснением выбранных явлений, независимо от принятой онтологии. Существенный прогресс в понимании того, что считать объектом такой «научной» метафизики, был достигнут в ходе интерпретации «структуры» в терминах концепции реальных паттернов Д. Деннета.

Наследие Д. Деннета

Сложно сказать, кто первый догадался представить «структуру» как паттерн. Классическая работа Дж. Лэдимена «Что такое структурный реализм?» [Ladyman, 1998], где закрепляется важная для понимания сути того, что хочет сказать Дж. Лэдимен, концепция онтического структурного реализма, не только не содержит слова «онтический», но и не упоминает работ Д. Деннета. К 2000 г. закрепляется интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепции существования, и это делает не Дж. Лэдимен (см.: [Ross, 2000])⁸. Очевидно, к моменту написания «Каждая вещь своим чередом» [Ladyman et al., 2007], одним из соавторов которой также является Д. Росс, все необходимые элементы для интерпретации объекта как структуры в терминах концепции реальных паттернов Д. Деннета уже были представлены в явном виде.

С точки зрения Д. Деннета, «реальные паттерны», – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных, «как описания..., независимо от того, может ли кто-либо его [паттерн] зафиксировать (*concoct*)» [Dennett, 1991. Р. 34]. Что касается достоверности паттернов, то кроме «функционального» критерия у Д. Деннета также присутствует и «теоретико-информационный» критерий. С одной стороны, достоверность паттерна определяется «статистически», в терминах успешности предсказаний, сделанных на основании допущения, что из этого набора данных можно выделить паттерн: «наша способность интерпретировать действия других зависит нашей способности их предсказывать» [Ibid. Р. 29]. С другой стороны, Д. Деннет апеллирует к теории вычислимости, согласно которой существование паттерна связывается с понятием сжимаемости алгоритмов: «последовательность данных не является случайной – имеет паттерн – если существует более эффективный способ ее описать» [Ibid. Р. 32]. Реальный паттерн должен схватываться меньшим числом бит информации, чем побитный перенос множества данных, из которых мы вычитываем паттерн, – это объективный процесс. Тем самым мы можем говорить о реальности паттерна, не обращаясь к инструменталистской трактовке полезности выделения паттерна.

⁸ В 1994 году Д. Росс уже говорит о том, что Д. Деннет использует понятие «реальный паттерн» для того, чтобы схватить то, к чему «наука обеспечивает эпистемический доступ», где «реальный паттерн – это устойчивая структура, которая содержит в сжатом (*compressed*) виде информацию о структурах других типов, и которую можно зафиксировать (*register*) в какой-то физически возможной перспективе» [Ross, 1994. Р. 45]. Дж. Хогеланд в 1993 году, разбирая пример Д. Деннета с возникновением паттернов в игре «Жизнь», отмечает, что «они присутствуют (*persist*) как переопределяемые, непустые конфигурации на фоне пустоты... как следствия кинетических законов, управляющих изменением состояния клеток в игре Жизнь» [Haugeland, 1993. Р. 55–56]. Уже тогда становится интересным вопрос о характере номологической модальности онтология Д. Деннета (см.: [Головкин, Эртель, 2020]).

Оставив в стороне проблемы теоретико-информационной трактовки онтологии, отметим, что в целом, говоря об онтологии паттернов Д. Деннета, нам требуется «интерпретирующая перспектива», в рамках которой мы выделяем паттерн, а также – для того чтобы убедиться, что этот паттерн реален, – нам требуется определенного рода «предсказательная стратегия», например, предсказывающая поведение субъекта на основании того, что в выбранной «интенциональной перспективе» мы приписали субъекту наличие у него какого-то убеждения, которое мы трактуем как паттерн, – человек идет в магазин за хлебом, потому что голоден. Интерпретируя концепцию Д. Деннета как фундаментальную концепцию существования, Д. Росс пишет: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (*projectible*) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте *S*. При этом эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной (*efficient*), чем тривиальное представление (*bit-map encoding*) *S*, в том смысле что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект *S*, который невозможно было бы обнаружить (*track*), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» [Ross, 2000. Р. 161]. Если мы говорим о физических объектах, то понятие «интенциональная перспектива» следует заменить на «физически возможная перспектива», относительно которой паттерн является «проекцией».

Оригинальность концепции Дж. Лэдимена заключается в том, что деннетовское понятие «паттерн» используется для того, чтобы заменить понятие «структура». Электрон – это паттерн, который выделяется из всего набора эмпирических данных, которые мы ассоциируем с теоретическим объектом «электрон», – он «существует» как проекция в рамках принятого современным научным сообществом набора теорий, составляющих «перспективу», в которой можно выделить множество успешных «предсказательных стратегий», которые, с учетом имеющихся данных, задают *инструментальный* критерий существования электрона как объекта онтологии. Объективность паттерна в данном случае также связывается с концепцией алгоритмического сжатия, в основу которой положена оригинальная концепция информации Дж. Колле, сочетающая «коммуникативную» (по Шеннону–Уиверу) и «термодинамическую» (по Бриллюэну) трактовки информации (см.: [Ladyman et al., 2007. § 4.4]). Примечательно то, что на этом Дж. Лэдимен считает свою задачу выполненной. Мы получили достаточно операционализируемый критерий задания объектов научной онтологии и, более того, схватили в философской плоскости ключевые, по мнению автора, тенденции в интерпретации тезиса «метафизика должна быть научной!» с точки зрения современных ученых⁹, – в первую очередь идею о том, что представление об объектах в квантовой механике как наиболее успешной теории, лежащей в основании современной научной картины мира, должно задавать логику представления об объектах философской онтологии; сюда также можно отнести удачные, на наш взгляд, трактовки

⁹ Вспомним о том, как «близко» соотносятся интерпретации «неисчерпаемости электрона» у В.И. Ленина и А. Пуанкаре (см. сноску 4 выше).

требований «отрицания редукционизм» (Р. Баттерман), «масштабной относительности» онтологий частных наук (Д. Росс), отсутствия «фундаментального уровня» описания реальности (Дж. Шаффер), критику неосхоластики (Дж. Лэдимен) и др. Это блестящий образец рассуждений на уровне «от науки».

Фундаментальная онтология Дж. Лоу

Применительно к проблеме объяснения «динамического» характера научной онтологии в рамках «статической» философской теории наша гипотеза состоит в том, чтобы выбрать в качестве «объектной» онтологии – онтологию Дж. Лэдимена, а в качестве «базовой» – четырехкатегориальную онтологию Дж. Лоу. Соглашаясь в общих чертах с рассуждениями «от науки», которые проводит Дж. Лэдимен, их нужно дополнить адекватной в собственном смысле слова метафизической системой¹⁰. С точки зрения Дж. Лоу: «законы природы не являются необходимыми положениями дел, но являются контингентными» [Lowe, 2006a. P. 132]. На наш взгляд, это крайне удачный способ зафиксировать на уровне рассуждений «от метафизики» идею о том, что на каждом историческом этапе мы рассматриваем научные теории именно как *приближенно* истинные. Естественно, это утверждение Дж. Лоу является следствием принятой фундаментальной онтологии. Дж. Лоу выделяет четыре базовых формальных онтологических категории: две категории партикулярий – онтологически независимые «вещи» (субстанциальные партикулярии – индивидуальные субстанции) и «моды» (несубстанциальные партикулярии

¹⁰ Выбор системы Дж. Лоу не случаен еще и потому, что в ее рамках закрепляется оригинальное представление о том, как должны соотноситься наука и метафизика: «метафизика сама по себе может сказать нам только то, что является метафизически возможным, а не то, какая из альтернативных метафизических возможностей достигается актуально. Мы постулируем метафизическую возможность тех или иных положений дел, но не говорим, что такое-то и такое-то положение дел достигается актуально. Какая из нескольких метафизически возможных альтернатив достигается актуально? Ответ: с помощью опыта. Зная то, какой может быть фундаментальная структура мира, мы должны оценить то, какой он есть, посредством оценки того, насколько *хорошо* имеющийся опыт может быть соотнесен с той или другой возможностью. Суждение, что мир актуально проявляет (*exhibit*) данную метафизическую характеристику, будет апостериорным, но содержание этого суждения будет иметь (*retain*) модальный характер в смысле метафизической возможности. Метафизика касается (*concern*) модальных истин, несмотря на то что вопросы актуальности имеют апостериорный характер» (курсив наш. – Н. Г.) [Lowe, 1998. P. 22]. В определенном смысле мы можем сказать, что с точки зрения Дж. Лоу метафизика является наукой о возможном, а наука – о том, что из этого возможного реализуется актуально. Как отмечает Дж. Лоу: «Многие философы смущаются (*uneasy*) такой комбинации эмпирического и метафизического, но это только потому, что они все еще стремятся (*hanker*) к невозможной “рационалистской” мечте определить фундаментальную структуру реальности априорно и с абсолютной достоверностью (*certainty*). Метафизика может быть [наукой] о реальности и не превращаться (*collapse*) в эмпирическую научную теорию, если мы согласимся с тем, что, рассуждая об актуальности, метафизика не может обеспечить (*provide*) достоверность» [Там же. P. 25]. Интересно, что критика тех, кто пытается «определить фундаментальную структуру реальности априорно и с абсолютной достоверностью» ведется с позиции, по сути, канонических аристотелевских представлений. В конечном итоге «метафизика первична по отношению к любой специальной науке, – эмпирическая наука сама по себе не может ответить на вопрос о метафизической возможности... эмпирические данные можно интерпретировать как данные в пользу истинности научной теории, только если ее [теории] гипотезы уже являются (*entitled*) выражением определенных метафизических возможностей: тот факт, что их [гипотезы] можно так интерпретировать, нельзя установить непосредственно на эмпирических основаниях» (курсив наш. – Н. Г.) [Lowe, 2002. P. 332].

рии – частные проявления характеристик), они онтологически зависят от вещей, так как вещи являются их «носителями»; и две категории универсалий – «виды» (субстанциальные универсалии), их проявляют вещи, и «характеристики» (несубстанциальные универсалии), их частными проявлениями являются моды. В данном случае «законы природы» – именно в том понимании, как они должны раскрываться в научном исследовании, – это отношение между «видом» и характеризующей его «характеристикой», либо отношение между несколькими «видами», это отношение между универсалиями. При этом важно то, что «мы просто не в состоянии перечислить все возможные факторы, в силу которых соль, положенная в воду, не будет растворяться; следовательно, когда мы говорим, что соль “растворима в воде”, мы не можем *подразумевать* под этим целый комплекс условных утверждений, исключающих эти факторы, так как мы не в состоянии (*incapable*) сформулировать подходящий антецедент для таких утверждений» [Там же. Р. 130], а значит, «я не думаю, что законы должны включать некоторое специальное “второпорядковое” отношение *необходимости* между “первопорядковыми” универсалиями, которое как-то закрепляет то, что какое-то положение дел или их конъюнкция достигаются (*obtain*)... законы *не предполагают* существования конъюнкций происходящих (*occurrent*) положений дел включающих партикулярии... законы описывают то, как партикулярии предрасположены (*tend*) вести себя в тех или иных условиях, а не то, как они реально себя ведут... это предикативная связка (*tie*), а не какое-то *мистическое* отношение необходимости, которое каким-то образом проецируется на партикулярии, о которых идет речь» (курсив наш. – Н. Г.) [Там же. Р. 131–132], более того, «апелляция к “номической необходимости” отчасти является следствием *заблуждения*, которое является следствием попытки преодоления частотного (*regularity*) понимания законов природы с целью различить законоподобные и случайные обобщения... закон нельзя понимать как модальную версию квантифицированного утверждения относительно партикулярий вида “С необходимостью, для любой индивидуалии *x*, если *x* есть *F*, то *x* есть *G*”, закон – это выражение вида “*K* есть *F*”, где *K* обозначает субстанциальный вид» (курсив наш. – Н. Г.) [Там же. Р. 133]. Примечательно то, как Дж. Лоу обосновывает то, почему на данном историческом этапе развития науки мы можем фиксировать только те законы природы, которые фиксируем: «Почему так происходит, что среди всех возможных комбинаций характеристик только некоторые комбинации обнаруживаются в природе? ...только тот, кто всерьез воспринимает [обнаруживаемые физиками] законы природы, как обращающиеся к универсалиям, может это объяснить. Индивидуальные объекты, демонстрирующие (*exhibit*) другие возможные комбинации характеристики, не найдены [эмпирически] просто потому, что пока нет таких видов, которые проявляют (*instantiate*) эти объекты... онтология, включающая два рода универсалий (виды и характеристики) и законы природы (выражающие то, как связаны виды и характеристики), обоснована (*justified*) обращением к выводу к лучшему объяснению порядка, постижимости и предсказуемости [эмпирически фиксируемой сейчас] физической Вселенной» [Lowe, 2006a. Р. 135–136]. То, что мы понимаем под «приближенной истинностью» научной теории на данном историческом этапе, на самом деле есть следствие контингентности законов природы, трактуемых в приведенном смысле.

Взаимосвязь этих рассуждений Дж. Лоу и «верификационизма» в задании объектов физической теории как паттернов, которые являются проекциями принятых «физически возможных перспектив» перед лицом имеющихся эмпирических данных, очевидно, закрепляется обращением к отмеченному «выводу к лучшему объяснению» и замечанием, что законы природы сейчас именно таковы, потому что «пока не обнаружены другие субстанциальные виды, которые могли бы проявлять объекты»¹¹.

Другой важный для нас момент концепции Дж. Лоу связан с его представлением о претерпевании. В ситуации онтологической элиминации в каком-то смысле «старый электрон» должен «перестать существовать» и уступить место «новому электрону», который в каком-то смысле должен «начать существовать». Основная посылка проблемы пессимистической метаиндукции в том виде, как ее видят, например, Х. Патнэм и Л. Лаудан, опирается на представление о том, что в момент времени t_1 мы, непосредственно интерпретируя содержание научного знания, будем считать утверждение «электрон₁ существует» истинным и оно не будет истинным в момент времени t_2 – после научной революции, в этот момент истинным будет другое утверждение «существует электрон₂». Истинность утверждения зависит от времени? Что в данном случае должны означать «перестать существовать» и «начать существовать»? Как вообще связаны «существование» и «время»? Прежде чем ответить на эти вопросы, мы должны принять одно нетривиальное допущение относительно истинности, а именно – истинность утверждения должна предполагать существование «устанавливающего истину» (наша интерпретация дана в работах: [Головкин, 2020; 2019]). С точки зрения Дж. Лоу, устанавливающей истину для пропозиции «это яблоко зеленое» является мода «зеленый цвет данного яблока», проявляющая универсалию «зеленое» для данного яблока в данный момент времени: «частью сущности любой моды конкретной индивидуальной субстанции является то, что они существуют только в некоторое время (или времена) в течение существования этой субстанции» [Lowe, 2013. P. 196]. Более того, «когда объект меняет свой цвет с красного на оранжевый, это значит, что объект перестает обладать (*possess*) модой красного цвета и обретает моду оранжевого. И тем самым мода красного цвета перестает существовать, а мода оранжевого возникает... зависимость от объекта, мода красного не может “передаться” другому объекту и не может продолжить свое существование сама по себе без объекта» [Lowe, 2006b. P. 286]¹². В каком смысле электрон₁ может быть аналогом моды, которую проявляет яблоко в данный момент времени? С точки зрения Дж. Лоу, эта аналогия не очень удачна, так как, согласно его классификации, мода является «не-объектом» или «анти-индивидуалией», а электрон как конкретный объект, описываемый фундаментальной физической

¹¹ Насколько применима в данном случае аналогия с представлением В.И. Ленина об относительности нашего знания о реальности в каждый конкретный исторический момент времени, решать читателю.

¹² Можно заметить, что в данном случае речь идет об устанавливающих истину для пропозиций, выражающих «реляционную истину», в то время как утверждение «электрон существует» – экзистенциальное. Однако это не проблема, так как в нашем случае электрон – это паттерн, т. е. «структура», которая как физический объект определяется в терминах диспозиций, которые без труда представляются в терминах «реляционных» либо «условных» утверждений.

теорией, является «квази-объектом»¹³. В любом случае вопрос «обретения реальности» электроном и его «исчезания» должен решаться в терминах исходных онтологических категорий. Это вопрос о том, как описать идею «субстанциального изменения», поскольку электрон как «вещь» является индивидуальной субстанцией, которая, в частности, является устанавливающим истину для пропозиции «электрон существует». Дж. Лоу напрямую связывает понятия «существование», «реальность», «изменение» и «время»: «Когда мы говорим, что *a* не существует до времени *t*, но существует в *t* – обретает (*comes into*) существование в *t*, нам кажется, что тем самым *a* обретает положение (*location*) во времени. Однако существование – это не то, что можно обрести или потерять во времени. Существовать – это значит быть частью реальности как целого, это в собственном смысле слова *вневременной* факт. Разница между существованием и несуществованием – это разница между *быть реальным* и не *быть реальным*... Тот факт, что после его смерти мы не можем локализовать Цезаря во времени, не имеет никакого отношения к тому, что он перестал существовать. Но нам скажут, что отсутствие *сейчас* – это единственное основание того, почему мы не встретим Цезаря, несмотря на то что он *существовал*... Это абсурд. Для вещей, в чьей природе существовать во времени, существование во времени и есть *существование*... Содержание реальности *само по себе* изменяется с течением времени, – и в этом собственно и *состоит* течение времени. Изменение – это всегда предмет *обретения* (*becoming*) реальности и *исчезания* (*ceasing to be*), всегда начало и конец пребывания *реальным*» [Lowe, 2006b. P. 283–285]¹⁴. Тогда чем определяется то, когда и почему происходит изменение? Ответ: сущностью вещи¹⁵. Именно сущность моды определяет

¹³ Бывают ситуации, когда «мы не можем определить, какой из электронов какой. В атоме гелия определенно находятся два электрона, у *одного* спин направлен вверх, у *другого* – вниз, но не существует способа проверить, куда именно направлен спин данного электрона... выражение “данный электрон таков” не применимо... Аналогичная ситуация возникает, когда положительно заряженный ион атома гелия поглощает свободный электрон и после этого испускает электрон, и мы не можем сказать, был ли этот электрон именно тем, который был поглощен, либо это электрон, который раньше принадлежал атому» [Lowe, 1998. P. 68–71]. Подчеркнем, электрон – это частица с полуспином и подчиняется принципу Паули (два фермиона не могут одновременно находиться в одном и том же квантовом состоянии в одной квантовой системе), – мы знаем, что электрона два, но «утверждение “*x* – это тот же самый электрон, что и *y*” в данном случае не может быть ни истинным, ни ложным» [Там же. P. 62]. В этом смысле моды не только не обладают определенными «условиями идентичности», но их нельзя «посчитать». Моды – это конкретные (не абстрактные) партикулярии (не универсалии), существующие в пространстве и времени, существующие только по отношению к вещам, и как отмечает Дж. Лоу, «не важно, как мы ответим на вопрос об условиях идентичности сферичностей [рассматривая резиновый мяч, можно определить сферичность как характеристику именно этого мяча, а можно как характеристику куска резины, из которой сделан этот мяч] и как их посчитаем, поскольку у нас нет реальных оснований, на которых мы можем решить, какой ответ правильный. Мы можем включить сферичности и другие моды в онтологию, не отвечая на эти вопросы. И только предубеждение (*prejudice*), вызванное позицией (*dictum*) Куайна – “Нет сущности без [условий] идентичности”, может заставить нас думать обратное» [Там же. P. 82].

¹⁴ Подобные рассуждения имеют ряд достаточно интересных следствий и для интуиции «зависимости истинности пропозиций от времени», и для интуиции «понимания времени как физического измерения», и для интуиции понятия «событие». См.: [Головкин, 2021].

¹⁵ С точки зрения Дж. Лоу, сущность предшествует существованию, не является объектом определенного вида и задается «реальным определением»: «Я не настаиваю на том, что мы должны *полностью* схватить *целиком* всю сущность для того, чтобы иметь возможность думать о ней адекватно, так что даже если я не *полностью* схватываю, что такое, скажем, *равноудаленный*, я все еще могу достичь

«время ее существования» и, тем самым, например, объясняется изменение цвета яблока. В онтологии Дж. Лоу «сущность» (*essence*) трактуется, условно, в аристотелевском или в локковском смысле как «условие идентичности» вещи. Примечательно то, что, во-первых, мы можем работать с неполным определением сущности: «нам нужно знать только *часть* сущности вещи, чтобы быть способным говорить и думать о ней... я не говорю, что я должен знать все о кошках [вид] или о Томе [индивидуальный представитель вида], чтобы говорить и осмысленно (*comprehendingly*) думать о нем» [Lowe, 2008. Р. 36]. И, во-вторых: «Знание сущности вещи – это предмет понимания отношений *эссенциальной зависимости*, в которых она находится с другими вещами, чьи сущности мы уже знаем» (курсив наш. – Н. Г.) [Lowe, 2016. Р. 109]. Последний момент важен, так как именно его мы можем проинтерпретировать с точки зрения искомого понимания соотношения между *электроном₁* и *электроном₂*.

С. Карно и Л. Больцман, описывая одни и те же тепловые явления, используют разные онтологические допущения. Насколько условные «перспектива Карно» и «перспектива Больцмана» будут независимы? С точки зрения рассуждений «от науки», каждая из «перспектив» описывает свою область, в которой она эмпирически успешна и «приближенно» истинна. Более того, поскольку мы говорим именно о развитии научного знания и «физически возможных перспективах», то у нас *должно быть* представление о том, что «перспективы», по крайней мере обращающиеся к одной предметной области, как-то содержательно связаны. Например, можно предположить предельный переход в духе соотношения классической механики И. Ньютона и специальной теории относительности. Для ученых это не важно, так как после «научной революции» ничего другого, кроме победившей «перспективы», в плане трактовки содержания знания формально нет. Однако для философов, тем не менее, важно предположить, что, находясь в рамках одной из «перспектив», мы можем хотя бы отчасти содержательно реконструировать то, о чем говорит другая¹⁶. Тем более что какая-то часть эмпирического со-

частичного понимания, что такое окружность в терминах приведенного реального определения [речь идет об определении окружности как геометрического места точек, равноудаленных от данной]... Схватить сущность есть следствие обращения к интеллектуальной способности, которой мы уже должны осознанно обладать: способности понимать по крайней мере некоторые пропозиции, включая те, которые выражают реальные определения» [Lowe, 2012. Р. 110].

¹⁶ Мы благодарны Игорю Евгеньевичу Присю за пример, иллюстрирующий возможность содержательно связать две «парадигмы». Если не принимать во внимание метафизический реализм и классическое представление об объективности знания, то каждая «парадигма» – это нормативное предписание, это «грамматика, которая определяет онтологию». Такое представление о «парадигмах» закрепляет интернализм – «парадигмы» осмысленны только в своих рамках, – здесь истина в высоком философском смысле не является целью познания, поскольку об «истинности» можно говорить только в рамках «формы жизни», а «реализм», каким бы он ни был, здесь может быть только контекстуальным. Однако, прибегая к понятию «ретроспективной рациональности», мы можем частично реконструировать содержание одной «грамматики» внутри другой. См.: [Прись, 2022]. Насколько такое прочтение близко логике отношения различных «физически возможных перспектив», решать читателю. Важно то, что в силу отказа от претензии на объективность знания (более правильно будет сказать, что мы отказываемся не от объективности как таковой, а от объективности знания в смысле знания о предопределенном (объектном) внешнем мире; отказ от абсолютной Истины как соответствия этому миру), в такой перспективе «метафизический вес» различных «парадигм» будет одинаковым, и переход к новой (естественно, с потерей оригинального содержания, так как онтологии разные) в данном случае это не «отбрасывание» старого знания, а именно его «пересказ» в новой эпистемической систе-

держания «старой» теории и отвечающие ей интерпретации терминов, например описывающих наблюдаемые объекты, характеристики и отношения, обязательно будет перенесена в «новую». Что общего между понятиями «тепловая субстанция» и «кинетическая энергия молекул»? И в том, и в другом случае соответствующий паттерн определяется в терминах успешности предсказаний с точки зрения возможности получить достаточно содержательный, интересный в плане заданной проблемной ситуации результат. Следуя логике, заложенной Д. Деннетом, необходимым условием существования паттерна является его проецируемость как демонстрация того, что паттерн обладает *нетривиальным* информационным содержанием¹⁷. Очевидно, выполнение условия проецируемости для паттернов в «перспективе Больцмана», которая по определению должна лучше объяснять явления, будет включать, по крайней мере отчасти, наследуемое содержание паттернов из «перспективы Карно»¹⁸. В терминах рассуждений «от метафизики», принимая во внимание понятие «сущность» в концепции Дж. Лоу, мы можем сказать, что паттерны в разных «перспективах» могут быть связаны отношением «эссенциальной зависимости». Тот факт, что законы природы контингентны, что мы можем адекватно работать с «частью» сущности и что содержательную связь между разными «перспективами» мы можем представить как основание

ме. В такой перспективе представить непрерывность развития знания достаточно легко, даже несмотря на череду сменяющих друг друга онтологий.

¹⁷ В терминологии Дж. Лэдмена условием существования паттерна является наличие «второго паттерна», который и показывает то, в каком смысле «достоверность паттерна определяется в терминах успешности предсказаний»: «Рассмотрим пример, – множество кривых, которые можно провести по соответствующему множеству точек, отражающему состоянию котировок акций на фондовом рынке. Любая из этих кривых обозначает паттерн. Однако финансовый аналитик хотел бы знать, какая из этих кривых может быть достоверным образом продолжена, т. е. какую из них и на основе какого закона можно обобщить с целью анализа ненаблюдаемых данных. ... “Не делайте ставку на этот тренд показаний рынка, – скажет ваш брокер, – он не реален”. Брокер, естественно, не говорит о том, что собранные данные не реальны, он говорит о том, что паттерн, о котором идет речь, не является проецируемым» [Ladyman et al., 2007. P. 228]. Под «непроецируемым» в данном случае понимается невозможность получить содержательный, интересный с точки зрения описываемой проблемной ситуации «второй» паттерн на основании данных, на которых получен «первый».

¹⁸ С одной стороны, так работает наука. Мы переходим к новой теории, потому что получаем новые интересные результаты. Хорошая научная теория должна отвечать имеющимся данным, объяснять явления и открывать пространства для формулировки и решения новых проблем. Но любая такая теория не находится в интеллектуальном вакууме. Оценка успешности того, о чем говорит «перспектива Больцмана», по определению, так или иначе, в той или иной форме будет использовать то, о чем говорит «перспектива Карно». С другой стороны, получается, что паттерны в «перспективе Карно» станут в приведенном смысле «по-настоящему реальными» только после того, как появится возможность проинтерпретировать совсем другие паттерны в более успешной «перспективе Больцмана». И как тогда оценивать «настоящую реальность» паттернов в «перспективе Больцмана», если новой и более успешной «перспективы» еще нет? В определенном смысле собственное содержание «перспективы» действительно становится понятно только в противопоставлении с другой «перспективой», в ином случае, например, можно продолжать обосновывать, что новая «перспектива» сама по себе успешна. Как отмечает Дж. Лэдмен: «Объективность состоит в поиске достоверных *обобщений*. “Объективность” здесь означает: предсказательно успешный и контрфактически подтверждаемый. Отслеживание индивидуальных объектов, таких как Наполеон, эпистемически полезно с точки зрения подтверждения предсказаний и контрфактических утверждений относительно него. Онтологическим утверждающим истину для эпистемического факта является то, что этот факт является реальным паттерном. Непроецируемый паттерн на конечном множестве данных является парадигмальным примером химеры» [Ladyman et al., 2007. P. 230].

для предположения о наличии отношения «эссенциальной зависимости» между «старым» и «новым» титульными паттернами просто потому, что паттерны вводятся в онтологию в результате вывода к лучшему объяснению, – показывает, что у нас достаточно оснований непротиворечиво рассуждать о «динамике» научной онтологии с точки зрения «статической» философской теории. В этом смысле существование электрона в Стандартной модели как «структуры», как паттерна обусловлено той частью его сущности, которую сейчас удастся схватить с учетом того, что говорят наиболее успешные современные теории. Будущая научная революция не приведет к тому, что «электрон исчезнет», так как изменится его «реальное определение», и в новой «перспективе» электрон будет существовать, по крайней мере в эссенциальном смысле как часть определения сущностей объектов новой онтологии. И это объяснение получено без обращения к классической декартовской парадигме субстанциальной трактовки объектов научной теории. Все вопросы, касающиеся противопоставления декартовского субстанциализма и аристотелевского эссенциализма, являются предметом исключительно метафизической дискуссии, которая является лишь частью более широкой риторики философии науки. Здесь речь идет об электроны как о крайней экзотическом объекте, весьма далеком от макрообъектов, доступных на уровне здравого смысла, – у него нет определенного положения в пространстве и во времени в привычном смысле, нет структуры, – это фундаментальная частица. Не нужно смотреть на него с точки зрения антропоцентричной онтологии обыденных объектов. Для электрона объективно не всегда можно определить диахронические условия идентичности, принимая во внимание, например, возможность запутанного состояния двух электронов в атоме гелия, а значит, мы должны пользоваться принципом отсутствия достаточного основания. Как пишет Дж. Лоу: «мы должны научиться жить с пониманием того, что в достаточно большом числе случаев у нас просто не будет *неопровержимых фактов* в отношении наиболее фундаментальных вопросов о том, *что существует* в данное время или что *продолжит существовать* после» [Lowe, 2006b. Р. 282]. Более того, в онтологии Дж. Лоу время не является экстенциональным по своей природе, – мы не можем представить время как еще одно «пространственное» измерение, в котором простирается реальность. В этом смысле в ходе научной революции «электрон» как паттерн никуда не исчезает, поскольку речь идет о переписывании его «реального определения» в свете новых данных и новых научных теорий. В конце концов, элементы паттерна также являются паттернами, – части «реальных определений» паттернов старой «перспективы», тех, которые удастся ретроспективно проинтерпретировать и функционально значимо встроить в новую «перспективу», будут включены в «реальные определения» новых паттернов.

Список литературы

- Головко Н.В. Натурализация эпистемологии и «возвращение психологии»: проблема мотивации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 120–124.
- Головко Н.В. Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм // Вопр. филос. 2013. № 8. С. 24–33.

- Головкин Н.В.** Дж. Лэдимиен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины // Сиб. филос. журн. 2019. № 4. С. 63–77.
- Головкин Н.В.** Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология: эссенциалистская трактовка установления истины // Сиб. филос. журн. 2020. № 2. С. 59–74.
- Головкин Н.В.** Общая теория относительности и причинность, рассуждения «от метафизики» и онтология Дж. Лоу // Сиб. филос. журн. 2021. № 3. С. 5–32.
- Головкин Н.В., Эртель И.И.** Онтический структурный реализм: онтология паттернов и модальная природа структур // Сиб. филос. журн. 2020. № 4. С. 5–29.
- Головкин Н.В., Эртель И.И.** Дж. Лэдимиен, Д. Деннет и Дж. Лоу: научный реализм и метафизика возможностей // Сиб. филос. журн. 2021. № 4. С. 5–33.
- Горан В.П.** Философия. Что это такое? // Философия науки. 1997. № 1. С. 3–15.
- Ленин В.И.** Материализм и эмпириокритицизм (1909) // Полное собрание сочинений [: в 55 томах]. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. С. 7–384.
- Прись И.Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетейя, 2022.
- Пуанкаре А.** О науке. М.: Наука, 1990.
- Chakravartty A.** The Structuralist Conception of Objects. *Philosophy of Science*, 2003, vol. 70. P. 867–878.
- Dennett D.** Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88. P. 27–51.
- Duhem P.** Physics and Metaphysics (1893) // R. Ariew, P. Barker (eds.) *Pierre Duhem. Essays in the History and Philosophy of Science*. Indianapolis: Hackett, 1996. P. 29–49.
- French S.** Models and Mathematics in Physics: The Role of Group Theory // J. Butterfield, C. Pagonis (eds.) *From Philosophy to Physics*. Cambridge University Press, 1999. P. 187–207.
- Haugeland J.** Pattern and Being // B. Dahlbom (ed.) *Dennett and his Critics*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 53–69.
- Katz J.** *Realistic Rationalism*. MIT Press, 2000.
- Ladyman J.** What is Structural Realism? *Studies in History and Philosophy of Science*, 1998, vol. 29. P. 409–424.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Lowe E.J.** *The Possibility of Metaphysics*. Oxford University Press, 1998.
- Lowe E.J.** *A Survey of Metaphysics*. Oxford University Press, 2002.
- Lowe E.J.** *The Four-Category Ontology*. Oxford University Press, 2006a.
- Lowe E.J.** How Real is Substantial Change? *The Monist*, 2006b, vol. 89, no. 3. P. 275–293.
- Lowe E.J.** Two Notions of Being: Entity and Essence. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2008, vol. 62. P. 23–48.
- Lowe E.J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? *Mind*, 2012, vol. 121. P. 919–950.
- Lowe E.J.** Some Varieties of Metaphysical Dependence // M. Hoeltje, B. Schnieder, A. Steinberg (eds.). *Varieties of Dependence: Ontological Dependence, Grounding, Supervenience, Response-Dependence*. Philosophia Verlag, 2013. P. 193–210.
- Lowe E.J.** There Are (Probably) No Relations // A. Marmodoro, D. Yates (eds.). *The Metaphysics of Relations*. Oxford University Press, 2016. P. 100–112.

- Putnam H.** *Meaning and the Moral Sciences*. Routledge & Kegan Paul, 1978.
- Ross D.** Dennett's Conceptual Reform. *Behavior and Philosophy*, 1994, vol. 22, no. 1. P. 41–52.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence // A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 147–168.
- Worrall J.** Structural Realism: The Best of Both Worlds? *Dialectica*, 1989, vol. 43. P. 99–124.

References

- Chakravartty A.** The Structuralist Conception of Objects. *Philosophy of Science*, 2003, vol. 70. P. 867–878.
- Dennett D.** Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88. P. 27–51.
- Duhem P.** Physics and Metaphysics (1893). In: R. Ariew, P. Barker (eds.) *Pierre Duhem. Essays in the History and Philosophy of Science*. Indianapolis: Hackett, 1996. P. 29–49.
- French S.** Models and Mathematics in Physics: The Role of Group Theory // J. Butterfield, C. Pagonis (eds.) *From Philosophy to Physics*. Cambridge University Press, 1999. P. 187–207.
- Golovko N.V.** Naturalization of epistemology and reintroducing of psychology: the motivation problem [Naturalizatsiya epistemologii i «vozvrashchenie psihologii»: problema motivatsii]. *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 294. P. 120–124. (In Russ.)
- Golovko N.V.** Naturalization of Metaphysics: Scientific Realism and Dialectical Materialism [Naturalizatsiya metafiziki: nauchnyi realism i dialekticheskii materialism]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 8. P. 24–33. (In Russ.)
- Golovko N.V.** J. Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking [J. Ladyman i E. J. Lowe: patterns, sushchnost i ustanovleniye istiny]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, no. 4. P. 63–77. (In Russ.)
- Golovko N.V.** D. Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology: Essentialist Interpretation of Truth-Making [Realnie patterny D. Denneta kak modalnaya ontologiya: essentsialistskaya traktovka ustanovleniya istiny]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, no. 2. P. 59–74. (In Russ.)
- Golovko N.V.** General Relativity and Causality, Reasoning from Metaphysics, and E. J. Lowe's Ontology [Obshchaya teoriya otnositelnosti i prichinnost, rassuzhdeniya ot metafiziki i ontologiya J. Lowe]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, no. 3. P. 5–32. (In Russ.)
- Golovko N.V., Ertel I.I.** Ontic Structural Realism: Pattern Ontology and the Modal Nature of Structures [Onticheskii strukturnyi realism: ontologiya patternov i modalnaya priroda struktur]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, no. 4. P. 5–29. (In Russ.)
- Golovko N.V., Ertel I.I.** J. Ladyman, D. Dennett and E. J. Lowe: Scientific Realism and Metaphysics of Possibilities [J. Ladyman, D. Dennett i E. J. Lowe: Nauchnyi realism i metafizika vozmozhnostei]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, no. 4. P. 5–33. (In Russ.)

- Goran V.P.** Philosophy. What is It? [Filosofiya. Chto eto takoe?]. *Philosophy of Science*, 1997, no. 1. P. 3–15. (In Russ.)
- Haugeland J.** Pattern and Being. In: B. Dahlbom (ed.) *Dennett and his Critics*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 53–69.
- Katz J.** *Realistic Rationalism*. MIT Press, 2000.
- Ladyman J.** What is Structural Realism? *Studies in History and Philosophy of Science*, 1998, vol. 29. P. 409–424.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
- Lenin V.I.** Materialism and Empirio-criticism [Materializm i empiriokriticism] (1909). In: Complete Set of Works [Polnoe sobranie sochinenii] [in 55 vols]: Vol. 18. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1968. P. 7–384. (In Russ.)
- Lowe E.J.** *The Possibility of Metaphysics*. Oxford University Press, 1998.
- Lowe E.J.** *A Survey of Metaphysics*. Oxford University Press, 2002.
- Lowe E.J.** *The Four-Category Ontology*. Oxford University Press, 2006a.
- Lowe E.J.** How Real is Substantial Change? *The Monist*, 2006b, vol. 89, no. 3. P. 275–293.
- Lowe E.J.** Two Notions of Being: Entity and Essence. *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2008, vol. 62. P. 23–48
- Lowe E.J.** What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? *Mind*, 2012, vol. 121. P. 919–950.
- Lowe E.J.** Some Varieties of Metaphysical Dependence. In: M. Hoeltje, B. Schnieder, A. Steinberg (eds.). *Varieties of Dependence: Ontological Dependence, Grounding, Supervenience, Response-Dependence*. Philosophia Verlag, 2013. P. 193–210.
- Lowe E.J.** There Are (Probably) No Relations. In: A. Marmodoro, D. Yates (eds.). *The Metaphysics of Relations*. Oxford University Press, 2016. P. 100–112.
- Poincaré J.H.** *On Science* [O nauke]. Ed. by L. Pontryagin. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ.)
- Pris F.-I.** *Knowledge Within Context* [Znanie v kontekste]. Sankt-Peterburg: Aletheia, 2022. (In Russ.)
- Putnam H.** *Meaning and the Moral Sciences*. Routledge & Kegan Paul, 1978.
- Ross D.** Dennett's Conceptual Reform. *Behavior and Philosophy*, 1994, vol. 22, no. 1. P. 41–52.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 147–168.
- Worrall J.** Structural Realism: The Best of Both Worlds? *Dialectica*, 1989, vol. 43. P. 99–124.

Информация об авторе

Головкин Никита Владимирович

Доктор философских наук, доцент

Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки
Новосибирского государственного университета;

Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author**Nikita Golovko**

Doctor of Sciences (Philosophy)

Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 29.06.2022;

одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 29.06.2022;

approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 159.955.6

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

Аргумент к знанию: проблема определения и оценки

Глеб Викторович Карпов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

g.karpov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>.

Аннотация

В статье показывается, как, изменив привычные формулировки посылок и критических вопросов для презумптивных схем аргументации, можно оценивать аргумент еще до того, как стал известен его тип. На примере аргумента к знанию обосновывается возможность обнаружения видов классических презумптивных схем с учетом типа речевого акта, использовавшегося для их осуществления, и осведомленности говорящего и слушающего о пропозициональных установках друг друга. Виды аргумента к знанию предлагается различать по эпистемическому и иллюкутивному основаниям. Одним из таких видов, вслед за Дж. Остином, можно считать перформативный аргумент к знанию. В статье описываются принципы его использования и намечается контур процедуры оценки.

Ключевые слова

схема аргументации, аргумент к знанию, оценка аргумента, критический вопрос, перформатив, речевой акт

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00158).

Для цитирования

Карпов Г. В. Аргумент к знанию: проблема определения и оценки // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 43–56. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

Argument From Position to Know: The Problem of Identification and Evaluation

Gleb V. Karpov

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

g.karpov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>

Abstract

The article shows how, by changing the formulations of habitual premises and critical questions for presumptive argumentation schemes, one can evaluate an argument even before its type has become known. The argument from position to know is used to justify the possibility of detecting types of classical pre-

© Карпов Г. В. 2022

sumptive schemes when we take into account the type of speech act used to implement them, and the speaker and listener's awareness of each other's propositional attitudes. The types of argument from position to know are distinguished with respect to their epistemic and illocutionary variety. Following Austin one of these types can be considered a performative argument from position to know. The article describes the principles of its usage and outlines the evaluation procedure.

Keywords

argumentation scheme, argument from position to know, argument evaluation, critical question, performative, speech act

Acknowledgements

The research was supported by RSF (Project No. 20-18-00158).

For citation

Karpov G.V. Argument from Position to Know: The Problem of Identification and Evaluation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 43–56. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

1. Введение

Большинство аргументов, использующихся в реальных коммуникативных процессах, принадлежит к числу так называемых отменяемых, или презумптивных, схем. Они не являются ни дедуктивными, ни индуктивными схемами, всегда существуют в контексте диалога, оцениваются с помощью критических вопросов и отражают аргументативную компетентность участников общения. Кроме того, отменяемые схемы способствуют выявлению реально использованных аргументов.

Вместе с тем, обращение к описанию составов разных презумптивных схем для того, чтобы определить тип использованного аргумента и оценить степень его обоснованности, в действительности сталкивается с рядом сложностей, о которых учебные пособия по аргументации обычно не распространяются в той степени подробности, в какой эти сложности того заслуживают. К их числу принадлежат проблемы классификации схемы и сопутствующие им затруднения, вызванные сокращенным составом посылок.

В этой статье на примере презумптивной схемы к знанию я покажу, что для эффективного практического применения ее следует дополнить обязательной частью, которая бы содержала рекомендации по выявлению и формулированию разнообразных имплицитных посылок, а также, и это самое главное, – рекомендации, следуя которым можно было бы оценивать презумптивную схему к знанию, сформированную посылками, весьма существенно расходящимися с их общепринятой редакцией. Как мы увидим, очередные попытки сблизить теорию и практику аргументации и намерение позаботиться об удобстве реального пользователя обернутся осознанием необходимости существенных преобразований на теоретическом уровне и сомнением в том, что до сих пор определение и оценка отменяемых схем были поставлены хорошо или хотя бы удовлетворительно.

2. Базовые и модифицированные посылки

Представим себе, как Тоби и Трим прогуливаются в окрестностях Шенди Холла недалеко от старой крепости. Они говорят о фортификации и, обсуждая открывшуюся им панораму оборонительного сооружения, пытаются определить

ее элементы. Один из таких элементов особенно привлекает их внимание. Тоби, обращаясь к Триму и одновременно указывая рукой на то, что их в данный момент интересует, говорит:

«Это гласис» (1).

Трим склонен сомневаться в истинности утверждения (1) или прямо считать часть крепости, на которую указал Тоби, не гласисом, а куртиной.

Триму известно, что Тоби – большой знаток фортификации и что книга военного инженера Симона Стевина – его настольная книга. Отсюда он мог бы заключить, что Тоби, указывая на привлечший их внимание элемент крепости и произнося слова (1), а также подозревая в своем спутнике желание не согласиться с тем, что перед ними именно гласис, использовал аргумент к знанию. Приводя в соответствие эту ситуацию с тем, как описывает Дуглас Уолтон в [Walton, 2006. P. 85] структуру аргумента к знанию, можно сказать, что в случае с Тоби и Тримом она примет следующий вид:

Посылка 1*: Трим полагает, что у Тоби есть источник знания, позволяющий ему судить о том, действительно ли перед ним и Тримом гласис.

Посылка 2: Тоби утверждает, что это гласис.

Закключение: есть основания считать, что это гласис.

Легко заметить, что в реальности, как я ее смоделировал, схема представлена как бы в сжатом виде. Ее первая посылка, посылка об источнике знания, отсутствует. Заклучая, что Тоби, высказав утверждение (1), использовал тем самым аргумент к знанию, Трим восстанавливает посылку 1 на основании того, что ему известно о своем собеседнике.

Теперь пусть Тоби в той же самой ситуации, но за тем исключением, что в этот раз Триму ничего не известно о его увлечении фортификацией, говорит:

«Я знаю, что это гласис» (2).

Трим, как и в первый раз, снова настроен критически. Однако, так как Тоби сказал, что он *знает*, что это гласис, то Трим склонен считать, что и во втором случае был использован аргумент к знанию. Его, опять на основе того, что предлагает Уолтон, теперь можно представить так:

Посылка 1: у Тоби есть источник знания, позволяющий ему судить о том, действительно ли перед ним и Тримом гласис (ведь)

Посылка 2*: Тоби утверждает, что знает, что это гласис.

Закключение: есть основания считать, что это гласис.

Таким образом, мнение Трима о том, что Тоби использует аргумент к знанию, когда утверждает, что элемент крепости, на который они оба смотрят, есть гласис, может покоиться на том, что ему известно о Тоби, что тот хорошо разбирается в фортификации, или же на том, что Тоби сам прямо говорит, что он знает, что то есть гласис.

Эта разница позволяет уточнить предложенные Уолтоном формулировки посылок данной схемы. Обозначим того, кому предназначается аргумент, буквой *b*, а автора аргумента – буквой *a*. Тогда, в случаях, аналогичных тому, когда

Трим обращается к своему знанию для того, чтобы восстановить аргумент, предложенный ему Тоби, посылка 1 примет вид:

b полагает, что у *a* есть источник знания, позволяющий ему судить о том, истинно утверждение *C* или ложно.

В случаях, аналогичных тому, когда Тоби произносит утверждение (2), а у Трима нет иных сведений, позволяющих ему восстановить аргумент, видоизменяется посылка 2. Она принимает вид:

a утверждает, что знает, что *C* истинно.

Я называю посылки 1* и 2* модифицированными, в отличие от посылок, данных в [Walton, 2006], на которые буду ссылаться как на базовые.

Очевидно, что смысл, который несет в себе базовая посылка 1, не равен смыслу, который содержится в модифицированной посылке 1*. Последняя предполагает вложенность пропозициональных установок *a* и *b*, знание *b* (или какую-то другую пропозициональную установку, принадлежащую *b*, например, его *убежденность*) о том, что известно *a*; и, кроме того, – их универсальное или их общее знание в том смысле, какой закреплен за терминами «универсальное» и «общее» в эпистемической логике [van Benthem, 2010. Р. 131–141]. Подобно этому разнится смысл внутри пары (посылка 2, посылка 2*). Заявление «Я знаю, что *C* истинно» предполагает иную, более высокую степень ответственности за свои слова, чем заявление «*C* истинно», ведь знание, на которое ссылаются явным образом как на знание, означает доведенную до предела уверенность говорящего в том, что ошибка в данной ситуации, до тех пор пока не станет известно что-то новое, что касается существа дела, исключена. Эти отличия интересны, конечно, не сами по себе, а в связи с вопросом об оценке всего аргумента.

3. Оценка аргумента с модифицированными посылками

После того как тип аргумента выяснен и восстановлены недостающие посылки, нужно сформулировать и задать соответствующие его виду критические вопросы. Такие вопросы позволят выяснить степень вероятности того, что заключение истинно. В случае с аргументом к знанию это вопросы, позволяющие оценить достоверность посылок 1 и 2, и вопрос, ставящий под сомнение честность и надежность автора аргумента, см. [Walton, 2006. Р. 86].

Критический вопрос 1, относящийся к базовой посылке 1, формулируется так: «Действительно ли автор аргумента, *a*, располагает сведениями, позволяющими ему заключить, что *C* истинно?». Критический вопрос 2, соответствующий базовой посылке 2, дается следующим образом: «Действительно ли *a* утверждал, что *C* истинно?» (Задавая критический вопрос 3, исследующий честность и надежность автора аргумента, нужно спрашивать: «Верно ли, что *a* честен и заслуживает доверия?»).

Использование модифицированных посылок влечет необходимость пересмотреть и соответствующие им критические вопросы. Критический вопрос 1, исследующий модифицированную посылку 1*, который задает себе агент *b*, в ситуациях, аналогичных тем, что описаны выше, может принять, например, такой

вид: «Действительно ли я знаю, что у *a* есть сведения, позволяющие ему заключить, что *C* истинно?» Или: «Откуда мне это известно?» Или: «То, что я считаю, что *a* знает то и то, – это мое знание или только мое мнение?»

Каждая из этих формулировок существенно отличается от общепринятых. Во-первых, все они касаются исследования того, что известно уже не автору аргумента, а тому, кому адресован аргумент. Это означает, что использование модифицированной посылки 1* и соответствующего ей критического вопроса по-другому распределяет бремя доказательства. Во-вторых, это главное, – такие вопросы, как это особенно видно во второй и третьей формулировках, прямо затрагивают то различие, которое существует между знанием и мнением. В зависимости от того, каким образом определяет *b* характер своей осведомленности о знании *a*, он будет использовать разные критерии оценки этой осведомленности, ведь к степени обоснованности знания и мнения предъявляются весьма разные требования.

Тот, кто использует формулировку этого вопроса в редакции Уолтона, в том случае, когда посылка 1 является модифицированной, оказывается как бы модально, эпистемически незрячим, ведь проблематическим объявляется исключительно наличие или отсутствие знания у автора аргумента. Ни характер этого знания, ни тот факт, что оно в действительности опосредовано представлением того, кому адресован аргумент, кроме того, также имеющим эпистемическое измерение, не принимаются во внимание. Поэтому в таких случаях оказывается неважным, был ли Трим уверен в том, что Тоби разбирается в фортификации, знал ли он это наверняка или только подозревал интерес Тоби, видев того не раз с книгой Стевина в руках. Все это, однако, следует принимать во внимание всякий раз, когда посылка 1, будучи невыраженной, восстанавливается тем, кому был адресован аргумент, на основании того, что он *знает* того, о чем он осведомлен, или *тех мнений*, которых он придерживается.

Критический вопрос 2, в том случае если с его помощью тестируется соответствующая ему модифицированная посылка, мог бы быть сформулирован таким образом: «Действительно ли *a* утверждал, что он знает, что *C* истинно (или он говорил только о том, что таково его *мнение*)?» Здесь, как и в случае с критическим вопросом к посылке 1*, во внимание следует принимать эпистемический диапазон или горизонт, открывающийся теперь уже не перед *b*, а перед *a*, и в связи с положением дел, таким, что *C*. Я нахожу интересным, что подобный вопрос о диапазоне может быть сделан и в отношении слова «утверждает». В самом деле (это справедливо и для базовой, и для модифицированной посылки 2) *b* мог бы спросить самого себя или *a* напрямую еще и о том, каким именно образом *a* сказал, что (он знает, что) *C* истинно. Другими словами, *b* мог бы задать *a* вопрос: «*a* просто *утверждает*, что (знает, что) *C* истинно?» Или, например: «Имеет ли *a* в виду, что *должно быть так*, что (*a* знает, что) *C* истинно?»... Ответ на такой вопрос важен, ведь «просто утверждать» – не то же, что говорить о том, что «следует знать, что...».

Нечувствительность к способу, при помощи которого высказывается осведомленность *a* о некотором положении дел, может быть названа *иллюкутивной* слепотой. Эпистемическая слепота оценочной процедуры становится явной в том

случае, когда используются модифицированные посылки аргумента к знанию. Посылка 2* ставит вопрос о необходимости исследования эпистемического состояния автора аргумента, а посылка 1* ставит аналогичный вопрос относительного того, кому предназначается аргумент и кто собирается его критически оценивать. Иллюкутивная слепота есть когнитивный недуг, которому подвержен тот, кто использует критический вопрос 2 по Уолтону, при этом неважно, обращен ли такой вопрос к базовой или к модифицированной посылке. Однако неспособность различать «Я утверждаю, что С» и «Я полагаю, что С» не так критична, как неспособность видеть разницу между «Я утверждаю, что знаю, что С» и «Я полагаю, что знаю, что С». Вот почему именно в случае с модифицированной посылкой иллюкутивная слепота оценивающей способности критической аргументации называется наиболее пагубным образом. Для таких посылок, следовательно, должна применяться более тонкая процедура оценки.

4. Вопросно-ответные протоколы Остина

Я нахожу в высшей степени удивительным тот факт, что набросок подобного анализа на самом деле уже давно разработан и содержится в большой статье «Чужое сознание» Джона Остина [Остин, 1987. С. 48–95], вышедшей в 1946 году, но до сих пор не привлечшей должного внимания специалистов в области аргументации. Несмотря на то что «Чужое сознание» в целом посвящено, казалось бы, вопросу из области философии сознания – откуда мы можем знать, что другой человек рассержен? – в действительности в этой работе, в особенности это касается неозаглавленного *первого раздела* и раздела, который назван «Если я знаю, то не могу ошибиться», затрагиваются темы, связанные с критической аргументацией, эпистемической и доксистической логиками, эпистемологией и теорией перформативов, а проблема чужого сознания вовсе не является для нее центральной.

Свои идеи, касающиеся собственно процедуры оценки, Остин начинает излагать тогда, когда предлагает читателю рассмотреть следующую ситуацию: пусть *a* (говорящий) в присутствии *b* (слушающего), указывая пальцем на какую-то птицу, произносит фразу «Это щегол». Предположим, что все, что нужно для того, чтобы считать эту реплику аргументом (сомнение у *b*, намерение у *a* убедить и пр.), есть. Если бы я действовал в этой ситуации по протоколу анализа и оценки Уолтона, то я рассуждал бы следующим образом: если исходить из того, что фраза «Это щегол» свидетельствует о наличии у *a* определенного знания о птицах, то она, вероятно, играет роль посылки 1 соответствующего аргумента (и тогда, приступая к ее оценке, следует задать критический вопрос 1: «Действительно ли *a* располагает сведениями...»); если же считать «Это щегол» фразой, в которой по каким-то причинам опущен глагол «знать», и развернутая форма которой имеет вид «Я знаю, что это щегол», то ее можно расценивать как посылку 2 (а критической вопрос в таком случае будет звучать так: «Действительно ли *a* утверждал, что это щегол?» – т. е. сказал ли он *на самом деле* то, что мы услышали?) Как я показал выше, подобные процедуры анализа и оценки обходят стороной вопрос о том, каков характер знания участников *a* и *b*. Кроме того, следует отдавать себе отчет, что это

только допущение, что, услышав фразу «Это щегол», я могу задать критический вопрос 1 или 2, не выяснив, какова вторая посылка предполагаемого аргумента к знанию. (В действительности у меня едва ли есть на это право, так как данная фраза может расцениваться и как посылка какой-то другой схемы аргументации.)

Остин, приступая к разбору аргумента, содержащегося в высказывании «Это щегол», предлагает его автору вопрос:

«Вы на самом деле *знаете*, что это щегол?» (3).

Затем он утверждает, что если на вопрос (3) получен ответ «Да», то это означает, что автор высказывания о щегле считает, что те сведения, которыми он обладает, являются именно *знанием*, т. е. «правильным мнением с объяснением» (знанием по Платону). Если, напротив, получен ответ «Нет», то следует считать, что фраза «Это щегол» выражает исключительно *мнение*, но никак не знание. В зависимости от того, с каким ответом приходится иметь дело, выстраивается дальнейшая процедура оценки. Так, если на вопрос (3) получен положительный ответ, далее может быть задан вопрос:

«Откуда вы это *знаете*?» (4);

и только если на вопрос (3) получен отрицательный ответ, может быть задан вопрос:

«Почему вы так *думаете*?» (5).

Таким образом, вопрос (3), вместе с возможными ответами на него, служит для *b* средством, позволяющим отличать тип эпистемической установки *a*. Вопросы (4) и (5) служат той же цели, но в ином функциональном измерении: услышав вопрос (4), *a* может заключить, что *b* считает его реплику, вызвавшую вопрос, тем, что содержит аргумент к знанию; услышав вопрос (5), он может заключить, что его слова воспринимаются как аргумент, подкрепленный ссылкой уже не на знание, а только на мнение.

Простая система, включающая три вопроса и два единственно возможных ответа на первый из них, служит средством частичного преодоления эпистемической слепоты процедуры оценки аргумента, во всяком случае – в связи с участником *a*. Одновременно с этим она как бы представляет некий набор правил прагматического характера, когда на основании того, для чего и как используется тот или иной вопрос, можно заключать о том, что думает тот, кто его использует – как он расценивает предъявленный ему аргумент, к какому типу он его причисляет.

Прозвучавший вопрос (5) или равным образом прозвучавший отрицательный ответ на вопрос (3) свидетельствуют о том, что, произнося фразу «Это щегол», говорящий описывает субъективные ментальные состояния в связи с предполагаемым положением дел. Факт этих состояний как таковых не подлежит дальнейшему критическому исследованию. Напротив, вопрос (4), равно как и положительный ответ на вопрос (3), есть признаки того, что за упомянутой фразой скрывается попытка отражения объективного положения дел в сознании субъекта, что может быть оспорено и относительно чего критическое исследование может быть продолжено.

Теперь, если мы сравним наборы вопросов, которые предлагают Уолтон и Остин, мы увидим, что они отличаются друг от друга весьма существенно. На-

бор Уолтона не структурирован, т. е. не указана последовательность, в которой их следует задавать. Отсутствие указаний здесь говорит о том, что или это не является важным, или – важным, но специальных инструкций дать здесь нельзя, так как все определяется конкретной ситуацией употребления. Множество вопросов, о которых рассуждает Остин, напротив, структурировано. Четко определенный характер последовательности, которой следует придерживаться, оправдан тем, что эти вопросы не выполняют исключительно оценочную функцию. На данном этапе видно, что они, кроме того, призваны помочь тому, кто их использует, справиться с задачей классификации предъявленного аргумента, и только дальнейшие переходы от возможных ответов на вопрос (3) к вопросам (4) или (5) служат собственно оценке. Это отличие двух подходов к оценке аргументов становится еще более явным в ходе последующих рассуждений Остина, когда функция новых критических вопросов, которые он предлагает, задается явно не только как оценочная, но и как классифицирующая, что в корне меняет привычный взгляд на оценочный протокол и аргумента к знанию, и презумптивных схем аргументации вообще.

5. Схема аргументации плавающего типа

Вернемся к ситуации с определением породы птицы. Положим, что на вопрос (3) дан положительный ответ, что позволяет считать фразу «Это щегол», при прочих равных условиях, модифицированной посылкой, посылкой 2* аргумента к знанию: говорящий, *a*, отвечая на вопрос (3), делает заявление о том, что да, он *знает*, что это щегол. Теперь, по Остину, следует спросить автора этого заявления о том, откуда ему известно то, о чем он говорит, т. е. – задать вопрос (4).

Остин отмечает, что на вопрос (4) можно отвечать совершенно по-разному, и значит – его можно понимать совершенно по-разному, см. [Остин, 1987. С. 51–52]. Вместе с тем, легко видеть, что трактовки вопроса (4) образуют группы, одна из которых касается прошлого опыта говорящего, о котором его спрашивают, другая – данных его чувств, позволяющих ему делать заключение о том, какой породы наблюдаемая им птица, и еще одна – способностей автора аргумента сочетать свой прошлый опыт с тем, что открывается его глазам, не делая при этом ошибок. Естественно, что никакой единственно верной трактовки тут нет, и оба участника аргументации вольны выбирать ту из них, которая им в той ситуации, в которой они оказались, ближе.

Если вопрос (4) интерпретируется ими как вопрос об источнике знания участника *a* о птицах, то аргумент, к которому тот прибегает, когда произносит фразу «Это щегол», теперь совершенно точно следует классифицировать именно как аргумент к знанию, ведь вопрос (4), в который вкладывается такая его трактовка, восстанавливает посылку 1* соответствующего аргумента. Так, отвечая на него, участник *a* мог бы сказать: «Мой приятель состоит в Мензбировском орнитологическом обществе; точно такую же птицу он не раз называл щеглом», откуда можно было бы вывести, что теперь *b* полагает, что у *a* есть источник знания, позволяющий ему судить о том, щегол перед ними или нет.

Если же вопрос (4) понимается и *a* и *b* скорее как вопрос о тех признаках, наблюдая которые *a* заключил, что перед ними щегол, и если ответ *a* скорее ближе

к фразе: «Потому что я вижу, что у этой птицы такой-то характерный нарядный окрас», то все вместе (начальную фразу *a* и его ответы на заданные *b* вопросы) следует расценивать уже не как аргумент к знанию, а как совершенно другую схему аргументации – аргумент к признаку, см. [Walton, 2006. Р. 113]. То, что предположительно считалось модифицированной посылкой схемы аргументации к знанию, теперь, после того как задан вопрос (4) и на него получен такой ответ, становится заключением аргумента от признака с посылками, где упомянуты характер оперения, наблюдаемого непосредственно, и общее соображение неясного источника о том, что, как правило, такой его характер свидетельствует о том, что птицу следует определить как щегла.

Наконец, если вопрос (4) касается в большей степени способности *a* сочетать свои знания с тем, что он видит в данный момент, и при этом не ошибиться, то ответом на него может быть фраза: «Щеглом нужно называть птицу, если у нее такие и такие видимые отличительные особенности». Теперь, после того как получен такой ответ на вопрос (4), аргумент *a*, в котором он утверждает, что перед ним и *b* именно щегол, начинает напоминать аргумент к номинальной классификации, см. [Walton, 2006. Р. 129]. Называя наблюдаемую птицу щеглом, *a* подводит частное под общее, соединяет данные чувств с общим знанием классифицирующего толка (об источнике происхождения которого и критической оценке пока речи между *a* и *b* не идет).

В зависимости от того, как именно понимают участники процесса аргументации вопрос (4), тип исходного аргумента изменяется: он либо становится собственно аргументом к знанию с восстановленными модифицированными посылками, либо начинает напоминать аргумент к признаку с одной непроясненной посылкой, либо – аргумент к номинальной классификации, характер одной из посылок которого также остается до времени не выясненным.

Теперь окончательно ясно, что функция вопросов, которые предлагаются автору аргумента, по Остину принципиально отличается от функции, которую выполняют критические вопросы Уолтона. Если последние нужны исключительно для того, чтобы оценить степень достоверности заключения схемы аргументации, тип которой уже известен (в противном случае – неясно, какие именно вопросы следует задавать), то первые нацелены на определение типа аргумента, на реконструкцию его полного вида, и, наконец, на собственно оценку. Так последовательности вопросов (3)-(4) и (3)-(5) частично преодолевают эпистемическую слепоту, так как позволяют выяснить, с чем именно имеет дело *b*: со знанием *a* (и тогда можно сомневаться в том, что *a* действительно знает) или же только с мнением *a* (наличие которого ставить под сомнение не имеет смысла). Различные интерпретации вопроса (4) позволяют уточнить тип аргумента и, в том случае если это действительно аргумент к знанию, – определить состав его посылок.

То, что в действительности на основе начальной фразы «Это щегол» (или на основе того, что было реально сказано, как это показал вопрос (3), а именно: «Я знаю, что это щегол») могут быть реконструированы разные аргументы (к знанию, к признаку, номинальная классификация) позволяет мне предположить, что мысль о том, что конкретные схемы аргументации с конкретным содержательным наполнением существуют в голове говорящего или слушающего наподобие

того, как существуют в голове или на бумаге план выступления или план крепости до того, как они воплощаются в реальности, является неверной. Напротив, схема аргументации *перформативна* – в том смысле, что ее существование неотличимо от ее развертывания. Помимо этого похоже, что она пребывает исключительно в интересубъективном пространстве, т. е. является функцией от тех коммуникативных правил, которых придерживаются автор схемы и слушающий, тот, кому она предназначена. Эти особенности реальных схем аргументации (т. е. тех, которые были использованы на самом деле, в живой практике, а не создавались исключительно для «служебного пользования» в ретортах академических изданий) делают их практически неуловимыми для анализа и оценки, если они проводятся в духе Уолтона.

Перформативная онтология схем аргументации, утверждающая их бытие как нечто неотличимое от их формирования, заставляет отказаться от привычного протокола анализа и оценки, подразумевающего, что схема может быть предъявлена для реализации этих процедур как нечто существующее вне функционального пространства диалога (как бы после того как он завершен) и, главное, – независимо от восприятия того, кто в нем участвовал. Подход Остина, нацеленный, как и уолтоновский подход, на выяснение условий обоснованности, приемлемости заключения, обращается с разворачивающейся реальной аргументацией куда более щадяще: она не загоняется в искусственные рамки какой-то одной модели, а лишь опутывается хитроумной сетью вопросов и возможных ответов на них, которая позволяет схеме менять свою форму – для того чтобы выпутаться из этой сети и попасть в другую, и действовать так до тех пор, пока один из участников аргументации не найдет для себя возможным поставить в диалоге точку.

«Чужое сознание» дает ключ к частичному преодолению эпистемической слепоты в том случае, когда функциональное пространство диалога формируется репликами так, что из их содержания и их отношения у участников аргументации складывается представление, что они имеют дело с чем-то, что напоминает аргумент к знанию (в уолтоновской терминологии). Почти ничего в этой работе не сказано о том, каким образом воспринимает участник *b* характер своей осведомленности о знании или мнении, которыми располагает участник *a*. Это поправимо, стоит только в вопросах (3-5) заменить местоимение «вы» на «я»: «Я, Трим, действительно знаю, что Тоби разбирается в вопросах фортификации или таково лишь мое мнение?», «Откуда я это знаю?» и т. п. Ясно, что отдельных изысканий требует выяснение соотношения между вы-вопросами и я-вопросами. То, что я вижу сейчас, подсказывает, что это соотношение не будет простым...

6. Схема аргументации в иллокутивном горизонте

С помощью вопроса «Действительно ли *a* утверждал, что *S* истинно?» (когда мы придаем ему, например, такой смысл: «*a* действительно *утверждал*, что *S* истинно? Или он только высказал свое *предположение*?») под сомнение может быть поставлен не только *факт* высказывания или его содержание, но и его *характер*. Именно потому, что в теории речевых актов Остина характер слов, коммуникативную функцию, которую они выполняют, принято именовать *иллокутивной*

силой; выше я предложил называть недостаток процедуры оценки аргументации, который заключается в игнорировании разнообразия таких сил, иллюкутивной слепотой. Так, в зависимости от того, утверждает ли Тоби, что такой и такой элемент крепости есть гласис, или намекает на это, или в этом клянется, или предлагает считать то и то гласисом, или просто говорит, что он так думает, действия Трима, желающего выяснить, как обстоят дела в действительности (и с наблюдаемым элементом крепости, и с речевыми актами Тоби), будут различаться. Но какими бы они ни были, оценка здесь, как и в случае с протоколами, изложенными в начале «Чужого сознания», неотделима от классификации¹. Таким образом, акцент на иллюкутивной силе произнесенной фразы, как и серии критических вопросов Остина, стирает границы между некоторыми схемами: до тех пор пока не задан специфический критический вопрос, участники диалога могут считать, что имеют дело с одной схемой; после того как он задан, их мнение о типе схемы может измениться, а значит – может поменяться и сам тип, если только справедливо мое предположение о том, что онтология схем перформативна.

Преодоление иллюкутивной слепоты классифицирующей и оценочной процедур теории аргументации, занятой исследованием отменяемых схем, возможно благодаря пониманию глагола «утверждать», присутствующего в посылке 2 аргумента к знанию как глагола, указывающего на ту или иную иллюкутивную силу. Это дает основания предположить, что аргумент к знанию, где использована иллюкутивная сила глагола «утверждать», является как бы базовой схемой внутри множества аргументов к знанию, отличительной характеристикой каждого элемента которого выступает своя иллюкутивная сила-глагол. В таком множестве, вероятно, можно встретить аргументы, основанные на глаголах «допускаю», «считаю» или «ручаюсь». Также вероятно, что в каждом из этих случаев протоколы узнавания и оценки аргумента будут свои.

Например, если толковать фразу (2) как перформативное высказывание², то следует признать, что произнеся «Я знаю, что это гласис», Тоби: 1) заверил Трима, что у него отсутствуют веские основания сомневаться в истинности того, что он говорит; 2) дал Триму слово, что в его словах содержится истина; 3) наделил Трима правом сообщать эту истину (со ссылкой на Тоби или без нее) дальше. И если теперь попробовать оценить этот перформативный аргумент к знанию средствами критических вопросов Уолтона, то можно увидеть, что все они оказываются малопригодны. Наиболее выпукло это видно при попытке задать вопрос 1. В самом деле, если принять следствия, которые производит действие «Я знаю...», то спрашивать о том, имеются ли у говорящего достаточно оснований для того,

¹ В самом деле, задавая вопрос о том, что именно делает Тоби, когда произносит предложение (2), Трим, например, может прийти к выводу, что он *дает* элементу крепостного сооружения имя «гласис», подобно тому как дают имя кораблю (схема, использованная Тоби в этом случае, больше всего напоминает номинальную классификацию по Уолтону). Или же Трим, снова посредством вопросов, может прийти к заключению, что Тоби лишь *высказал свое мнение* на основании того, что подметил кое-какие конструктивные особенности рассматриваемого ими элемента крепостного сооружения (и что, следовательно, была использована схема, похожая на аргумент к знаку).

² Подобный шаг, получивший в литературе имя «Austin's plunge», предпринимает Остин, когда сравнивает коммуникативные и прагматические свойства фраз «Я знаю...» и «Я обещаю...». Параллели действительно впечатляющие. Подробнее об аналогии, ее следствиях и ее критике см. [de Lara, 2019].

чтобы утверждать, что он знает, – означает не придавать большого значения его словам. Тот, кто в этом случае задает подобный вопрос, как бы не отличает фразу, эксплицитно указывающую на ее перформативный характер («Я (действительно) знаю, что это С»), от «просто» фразы, где такого указания не содержится («Это С»), и которая поэтому может быть чем угодно: предположением, догадкой, мнением или собственно знанием, но высказанным, замечу, именно как знание все же несколько неаккуратно. Вероятно, вместо этого следовало бы спросить о том, каков источник знания говорящего. И если бы такой вопрос Тоби адресовал Трим, то он услышал бы в ответ, к примеру, что источником знания служит книга военного инженера Стевина. Однако в случае с перформативной интерпретацией аргумента к знанию подобный вопрос нужен не столько для того, чтобы выяснить степень обоснованности заключения, сколько для того, чтобы приобрести в свое пользование больше прав на то, чтобы самому использовать этот аргумент. Теперь Трим может говорить о том, что он сам знает, что такой-то элемент крепости есть гласис, а в ответ на вопрос о том, откуда ему это известно, ссылаться на слова Тоби, который, как теперь ему известно, читал труд Стевина о фортификации.

7. Заключение

Я показал, что практическое и академическое использование схемы аргументации к знанию в том виде, в котором она дана у Уолтона, чрезвычайно затруднено: опущенную посылку, равно как и ответы на критические вопросы, часто приходится изобретать или, правильнее сказать, выдумывать. Я предложил уточненные формулировки посылок аргумента к знанию и показал, что их оценка может быть дана средствами вопросно-ответных протоколов, которые описал Остин в «Чужом сознании». При их использовании не только удастся преодолеть недостатки уолтоновской процедуры оценки, заключающиеся в невнимании к эпистемическому и иллокутивному измерениям слов, составляющих содержание аргумента, но и уточнить функции критического вопроса в аргументации. Если, по Уолтону, единственной их функцией остается оценка, то вопросы и ответы, по Остину, помимо того что они позволяют оценить аргумент как приемлемый или неприемлемый, во-первых, помогают выяснить тип аргумента, и во-вторых, – восстановить опущенные посылки. При этом выяснение типа аргумента и его оценка оказываются связаны между собой диалектически: для того чтобы понять, с каким типом аргумента пришлось столкнуться, его нужно попытаться оценить; для того чтобы оценить аргумент, необходимо в некотором приближении иметь представление о его типе.

Это наблюдение дало мне основание для того, чтобы предположить, что онтология типов схем аргументации имеет перформативное измерение. Это означает, что говорящий, произнося фразу «Это С», указывая при этом рукой на такой-то предмет, в случае когда у присутствующих есть сомнения в том, что этот предмет есть С, в действительности еще не формулирует какой бы то ни было аргумент заданного типа. «Это С» в совокупности с условиями произнесения может стать аргументом, например, к знанию, если таковым его сделают сами участники

коммуникации – задавая друг другу вопросы и отвечая на них сообразно. То же замечание справедливо и для прочих типов аргумента, не только к знанию.

Рефлексия над практическими сложностями использования схемы к знанию привела меня к осознанию необходимости предложить новые формулировки ее посылок, что позволило развернуть эту схему сразу в двух горизонтах: эпистемическом и иллюкутивном. Так, оказалось, что за схемой к знанию скрывается множество схем: состав этого множества зависит, во-первых, от того, каков характер знания говорящего и слушающего (о положении дел и о знании друг друга); во-вторых, он определяется тем, каким именно образом говорящий осуществляет свое высказывание, дающее начало процедурам узнавания и оценки. Естественно, что изменение состава посылок схемы аргументации приводит к изменению состава критических вопросов, средствами которых ведется узнавание типа схемы и проверка приемлемости ее заключения. Особого интереса, с моей точки зрения, заслуживает такой вид схемы к знанию, который Остин называл перформативным. Оставив в стороне вопрос о системе видимых, практических критериев перформативного характера этой схемы, я выяснил, что уолтоновские критические вопросы оказываются совершенно неприменимы для оценки аргумента такого вида, и предложил ряд новых формулировок, призванных установить как наличие факта перформативного аргумента к знанию, так и успешность его осуществления.

Расширение функций критического вопроса, факт существования разновидностей известного типа схем, где видовым отличием служит в том числе и способ их выражения, вопросно-ответные протоколы оценки и узнавания схем, отличающиеся от общепринятых (уолтоновских) вместе могут дать начало новому подходу к схемам аргументации, ориентированному на его непосредственное, практическое использование не только в университетской аудитории, но и за ее пределами.

Список литературы

- Остин Дж.** Чужое сознание / Пер. М.А. Дмитриевской // *Философия, логика, язык*: Пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В.В. Петрова; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.
- van Benthem J.** Modal Logic for Open Minds. Stanford, 2010.
- de Lara J.** Taking a plunge: A Cavellian reappraisal of Austin's unhappy analogy // *British Journal for the History of Philosophy*. 2019. Vol. 27. № 6. P. 1215–1238.
- Michel J. G.** How Are Species Discovered? // *Grazer Philosophische Studien* 96 (2019). P. 419–441.
- Walton D.** Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge University Press, 2006.

References

- Austin J.**, 1987. Other Minds. In: *Philosophy, Logic, Language* [Filosofija, logika, jazyk]. Moscow, pp. 48–95 (In Russ.).
- van Benthem, J.**, 2010. Modal Logic for Open Minds. Stanford.

- de Lara J.**, 2019. Taking a plunge: A Cavellian reappraisal of Austin's unhappy analogy. *British Journal for the History of Philosophy*, 2019, Vol. 27, No. 6, pp. 1215-1238.
- Michel J. G.**, 2019. How Are Species Discovered? *Grazer Philosophische Studien* 96, pp. 419-441.
- Walton D.**, 2006. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge University Press.

Информация об авторе

Карпов Глеб Викторович

Кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Information about the Author

Gleb V. Karpov

Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer, Saint-Petersburg State University.

*Статья поступила в редколлегию 17.05.2022;
одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 17.05.2022;
approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Научная статья

УДК 101.1:316

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-57-67

Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из Болонского процесса?

Галина Вениаминовна Сорина¹

Филипп Никитич Гуров²

^{1,2}МГУ имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

²АНО «Россия – страна возможностей»

Москва, Россия

¹gsorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7764-9834>

²gurov@gurovpr.ru

Аннотация

Исключение России из Болонского процесса создает серьезные вызовы для системы высшего образования. Начинаясь реформа затронет все вузы нашей страны. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для повышения эффективности системы образования. Внедрение трех базовых элементов, а именно: банка педагогических идей, модели тройной спирали и системы креативных технологий в образовательный процесс – может позволить сформировать качественно новый уровень подготовки специалистов в стране.

Ключевые слова

Болонский процесс, система высшего образования, банк педагогических идей, инновационная спираль, креативные технологии в образовании, Методология экспертного анализа текста (МЭАТ).

Благодарности

Статья подготовлена в рамках программы научно-образовательных школ МГУ (Школа «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»), а также в рамках проекта РФФИ «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

Для цитирования

Сорина Г. В., Гуров Ф. Н. Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из Болонского процесса? // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 57–67. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-57-67

Excluding Russia from the Bologna Process: What is Behind This?

G. V. Sorina¹

Philipp N. Gurov²

^{1,2}Moscow State University
Moscow, Russian Federation

²ANO Russia – the Country of Opportunities
Moscow, Russian Federation

¹gsorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7764-9834>

²gurov@gurovpr.ru

Abstract

The exclusion of Russia from the Bologna process creates serious challenges for the higher education system. The beginning reform will affect the whole institution of higher learning of our country. This, in turn, opens up new opportunities to improve the efficiency of the entire system. The introduction of three basic elements, namely: a bank of pedagogical ideas, a triple helix model and a system for introducing creative technologies into the educational process, can allow us to form a qualitatively new level of training of specialists in the country.

Keywords

The Bologna process, the system of higher education, the bank of pedagogical ideas, the innovation spiral, creative technologies in education, methodology of expert text analysis (META)

Acknowledgements

The paper prepared within the framework of the Program of the Scientific and Educational Schools of Moscow State University (School: "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage"), as well as within the framework of the RFBR project "Alienated Forms of Scientific Communication (Philosophical and Methodological Analysis)", No. 20-011-00710 A.

For citation

Sorina G. V., Gurov Ph. N. Excluding Russia from the Bologna process: what is behind this? *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 57–67. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-57-67

Чтобы ответить на вопрос о том, что стоит за исключением России из Болонского процесса, необходимо восстановить саму идею Болонского процесса. Существует множество интерпретаций идеи Болонского процесса. При ответе на важнейший вопрос нашей статьи мы будем опираться на основополагающие документы Болонского процесса. Документальную реконструкцию идеи Болоньи следует начинать с «Великой Хартии Европейских Университетов (1988)»¹.

Хартия была подписана 250 ректорами университетов различных стран мира, которые собрались в Болонье на праздновании 900-летия старейшего европейского университета. В этом международном договоре рассматриваются фундаментальные принципы университетского образования и средства их реализации. В преамбуле к тексту ее авторы исходят из того, что будущее человечества зависит от культурного, научного и технического развития, что именно университет должен обеспечить будущим поколениям такое образование, которое позволит «перед совестью народов» обеспечить «великое равновесие окружа-

¹ См.: Великая Хартии Европейских Университетов (1988). [Электронный ресурс]. URL: <https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Великая%20Хартия%20Европейских%20Университетов.pdf> (дата обращения: 20.06.22.)

ющей среды и самой жизни». При этом университет рассматривается как такое учреждение, которое создает и распространяет культуру через научные исследования и через систему образования. Для авторов Хартии университет выступает в качестве хранителя традиций европейского гуманизма, что предполагает «настоятельную необходимость взаимного познания и взаимодействия культур»². Не вызывает никаких сомнений, что авторы этого международного акта правы в своей установке понимания взаимосвязи между культурой в целом и системой образования в частности. Дело в том, что «образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [Миронов, 2006. С. 5].

За Хартией последовало множество других документов, представляющих Болонский процесс, включая Болонскую декларацию (1999), от которой, собственно говоря, и началось официальное летоисчисление этого процесса, и Римское коммюнике (2020), подписанное уже в условиях пандемии. Между 1999 и 2020 годами было множество других документов, в которых проводилась связь между культурой, наукой и образованием. Авторы Римского коммюнике специально подчеркнули, что они «с решимостью и оптимизмом смотрят на период до 2030 года, будучи уверенными в успешном развитии сотрудничества и диалога между нашими странами, между нашими системами и институтами высшего образования, а также с более широким сообществом высших учебных заведений»³. В этом коммюнике подчеркивается значение «активизации политического диалога и сотрудничества в качестве необходимой основы для качественного обучения, преподавания и исследований», «приверженность укреплению этики, прозрачности и честности в образовании и научных исследованиях» и т. д.⁴ В коммюнике много красивых, возвышенных и правильных слов о приверженности высоким научным и образовательным целям. Все эти слова в момент их публикации касаются еще и России, которая присоединилась к Болонскому процессу в 2003 году на берлинской встрече министров образования европейских стран. Но они уже не относятся к России в настоящее время, потому что 11 апреля 2022 года Болонская группа исключила Россию из Болонского процесса.

Что стоит за этим исключением? Думается, это исключение стоит в одном ряду с другими событиями культурной жизни современной Европы, ориентированной на иную, новую интерпретацию культуры. Эта интерпретация культуры, в которой забыли о традициях европейского гуманизма, о знаменитой западной переговорной платформе «Переговоры без поражений. Гарвардский метод» [Фишер, Юри, Паттон, 2020] и др. Это другая культура, в которой увольняют Валерия Гергиева с поста главного дирижера Мюнхенского симфонического оркестра, отменяют в «Ковент-Гардене» гастроли Большого театра, запрещают исполнять музыку П.И. Чайковского и Д.Д. Шостаковича, отменяют лекции о творчестве Ф.М. Достоевского, запрещают ставить чеховские пьесы, исключают конкурс

² См.: Великая Хартия Европейских Университетов (1988). [Электронный ресурс]. URL: <https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Великая%20Хартия%20Европейских%20Университетов.pdf> (дата обращения: 20.06.22.)

³ См.: Римское коммюнике министров. [Электронный ресурс]. URL: [https://iqa.kz/images/doc/Коммюнике%20Министров%20\(Рим,%202020\).pdf](https://iqa.kz/images/doc/Коммюнике%20Министров%20(Рим,%202020).pdf) (дата обращения: 20.06.22)

⁴ Там же.

Чайковского из Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов, и примеры, к сожалению, можно продолжить. Эта новая культура ориентирована не на преодоление границ за счет распространения знаний и лучших образцов культуры, а на запреты и исключения, на выстраивание жестких границ для продвижения российской культуры. Мы полагаем, что эта новая культура представляет и некоторые формы проявления гибридной войны, обращенной против России, где мягкую силу используют в качестве силы, направленной не на объединение, диалог и поддержку, а на разрушение, исключение, попытки закрыть российскую культуру, включая культуру образования.

Что же означает сам факт «отключения» России от Болонского процесса? Можно ли «отключить» страну-участницу от этого процесса? Можно ли страну с богатыми образовательными, научными и культурными традициями отключить от системы образования?

Ответы на эти вопросы опираются, в первую очередь, на трактовку самого понятия «Болонский процесс». Если под этим процессом, в частности, понимать согласование между странами, включая Россию, некоторых формальных процедур, например, количество академических кредитов, которое необходимо набрать студенту для того, чтобы произошел зачет между университетами, участниками Болонского процесса, то ответ положительный: да, можно. То есть впредь Россия не должна будет согласовывать «кредиты» с болонскими чиновниками. Согласование между университетами по количеству кредитов, в свою очередь, связано, во-первых, с обеспечением академической мобильности студентов и преподавателей внутри скоординированного европейского образовательного пространства и, во-вторых, с взаимным признанием дипломов. По этому поводу В.В. Миронов еще в 2006 году написал: «Это более чем странный тезис. Ведь когда, например, специалисты из России нужны, их спокойно берут, даже в такие структуры, как, например, институт Макса Планка Германии» [Миронов, 2006. С. 8]. Мы полагаем, что в этом смысле даже ситуационно ничего не изменилось.

Теперь вопрос о возможности отключения России от системы образования. Здесь ответ звучит строго однозначно: нет, это невозможно. Система знаний, представленная в образовательном процессе в рамках любых специальностей и специализаций, носит отчужденный характер⁵ не только от конкретных чиновников, которые приняли решение об исключении России из Болонского процесса, но и от их создателей, последующих поколений ученых, преподавателей и студентов.

Отчуждение результатов интеллектуальной деятельности, представленной в образовательном процессе, с одной стороны, уже однажды состоялось и представлено в учебниках, статьях, монографиях. С другой – сам процесс отчуждения результатов интеллектуальной деятельности происходит на каждом витке развития научно-теоретического знания. Новые результаты интеллектуальной деятельности, однажды оформившись, начинают жить по своим специальным законам трансляции и распространения полученных результатов. Именно эти процессы

⁵ Проблемы отчуждения исследуются одним из авторов (Г.В. Сорина) в рамках проекта РФФИ «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

движения, развития, распространения, в отличие от «Болонского процесса», никак не подвластны ни одному чиновнику, ни одной управленческой структуре как в прошлом, так и в настоящем. «А все-таки она вертится!» – знаменитая фраза, ассоциированная с именем Галилея, который, как известно, в 17 веке находился под судом инквизиции, но не был ею сломен. Спустя три столетия Папа Римский Иоанн-Павел II официально признал ошибкой решение инквизиции по делу Галилея. Рост научного знания невозможно остановить. Отчужденные результаты интеллектуальной деятельности представлены самостоятельно и отдельно по отношению к своим создателям, наконец, любая наука транслируется в мир в первую очередь через систему образования [Сорина, 2020. С. 87].

Образование оказывается той мягкой силой [Спартак, Костикова, 2018. С. 32–49], которая работает в системе интеллектуальной деятельности. При этом технический инструментарий проведения мягкой силы либо просто принадлежит к сфере интеллектуальной деятельности, либо реализуется через какие-то материализованные предметы (бумага – напечатанный текст, постановка фильма – киноплёнка и т. д.), не связанные с физическим насилием. В то же время по силе своего воздействия мягкая сила может оказаться как позитивной, так и негативной. В своей негативной ориентации она может оказаться не менее разрушительной, чем жесткая сила. Именно в этом качестве ее и хотят использовать те, кто принимает решение о закрытии российской культуры. Но эту «многоликую мягкую силу» [Ярмак, 2020] важно распознать и не позволить ей работать на разрушение и запрещение отечественной культуры и образования как внутри страны, так и за ее пределами.

На прошедших 27 июня 2022 г. Парламентских слушаниях по вопросам развития системы высшего образования⁶ ректор Московского университета В.А. Садовничий выступил за сохранение всех вариантов подготовки будущих специалистов в системе высшего образования. В частности, он сказал: «В вопросе выбора пути развития отечественной высшей школы нужно исходить из приоритетов сохранения устойчивости учебного процесса, здоровой преемственности. Нужно отказаться от кардинальной ломки того, что было. Специалитету и интегрированной магистратуре следует отдать преимущество, а бакалавриату и отдельным программам магистратуры – определенный процент. Наверно, будет разумно и правильно сохранить все варианты подготовки»⁷.

С нашей точки зрения, на современном этапе развития образования и выхода из кризиса в связи с Болонским процессом в систему образования, наряду с решением других проблем, важно внедрить три базовых элемента, которые позволяют не только сохранить, но и значительно улучшить качество подготовки бакалавров, магистров и специалистов в отечественной системе образования. Это следующие элементы: банк педагогических идей, модель тройной спирали и система внедрения креативных технологий в образовании.

⁶ См.: Парламентские слушания по вопросам развития системы высшего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/54725> (дата обращения: 20.06.22.)

⁷ См.: В.А. Садовничий на «Парламентские слушания по вопросам развития системы высшего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msu.ru/news/parlamentskie-slushaniya-po-voprosam-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 20.06.22)

В открытой печати понятие «банк педагогических идей» публикуется впервые. Между тем сам проект по созданию своеобразного репозитория, ресурса, хранилища, банка педагогических идей уже начал реализовываться на факультете педагогического образования (ФПО) Московского университета. Банк педагогических идей предназначен для централизованного накопления и использования педагогической информации (лучшие методики и методологии преподавания, описания образовательных технологий, методические материалы и др.). Несомненно, что словосочетание «банк педагогических идей» (БПИ) во многом носит метафорический характер. Но это как раз пример той метафоры, которая стремится к тому, чтобы стать понятием. Если мы отнесемся к БПИ уже как к понятию, то возникает необходимость разобраться с его содержанием. В таком контексте оказывается, что «банк педагогических идей» концептуально должен быть ассоциирован с идеей банка. Каковы же основные признаки слова/понятия «банк»?

Слово «банк» наиболее широко применяется по отношению к денежно-кредитным организациям. Такие структуры регулируют платежный оборот, привлекают денежные средства на депозиты и выдают их в качестве кредитов для развития бизнеса или личных нужд. Оказывается, что сама идея привлечения и последующего распространения чего-то по отношению к каким-то иным структурам (организациям) фактически становится креативной. Так, в инновационном менеджменте появляется понятие банка идей. Обычно это широкодоступные веб-ресурсы, где люди могут обмениваться идеями и обсуждать их. При использовании возможностей краудсорсинга такие банки могут способствовать созданию новых изобретений и технологий.

По сути и банк педагогических идей, подобно другим аналогичным системам, приобретает несколько важных атрибутов, ассоциированных с идеей банка. Во-первых, он позволяет и накапливать знания (здесь напрашивается аналогия с размещением средств на депозитных счетах), и использовать их. При этом использование депозитов такого банка не приводит к уменьшению их объема, наоборот, распространение знаний приводит к кумулятивному эффекту, к увеличению знаний, попадающих в разные профессиональные и интеллектуальные среды. Это, в свою очередь, ведет к перманентному накоплению знаний, причем не только в той области, где они были созданы, но и во множестве междисциплинарных пространств.

Во-вторых, банк педагогических идей является открытой системой. К нему вполне применима сетевая экстерналия. Чем больше профессиональных участников привлечено к работе с банком, тем продуктивнее идет работа по накоплению, структурированию и верификации информации. И такая связь носит нелинейный характер. При прекращении же работы с банком той или иной структуры он сохраняет свою работоспособность, за которую отвечает оператор банка.

В-третьих, банк позволяет удовлетворять запросы образовательных организаций, заинтересованных во внедрении зарекомендовавших себя подходов. Обращаясь в банк, пользователь ожидает, что получит проверенные специалистами и адаптированные для нужд образовательного процесса материалы. Это позволяет экономить иные ресурсы, задействованные при реализации целей и задач организации.

При реализации таких проектов возможно внедрение интерактивных сервисов, позволяющих оценивать, ранжировать, комментировать материалы и организовывать совместную работу с ними. Необходим пул экспертов и консультантов, которые были бы способны не только передавать накопленные знания, но и объяснять особенности использования конкретных видов знания. Фактически об особенностях экспертного знания на Парламентских слушаниях по вопросам развития образования говорил и Председатель Государственной Думы В.В. Володин, когда подчеркивал необходимость проводить курсы повышения квалификации специалистов только на базе ведущих вузов страны⁸.

В связи с БПИ возникает вопрос о том, чем банк педагогических идей отличается от различных концепций библиотек (мы в своем анализе будем опираться на самую значительную из этих концепций, на библиотеку Борхеса). В первую очередь мы бы хотели сказать, что понятие «банк педагогических идей» вводится для учета особенностей современного информационного общества, в котором технологии кардинально меняют характер и способ накопления, хранения, переработки и трансляции социального опыта.

Для Борхеса (в рассказе «Вавилонская библиотека») Библиотека – это Вселенная. Кратко свое сравнение он формулирует так: «Вселенная – некоторые называют ее Библиотекой»⁹. Борхес утверждает, что Библиотека беспредельна. Классическое определение Библиотеки, как утверждает Борхес по отношению к миру своей Библиотеки, можно сформулировать следующим образом: «Библиотека – это шар, точный центр которого находится в одном из шестигранников, а поверхность – недостижима»¹⁰. Для Борхеса библиотека существует извечно, и она является творением Бога. В процессе своего создания она оказывается никак не связанной с интеллектуальной деятельностью конкретных субъектов деятельности, что характерно для обыденного и профессионального понимания библиотеки.

Борхес последовательно описывает структуру Библиотеки, которая состоит из шестигранников, внутри каждого отдельного шестигранника, в свою очередь, находится по пять полок и т. д. Борхес описывает не только совершенную структуру библиотеки, но и столь же совершенную структуру книги, каждая из которых состоит из четырехсот страниц, содержащих по сорок строчек на странице и строго заданное количество букв. Все буквы должны быть написаны черным цветом.

Количество букв на одной странице задается строго и определенно, но вот число букв, используемых для описания текста, может быть неопределенно. Борхес приводит пример книги, которая целиком состояла ровно из трех букв: MCV¹¹. Возможность существования книги, состоящей всего из трех букв, Борхес объяснял особенностями внутренних отношений между буквами, фактом определенного воздействия одной буквы на другую в зависимости от расположения букв между собой. В результате оказывалось, что отдельно стоящая буква не имеет соб-

⁸ См.: Парламентские слушания по вопросам развития системы высшего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/54725> (дата обращения: 20.06.22)

⁹ См.: Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека. [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.ru/lib/book.php?b_uid=42 (дата обращения: 26.06.22)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ственного значения, что ее понять можно только в отношении с другими, в контексте с другими. Любопытно, что, как это следует из концепции Борхеса, вместе с библиотекой возникали и фейки. Так, одному верному каталогу соответствовали тысячи и тысячи фальшивых каталогов. На одно истинное сообщение, представленное в тексте, приходится множество бессмыслиц. Это множество «хлама» исчисляется тысячами. В этом смысле в рамках Библиотеки Борхеса представлена столь актуальная проблема, как место и роль фейка в современном мире. БПИ, в отличие от библиотеки Борхеса, создается конкретными людьми для реализации конкретной цели. Банк педагогических идей носит специализированный характер и возникает в условиях информатизации общества.

Второй базовый элемент, который важно, с нашей точки зрения, внедрить в контекст системы образования, связан с использованием модели тройной спирали. Эта модель как модель организации инновационного развития системы образования была предложена Генри Ицковицем из Стэнфордского университета, США. Она уже давно и прочно заняла свое место в библиотеке Борхеса, в третьем мире К. Поппера как отчужденная от своего создателя идея, как идея, принадлежащая самостоятельному миру культуры. Мы анализировали данную модель в статье [Сорина, Гуров, 2017. С. 16], приводя в качестве примера систему высшего образования Великобритании. Модель предполагает, что именно университет становится ядром инновационной деятельности в современном мире. Он вступает в тесное сотрудничество с коммерческими структурами, отчасти взяв на себя функции их исследовательских отделений, становится главным центром приложения государственных усилий по развитию инноваций: «Классический университет превращается в предпринимательский, сохраняя всю академическую, гуманитарную составляющую, но при этом делая упор на развитие в студентах предпринимательских начал» [Сорина, Гуров, 2017. С. 15].

Наконец, третий базовый элемент, который может и должен усилить систему образования, с нашей точки зрения, непосредственно связан с внедрением креативных технологий в систему образования. Мы исходим из того, что образовательный процесс в России как никогда ранее нуждается во внедрении креативных технологий. Это обусловлено острым дефицитом творческих специалистов, конкурентоспособных в условиях новой экономики. Использование креативных решений в педагогике позволяет преобразовать любой предмет в творческий учебный процесс.

На правительственном уровне декларируется, что важнейшим направлением поддержки креативной экономики должно стать развитие системы знаний и компетенций как творческого, так и предпринимательского характера. В прошлом году планировалось широкое привлечение зарубежных ученых в российскую систему образования. Однако на сегодняшний день им официально запрещается или «мягко» не рекомендуется приезжать в нашу страну. Этот факт, в частности, приводит к тому, что сегодня более остро встает вопрос ускоренного и масштабного обучения российских специалистов. Здесь ключевая роль отводится вузам, занимающимся подготовкой педагогических кадров. Одним из приоритетов национальной политики по развитию креативности будет увеличение объемов повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей.

Кроме вузов в процесс формирования креативной экономики активно включены институты, такие как АНО «Россия – страна возможностей». Эта открытая площадка помогает объединять талантливых и неравнодушных людей всех возрастов, осуществлять обмен опытом между школьниками, студентами, профильными специалистами, предпринимателями, управленцами и волонтерами. «Общая цель проектов – дать равные возможности, чтобы каждый мог проявить себя, реализовать свой талант и профессиональный потенциал, воплотить в жизнь бизнес-идеи или общественные инициативы»¹².

Отметим важность не только адаптации западных решений к российским реалиям, но и необходимость создания собственных подходов (как технологических, так и гуманитарных). В качестве примера можно привести Методологию экспертного анализа текста (МЭАТ): в период офлайн-образования она превратилась в устоявшуюся методологию организации процесса познания, в период пандемии и перехода в онлайн она подтвердила свою эффективность [Сорина, 2020. С. 85–103]. Применение данной методологии развивает навыки командной работы и критическое мышление у учащихся, ускоряет понимание сложных предметных областей. А использование различных ролей и игровых элементов в процессе обучения способствует более глубокому вовлечению в учебный процесс. Ещё одним плюсом использования МЭАТ является улучшение отношений внутри коллектива: это, в частности, отмечали российские и зарубежные аспиранты МГТУ им. Н.Э. Баумана (в 2021 г. авторы статьи вели для них практические занятия в рамках курса по «Истории и философии науки»).

Все три описанных выше элемента взаимосвязаны. Так, банки педагогических идей позволяют быстро внедрять креативные решения, снижая вероятность использования «сырых» и сомнительных подходов. Взаимодействие с бизнесом в рамках модели тройной спирали обеспечивает фокус на подготовку наиболее востребованных творческих специалистов. Такая подготовка, в свою очередь, невозможна без внедрения креативных решений.

Список литературы

- Миронов В.В.** Болонский процесс и национальная система образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 2. С. 4–8.
- Сорина Г.В.** Интеллектуальная деятельность: присвоение, отчуждение, способы хранения // Ценности и смыслы. 2020. № 4. С. 85–103.
- Сорина Г.В., Гуров Ф.Н.** Образовательное пространство: соотношение физического и социального пространства // Сб. науч. тр. Международной науч.-практ. конф. «Стратегия развития образовательного пространства в условиях глобальных рисков» (Москва, ИНСТРАО, 23 мая 2017г.) / Под ред. С.В. Ивановой. М.: Ин-т стратегии развития образования. 2017. С. 14–19.
- Сорина Г.В., Рикель А.М.** «Онлайн поневоле»: вовлеченность и ответственность // Профессиональное образование в современном мире. 2021. № 1. С. 214–225.

¹² См.: Официальный сайт АНО «Россия – страна возможностей». [Электронный ресурс]. URL: <https://rsv.ru/about-us/> (дата обращения: 20.06.2022)

- Спартак С.А., Костикова А.А.** Партнерство государства и бизнеса в международных отношениях // Вестн. Дипломат. академии МИД России. 2018. № 2. С. 32–49.
- Фишер Р., Юри У., Паттон Б.** Переговоры без поражения. Гарвардский метод. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2020.
- Ярмак Ю.В.** Многоликая мягкая сила. М.: ИЭТ, 2020.

References

- Fisher R., Yuri U., Patton B.** *Peregovory bez porazheniya. Garvardskii metod* [Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In]. M.: Mann, Ivanov, Ferber, 2020. (In Russ.).
- Mironov V.V.** Bolonskii protsess i natsionalnaya sistema obrazovaniya. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo univesriteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2006, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.).
- Sorina G.V.** Intellektualnaya deyatel'nost: prisvoenie, otchuzhdenie, sposoby khaneniya [Intellectual activity: appropriation, alienation, methods of storage]. *Tsennosti i smysly*, 2020, no. 4, pp. 85–103.
- Sorina G.V., Gurov F.N.** Obrazovatel'noe prostranstvo: sootnoshenie fizicheskogo i social'nogo prostranstva [Educational space: correlation of physical and social space]. In: *Strategiya razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva v usloviyah globalnykh riskov* [Strategy for the development of educational space in the context of global risks]. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Papers of the International Conference] (Moscow, INSTRAO, May 23, 2017). Moscow: INSTRAO, 2017, pp. 14–19.
- Sorina G.V., Rikel A.M.** «Onlain ponevole»: vovlechenost i otvetstvennost [“Online involuntarily”: involvement and responsibility]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional education in the modern world], 2021, no. 1, pp. 214–225.
- Spartak S.A., Kostikova A.A.** Partnerstvo gosudarstva i biznesa v mezhdunarodnykh otnosheniyah [Partnership between the state and business in international relations]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii* [Bulletin of the diplomatic academy of the MFA of Russia], 2018, no. 2, pp. 32–49.
- Yarmak Yu.V.** *Mnogolikaya myagkaya sila* [A multifaceted soft power]. Moscow: IET, 2020.

Сведения об авторах

Сорина Галина Вениаминовна

Доктор философских наук, профессор
 Профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова
 Заместитель декана по научной работе факультета педагогического образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Гуров Филипп Никитич

Кандидат философских наук

Старший научный сотрудник факультета педагогического образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный аналитик департамента проектного управления АНО «Россия – страна возможностей»

Information about the Authors

Galina V. Sorina

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor

Professor at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Deputy Dean for Scientific Work at the Faculty of Pedagogical education, Lomonosov Moscow State University

Philipp N. Gurov

PhD in Philosophy

Senior Researcher, Faculty of Educational Studies, Lomonosov Moscow State University

Chief Analyst of the Project Management Department, ANO Russia – the Country of Opportunities

Статья поступила в редколлегию 21.06.2022;

одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 21.06.2022;

approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 167.7

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-68-78

Образование как система: содержание форсайт-методологии

Елизавета Александровна Рождественская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

lawnaturalscience@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8481-3532>

Аннотация

В статье анализируются содержательные аспекты форсайт-методологии социального прогнозирования развития системы образования как сложной, динамичной, открытой системы с точки зрения системного подхода. Делается предположение о системе образования как о центральном социальном институте, который, будучи связанным с трансляцией знания, должен в целях формирования целостной личности поддерживать и собственную системную сложность, а также корреспондироваться со сложностью всего устройства общества. Подчеркиваются некоторые содержательные сложности работы экспертов в рамках форсайт-исследований, а также указывается необходимость учета ценностного аспекта при прогнозировании образования будущего.

Ключевые слова:

социальное прогнозирование, форсайт, форсайт-методология, будущее образования, тренды образования

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования

Рождественская Е. А. Образование как система: содержание форсайт-методологии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 2. С. 68–78. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-68-78

© Рождественская Е.А., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

Education as a System: The Content of the Foresight Methodology

Elizaveta A. Rozhdestvenskaya

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

lawnaturalscience@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8481-3532>

Abstract

The article reveals the substantive aspects of the Foresight methodology of social forecasting of the development of the education system as a complex, dynamic, open system from the point of view of a systematic approach. It is assumed that the education system is a central social institution, which, being associated with the transmission of knowledge, has to, in order to form a holistic personality of human beings, also support its own systemic complexity, as well as correspond to the complexity of the entire structure of society. The paper emphasizes some substantive difficulties in the work of experts in the framework of Foresight studies, as well as the need to take into account the value aspect when predicting the education of the future.

Keywords

social forecasting, foresight, foresight methodology, future of education, trends of education

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation

Rozhdestvenskaya E. A. Education as a System: The Content of the Foresight Methodology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 68–78. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-68-78

В современном мире образование как система остро нуждается многоаспектном анализе будущих перспектив своего развития [Карпов, 2020; 2022]. При этом будущее определяется исходя из практик настоящего и трендов развития, которые формируются с учетом множества переменных, а также случайности как отрицания закономерности. Н. Луман говорит о парадоксальности вероятности невероятного как путеводной нити анализа общества [Луман, 2011. С. 445], и такая установка анализа будущего актуальна и для системы образования. Для этих целей используется прогностическая функция социального познания и различные методы социального прогнозирования. Анализ эвристических возможностей форсайт-методологии должен быть рассмотрен при дифференциации содержания форсайт-прогнозов, обращённых к образованию, на процессуальный, результативный, системный анализ. В данной статье мы обратимся к результатам, прогнозирующим образование как систему; при этом образование как система представляет собой сложный динамичный открытый социальный институт, включающий в себя взаимодействие субъектов и принципы функционирования образовательных учреждений.

Форсайт как метод исследования и преобразования будущего может активно использоваться для прогнозирования образования по разным причинам¹. Прежде всего стоит отметить, что форсайт – это своего рода «зонтный» термин:

¹ См.: Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1(1). С. 8–15.

при проведении форсайтов организации и учреждения, как правило, самостоятельно определяют его значение исходя из конкретных целей и задач². Так появляются региональные, национальные и международные форсайты, технологические и научные форсайты, социально-экономические, образовательные и промышленные форсайты. Проблема типологии форсайт-исследований сегодня – это самостоятельная методологическая проблема. Приведем авторское определение форсайт-методологии: форсайт – это система методов групповой экспертной и общественной работы на основании научных знаний и специфики структуры социума, нацеленной на прогнозирование и проектирование стратегических сценариев развития будущего в средне- и долгосрочной перспективе в различных сферах общественной жизни. Иначе говоря, форсайт как совокупность методов учитывает сложность образования как системы и работает с этой сложностью в различных аспектах: от технологического до этического и антропологического.

Для социального прогнозирования и моделирования развития системы образования важным является вопрос о стабильности образовательных структур и организаций. Его возможно рассмотреть в рамках системного подхода, поскольку многочисленные связи между различными элементами и подсистемами в сложной системе подразумевают некоторую структуру. Применительно к системе образования вопрос о стабильности структур и функционировании элементов системы остается дискуссионным – например, в современной литературе нет единства мнений по проблемам соотношения субъектов образования, способов их взаимодействия, трактовок образовательного пространства и образовательных практик, отсутствует общее понимание принципов целеполагания образовательных процессов и др. Социальное прогнозирование развития системы образования связано с прогнозированием развития не системы в целом, а лишь отдельных аспектов ее функционирования, что не отражает целостности системы и не учитывает ее реальной сложности. Многие исследователи подчеркивают, что особенностью не только форсайт-методологии, но и других методов прогнозирования на данный момент является отсутствие подходящего инструментария для прогнозирования сложных открытых систем, поскольку эти системы находятся в постоянном развитии и динамике. Система образования представляет собой пример такой сложной системы: с одной стороны, ее функционирование детерминировано изнутри традиционным содержанием и устоявшимися структурными взаимодействиями между некоторыми структурными элементами, а с другой стороны, образование вынуждено отвечать на изменения извне, сообщаться с другими сложными системами и совместно с ними формировать структуру социальной реальности.

К примеру, в систему высшего образования включены различные стейкхолдеры с разноректорными интересами – это учащиеся, их родители, преподавательский корпус, администрация учебного заведения, работодатели и другие аффилированные с образовательной средой организации. В силу различных способов

² «При разработке и проведении Форсайта в образовательной сфере недопустимо слепое заимствование зарубежного опыта. Любой Форсайт должен проводиться в рамках национального политического, социально-экономического и историко-культурного контекста, игнорирование которого чревато серьезными расхождениями между теорией и практикой» [Назарова, 2014. С. 27–28].

целеполагания гармонизация их ценностных установок и интересов затруднена. С другой стороны, может возникнуть вопрос – как мы можем понять, что эта гармонизация возникла, по каким признакам? Насколько эксперты в рамках форсайт-сессий могут прийти к созданию сценария с общим (единым) видением иерархии ценностей и интересов всех стейкхолдеров в системе образования? Да, такое единое видение в известной мере могло бы упростить задачу анализа перспектив будущего образования, но стремление к упрощению сузит горизонты планирования развития системы образования, что неизменно отразится на учете возможных рисков и в целом будет ориентировано на сценарии, предполагающие, в терминологии Г. Маркузе, создание одномерного человека, или человека одной кнопки, тогда как ключевые характеристики настоящего и будущего – стохастичность и набирающая обороты сложность. Со сложностью и непредсказуемостью мира одномерному человеку справиться будет нелегко, поэтому система образования как центральный социальный институт, связанный с трансляцией знания (если он хочет оставаться таковым), должен в целях формирования целостной личности поддерживать и собственную системную сложность, а также корреспондироваться со сложностью всего устройства общества.

Следует отметить, что производство, передача и хранение знаний – ключевые содержательные компоненты образования как процесса, они составляют специфику фундамента образования как социального института и определяют образование как единство обучения и воспитания. Важный вопрос – что же мы прогнозируем применительно к системе образования, что поддается методологии социального прогнозирования и является ее предметом, а что не может быть спрогнозировано в рамках этой методологии – требует отдельного масштабного исследования в рамках философии образования.

Другой содержательный аспект форсайта как методологии социального прогнозирования заключается в конструировании дискурсов о будущем. Во многих современных научных и публицистических трудах по вопросам будущего человечества используется риторика действия: будущее можно сконструировать, изобрести, открыть, сформировать, им можно управлять. При этом основным способом конструирования будущего становится создание сценария и формулирование ответов на вызовы настоящего и будущего (многие современные научные мероприятия посвящены тематике вызовов настоящего и будущего и формулированию ответов на эти вызовы). Иными словами, система образования существует в пространстве набора действий, на которые необходимо отреагировать, чтобы сохраниться в традиционном виде или, если необходимо, пересобраться и функционировать как социальный институт и как целостное смысловое пространство.

При всем стремлении к технологической новизне, следованию актуальным тенденциям в образовательном процессе и созданию новых форматов обучения образование справедливо называют консервативным институтом, а мы добавим – реакционным, поскольку система образования действительно отвечает на вызовы – внутри- и внесистемные³. Проблема состоит в том, что социальная

³ «Передача смысла института основана на социальном признании этого института в качестве “перманентного” решения “перманентной” проблемы данной общности. Поэтому потенциальные деятели, совершающие институционализированные действия, должны систематически знакомиться

реальность сегодня особенно динамична, а значит, форсайт как методология прогнозирования развития будущего должна учитывать большое число переменных и содержать некую погрешность на случайные события. Кроме этого, для форсайт-методологии необходимо решить вопрос о соотношения вызова и сценария – это сценарии зависят от вызова или путем создания определенного сценария мы можем формировать возможные вызовы и затем формулировать релевантные для них ответы?

Другой важный содержательный аспект прогнозирования, который должны учитывать сегодня форсайт-исследования – это вопрос о профессиях будущего. Профессиональная структура общества стремительно меняется – одни профессии меняются, другие устаревают, профессиональные задачи усложняются и дифференцируются. Чтобы оставаться актуальным, система образования в некоторых образовательных практиках должна следовать трендам и требованиям рынка. Многие современные исследователи, выделяя вызовы и тенденции развития образования, все чаще говорят о внесистемных провайдерах образования и изменении соотношения сил между образованиями и другими формами досуговой деятельности: «ключевой вызов высшей школе на рубеже столетий заключается во вторжении новых игроков на поле общественных потребностей, которые ранее удовлетворялись за счет деятельности институтов образования» [Ефимов, Лаптева, Дадашева, 2012. С. 18]. Речь идет о новых форматах занятости, связанных с массовой культурой и виртуальной реальностью, с возникновением новых профессий, которые не всегда требуют специализированного образования и часто построены на самой личности человека, создании его персонального бренда (будь то ведение собственного тематического блога или создание новых видов деятельности, которые невозможно встроить в существующую «номенклатуру» специальностей, которым учат в организациях профессионального образования): «в картине будущего, которую удерживают эксперты, личностно ориентированное образование (самоопределение, личностное развитие, рестарт жизненного пути, тренинги) осуществляется вне института высшей школы – за счет собственной активности человека или в других институциональных или средовых организациях» [Там же. С. 37]. Такие тенденции создают угрозу традиционным образовательным институтам, формируют запрос на трансформацию уже известных образовательных форматов, а также размывают понятие экспертности. Последний аспект особенно важен для понимания контекста современной науки и современной системы образования – проблематизируются сам статус эксперта, экспертность как бы размывается и становится точкой приложения любых знаний по причине уникальности опыта каждого человека: «Серьезные жизненные проблемы возникают в связи с развитием науки и технологий в таких областях, которые порождают ситуации необходимого личностного выбора для множества субъектов, а не только для элиты общества, обладающей профильными знаниями и развитыми навыками принятия рациональных решений» [Миронов, Брызгалина, 2020. С. 111]. Кроме этого, мы уже указали на существование системы образования в пространстве национальной системы социальных институтов (хотя фор-

с этими значениями, для чего необходима та или иная форма образовательного процесса». [Бергер, Лукман, 1995. С. 116.]

сайт-методология далеко не всегда может быть осуществлена на национальном уровне) [см.: Воронов, 2010], и на то, что форсайт-методология призвана работать с задачами, актуальными для определенного общества. Иначе говоря, в рамках форсайт-методологии возникает еще одно философское измерение проблемы экспертности: существует ли возможность беспристрастного и неангажированного экспертного знания⁴? Этот вопрос еще только следует рассмотреть в рамках философско-методологических и эпистемологических исследований форсайта.

Прогнозирование развития системы образования сейчас невозможно без учета ее функционирования в пространстве цифровизации и технологий искусственного интеллекта. В рамках цифровой культуры в системе образования формируются иные способы выражения смыслов и ценностей, анализ которых – важная задача экспертов в рамках форсайт-исследований, которая часто проблематизируется при создании «дорожных карт». Однако ценностное (аксиологическое) измерение образования требует серьезного внимания при формировании системы образования будущего, хотя и встречается с рядом трудностей. С одной стороны, прогнозирование ценностей и смыслов образования как системы для больших социальных групп в будущем быть связано с индоктринацией на разных уровнях образования и возможным отходом от индивидуализации и гуманизации, поэтому подобная прогностическая работа существенно затруднена. С другой стороны, формулирование целей и конечных смыслов образования непосредственно влияет и на трансформацию системы образования, и на поведение субъектов в этой системе, и на сам образовательный процесс, и на результат образования – от целеполагания зависит практически все содержание образования, все основные принципы функционирования образования как системы [см.: Брызгалина, Станченко, 2021. С. 572–586]. Это дилемма, с которой сталкиваются эксперты в попытке сформировать образ будущего системы образования, а цифровизация и развитие технологий искусственного интеллекта добавляют дополнительные трудности решению этой задачи: в условиях распространения новых технологий необходим пересмотр многих традиционных образовательных практик, способов взаимодействия и функциональных характеристик субъектов образования, требований к освоению материала и принципов оценивания результатов.

Форсайт-проекты, связанные с прогнозированием различных сложных систем (прежде всего образовательных), реализуются сегодня в разных странах мира: известны форсайт-исследования образования Польши, Японии, США и других стран [Ejdys, Gudanowska, Halicka et al., 2018. P. 77–89; Шелюбская, 2007. С. 143–169]. При этом крайне важен вопрос о соотношении сценариев национального развития и сценариев развития будущего системы образования – сценарий развития определяется контекстом, но какова амплитуда отклонения от заданной линии национального развития? Например, можно наблюдать различные направления развития для разных образовательных моделей – континентальной и англосаксонской: в первой система образования тесно зависит от государственных

⁴ «Форсайт-исследование как процесс консолидации позиций различных авторов, представляющих государство, бизнес, научно-образовательную сферу, гражданское общество, приобретает самостоятельную ценность. Выработка согласованного видения будущего и путей достижения намеченных целей становится фактором, непосредственно определяющим эффективность стратегий и политических мер» [Гохберг, 2009. С. 5].

структур через финансирование и контроль (стандарты образования, мониторинг качества образования и др.), а во второй образование больше ориентировано на экономические и социальные тренды, но внешний контекст обязательно сопряжен с трансформациями внутри системы образования [Вахштайн, 2006. С. 321–352].

Для иллюстрации содержательных аспектов форсайт-методологии прогнозирования развития системы образования в России рассмотрим несколько реализованных форсайт-проектов. Для форсирования получения образовательных результатов, соответствующих вызовам времени, были созданы форсайты «Образование 2030»⁵, «Компетенции 2030». Они стали результатом скрупулезной и продолжительной совместной работы Московской школы управления Сколково, Агентства стратегических инициатив и НИУ «Высшая школа экономики» в том числе в ходе экспертных сессий форсайт-флота, работа которого организовывалась на протяжении нескольких лет. Проект задумывался как часть глобальной перестройки системы образования для ответа на вызовы современности. В ходе работы форсайт-сессий была выработана дорожная карта «Образование 2035», создан «Атлас новых профессий», а также проводятся исследования мегатрендов будущего. Указанные форсайт-проекты можно отнести скорее к технологическому и экономическому форсайт-прогнозированию, поскольку содержательно многие опорные точки дорожной карты «Образование 2035» сопряжены с развитием инновационных технологий и современными тенденциями развития бизнеса. Некоторые теоретики и практики в системе образования с большим скепсисом относятся и к идеологии метода форсайта, и к его технической составляющей [Окладникова, 2021. С. 125–149]. Например, в академической среде исследования форсайта «Образование 2030» породили несколько образовательных метафор: «форсайт как технология убийства будущего», «люди одной кнопки», кастовость образования, «люди-ардеры» (по аналогии с миллиардерами, но только с богатством в виде человеческого капитала). Форсайт «Образование 2030» подвергается серьезной критике и в общественной среде, однако отрицать его значимость как маркер современного состояния социума, науки и системы образования нельзя, прежде всего потому, что «Образование 2030», будучи одним из немногих масштабных форсайтов системы образования России, диагностирует те образовательные проблемы, которые уже появились или скоро появятся в будущем.

Одним из важнейших форсайт-проектов в сфере образования в РФ за последние годы стало масштабное исследование, которое проводилось в 2010–2012 годах в Сибирском федеральном университете и было посвящено будущему высшей школы в России в перспективе до 2030 года [Будущее..., 2012; Ефимов, 2012. С. 6–42; Ефимов, Лаптева, Дадашева, 2012. С. 13–48; Ефимов, Лаптева, Румянцев, 2012. С. 24–37]. Основными методами в этом исследовании были метод Дельфи-опроса как «видения экспертами социально-экономических контекстов существования высшей школы в будущем; вероятных критических ситуаций; изменении миссии и функций высшей школы; перспективных технологий ее дея-

⁵ Образование-2030: «дорожные карты» будущего: результаты первого российского этапа исследований / Д. Песков, П. Лукша, И. Савчук и др. Режим доступа: URL: <http://www.myshared.ru/slide/214897/>. Дата обращения: 20.06.2022.

тельности; необходимых мер государственной политики», также метода создания поля сценариев – «стратегические карты» и «дорожные карты» [Ефимов, Лаптева, Румянцев, 2012. С. 7]. Основное содержание этого форсайта было связано с формулированием различных вариантов миссий современного университета (при помощи метода Делфи-опроса в два тура). Описанные миссии были оценены в разных временных перспективах (горизонтах планирования), что важно для принятия решений на разных уровнях управления. Одна из ключевых миссий университета – миссия когнитивного каркаса общества – оценивается как наиболее значимая и приоритетная в перспективе до 2030 года. Миссия в исследовании конкретизируется через функции (были выделены 20 возможных функций). [Там же. С. 30]. В форсайт-исследовании также дано описание технологий и средств образовательной деятельности (их 15 – так называемые технологические пакеты). Это масштабное форсайт-исследование – одно из немногих в России, оно носит статус регионального (для Красноярского края), хотя важно, что человеческий капитал и его перспективы рассмотрены и в контексте модернизации России до 2030 года. Ключевыми аспектами исследования стали образование и здравоохранение, при этом указано, что управление человеческим капиталом не ограничивается этими сферами.

Таким образом, отметим, что использование форсайта как методологии прогнозирования становится все более распространенным как в России, так и в других странах; при этом методология исследования, принципы экспертной работы и учет различных аспектов функционирования прогнозируемых явлений и систем совершенствуется. Содержательные аспекты форсайт-методологии связаны с современными дискуссиями о возможности консенсусных сценариев развития системы образования будущего с учетом сложности системы образования, ее открытости и динамичности. Для создания возможных национальных концепций и доктрин политики в области образования в рамках форсайт-исследований важной представляется работа со смыслами и ценностями в образовании традиционного типа и новыми аксиологическими измерениями цифрового образования. Отдельное внимание должно быть сосредоточено на анализе перспектив развития и внедрения искусственного интеллекта в образовании.

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Брызгалина Е. В., Станченко С. В.** Воспитание как образовательный результат: ценностноориентированный подход к оцениванию в системе общего образования // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 572–586.
- Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование-2030: аналит. докл. / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2012.
- Вахштайн В.С.** Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая // Прогнозис. 2006. № 6. С. 321–352.

- Воронов Ю.П.** Форсайт как инструмент / под ред. В.И. Суслова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010.
- Гохберг Л.М.** Новые тенденции в российской практике форсайт-исследований // Форсайт. 2009. № 3 (11). С. 5.
- Ефимов В. С.** Форсайт высшей школы России: контуры перспективной государственной политики // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5 (81). С. 6–42.
- Ефимов В.С., Лаптева А.В., Дадашева В.А.** Форсайт высшей школы России: новые миссии и функции, перспективные технологии и форматы деятельности // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3. С. 13–48.
- Ефимов В. С., Лаптева А. В., Румянцев М. В.** Будущее высшей школы России – 2030: социально-экономические контексты и критические ситуации (по результатам Делфи-опроса экспертов) // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 2 (78). С. 24–37.
- Карпов А.О.** Образование будущего: репродуктивно-продуктивный переход // Вopr. филос. 2020. № 1. С. 5–16.
- Карпов А.О.** Фундаментальные модели образования будущего // Вopr. философии. 2022. № 1. С. 54–64.
- Луман Н.** Общество общества. М.: Логос, 2011.
- Миронов В.В., Брызгалина Е.В.** Феномен «профанного знания» в контексте особенностей современной науки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2020. № 6. С. 107–121.
- Назарова И.Р.** Форсайт в исследованиях будущего российского образования // Высш. образование в России. 2014. № 7. С. 22–29.
- Окладникова Е. А.** Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и приобретений // Научный результат. Соц. и гуманитар. исслед. 2021. № 3(7). С. 125–149.
- Соколов А.В.** Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. №1(1). С. 8–15.
- Шелюбская Н.В.** «Форсайт» – механизм определения приоритетов формирования общества знаний стран Западной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 2. С. 143–169.

References

- Berger P., Lukman T.** Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. [Social Construction of Reality. Treatise on The Sociology of Knowledge.] М.: «Medium», 1995. (In Russ.)
- Bryzgalina E. V., Stanchenko S. V.** Vospitanie kak obrazovatel'nyj rezul'tat: cennostnoorientirovannyj podhod k ocenivaniya v sisteme obshchego obrazovaniya [Upbringing as an Educational Result: The Value-oriented Approach to Assessment in the System of Secondary Education]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy]*, 2021, vol. 25, no 4, pp. 572–586. (In Russ.)
- Budushchee vysshej shkoly v Rossii: ekspertnyj vzglyad. Forsajt-issledovanie-2030: analit. dokl.** [The Future of Higher Education in Russia: Expert View. Foresight

- Study 2030: Analysis. report] / In: Efimov V.S. (Red). Krasnoyarsk: SFU, 2012. (In Russ.)
- Efimov V. S.** Forsajt vysshej shkoly Rossii: kontury perspektivnoj gosudarstvennoj politiki [Foresight of Higher Education in Russia: Contours of a Perspective State Policy]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2012, vol. 81, no 5, pp. 6-42. (In Russ.)
- Efimov V.S., Lapteva A.V., Dadasheva V.A.** Forsajt vysshej shkoly Rossii: novye missii i funktsii, perspektivnye tekhnologii i formaty deyatel'nosti [Foresight of Higher Education in Russia: New Missions and Functions, Perspective Technologies and Formats of Activity]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2012, no 3, pp. 13-48. (In Russ.)
- Efimov V. S., Lapteva A. V., Rumyantsev M. V.** Budushchee vysshej shkoly Rossii – 2030: social'no-ekonomicheskie konteksty i kriticheskie situatsii (po rezul'tatam Delfi-oprosa ekspertov) [The Future of Russian Higher Education - 2030: Socio-Economic Contexts and Critical Situations (Based on the Results of the Delphi Survey of Experts)]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2012, vol. 78, no 2, pp. 24-37.
- Ejdys J., Gudanowska A., Halicka K., Kononiuk A., Magruk A., Nazarko J., Nazarko L., Szpilko D., Widelska U.** (2018) Foresight in Higher Education Institutions: Evidence from Poland. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 1, pp. 77–89.
- Gohberg L.M.** Novye tendentsii v rossijskoj praktike forsajt-issledovanij [New Trends in the Russian Practice of Foresight Research]. *Forsajt [Foresight]*, 2009, vol. 11, no 3, p. 5. (In Russ.)
- Karpov A.O.** Fundamental'nye modeli obrazovaniya budushchego [Fundamental models of education of the future]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2022, no 1, pp. 54–64. (In Russ.)
- Karpov A.O.** Obrazovanie budushchego: reproduktivno-produktivnyj perekhod [Education of the Future: Reproductive-Productive Transition]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2020, no 1, pp. 5-16. (In Russ.)
- Luhmann N.** Obshchestvo obshchestva [The Society of Society]. Moscow: Izdatel'stvo «Logos», 2011. (In Russ.)
- Mironov V.V., Bryzgalina E.V.** Fenomen «profannogo znaniya» v kontekste osobennostej sovremennoj nauki [The Phenomenon of “Profane Knowledge” in the Context of the Characteristics of Modern Science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy]*, 2020, no 6, pp. 107-121. (In Russ.)
- Nazarova I.R.** Forsajt v issledovaniyah budushchego rossijskogo obrazovaniya [Foresight in the Research on the Future of Russian Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*, 2014, no 7, pp. 22-29. (In Russ.)
- Okladnikova E. A.** Obrazovanie k 2030 i 2035 gg.: forsajt-tekhnologii i teleologiiya riskov i blagopriobretenij [Education by 2030 and 2035: Foresight Technologies and the Teleology of Risks and Gains]. *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya [Scientific result. Social and Humanitarian Studies]*, 2021, vol. 7, no 3, pp. 125-149. (In Russ.)
- Shelyubskaya N.V.** «Forsajt» – mekhanizm opredeleniya prioritetov formirovaniya obshchestva znaniy stran Zapadnoj Evropy [«Foresight» as a Mechanism of

Determination the Priorities for the Formation of a Knowledge Society in Western Europe]. *Aktual'nye problemy Evropy [Actual problems of Europe]*, 2007, no 2. pp. 143 – 169. (In Russ.)

Sokolov A.V. Forsajt: vzglyad v budushchee [Foresight: The Look into the Future]. *Forsajt [Foresight]*, 2007, vol. 1, no 1, pp. 8-15. (In Russ.)

Vahshtajn V.S. Dve modeli obrazovatel'nyh sistem: kontinental'naya i atlanticheskaya [Two Models of Educational Systems: Continental and Atlantic]. *Prognosis [Prognosis]*, 2006, no 6, pp. 321-352. (In Russ.)

Voronov Yu.P. Forsajt kak instrument [Foresight as an Instrument] In: Suslova V.I. (Red). Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010. (In Russ.)

Информация об авторе

Елизавета Александровна Рождественская

Ассистент кафедры философии образования философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», Москва, Россия)

Information about the Author

Elizaveta A. Rozhdestvenskaya

Assistant, Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye Gory, Moscow State University, Educational and Scientific building «Shuvalovsky», Moscow, Russia)

Статья поступила в редколлегию 01.06.2022;

одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 01.06.2022;

approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 316.4; 93

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

Полемика с Иммануилом Валлерстайном: промышленная революция и глобализация как великие переломы Нового времени

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Аннотация

И. Валлерстайн заявляет, что единственная социальная революция, или «великий перелом» Нового времени, – это формирование в течение «долгого» XVI века европейского капиталистического мира-экономики. Вопреки этому автор утверждает, что в истории Нового времени можно выделить еще два великих перелома. Первый из них – промышленный переворот XIX века, когда совпали три процесса, спровоцированные изобретением парового двигателя, – механизация фабричного производства, энергетическая революция и смена логистического уклада. Для возникновения глобализации потребовалось сочетание нескольких обстоятельств, сложившихся в единый комплекс в конце XX века: поглощение капиталистической мир-системой оставшихся крупных внешних зон, информационно-коммуникационная революция, установление геополитического униполяризма, доминирование в мировом масштабе идеологии неолиберального глобализма.

Ключевые слова

мир-экономика, капитализм, социальная революция, промышленный переворот, глобализация, геополитика, мировой порядок, гегемония

Для цитирования

Трубицын О. К. Полемика с Иммануилом Валлерстайном: промышленная революция и глобализация как великие переломы Нового времени // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 2. С. 79–91. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

© Трубицын О. К., 2022

The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Abstract

I. Wallerstein states that the only social revolution, or the “great turning point” of Modern Times, is the formation of the European capitalist world–economy during the “long” XVI century. Contrary to this, the author argues that two more great fractures can be distinguished in the history of Modern Times. The first of them was the industrial revolution of the XIX century, when three processes coincided, provoked by the invention of the steam engine – the mechanization of factory production, the energy revolution and the change of logistics. The emergence of globalization required a combination of several circumstances that developed into a single complex at the end of the twentieth century: the absorption of the remaining large external zones by the capitalist world system, the information and communication revolution, the establishment of geopolitical unipolarism, the dominance of the ideology of neoliberal globalism on a global scale.

Keywords

world-economy, capitalism, social revolution, industrial revolution, globalization, geopolitics, world order, hegemony

For citation

Trubitsyn O. K. The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 79–91. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-79-91

Иммануил Валлерстайн – недавно умерший классик современного социального познания, среди прочего прославился смелыми опровержениями многих устоявшихся трактовок различных социальных процессов и событий. Так, например, он доказывал, что Великая Французская буржуазная революция не была на деле буржуазной, что Советский Союз оставался частью капиталистической мировой системы, что распад СССР стал предвестником не укрепления американской гегемонии, а ее крушения, и многое другое. Сейчас нас интересуют три его взаимосвязанных утверждения, также выступающие опровержением широко распространенных взглядов, а именно: 1) единственная фундаментальная социальная революция, или «великий перелом» Нового времени – это формирование в течение «долгого» XVI века европейского капиталистического мира-экономики; 2) так называемая «промышленная революция» конца XVIII – начала XIX века не была социальной революцией в подлинном смысле слова, т. е. будучи постепенным эволюционным процессом, характерным для всей истории капиталистического мира-экономики, она не стала вторым великим переломом; 3) то, что сейчас принято называть глобализацией, также вовсе не является исторически новым явлением, еще одним великим переломом – скорее это еще один аспект развития европейского мира-экономики на протяжении пяти веков и постепенной транс-

формации его во всемирную капиталистическую систему (капиталистическую мировую систему) [Валлерстайн, 2000].

Рассмотрим данные утверждения подробнее. Они являются развитием исходного тезиса о том, что эпоха Модерна начинается в период долгого XVI века, когда формируются основы современной мировой системы в виде европейского мира-экономики, носящего по своей сути капиталистический характер. При этом экспансионизм и «кумулятивное, самоподдерживающееся изменение в форме бесконечного стремления к накоплению было лейтмотивом капиталистического мира-экономики, начиная еще с его возникновения в XVI веке» [Валлерстайн, 2016 (6). С. 27]. Таким образом, тенденции к индустриализации и глобализации заложены в самой сути этой системы. Второй тезис является развитием первого, опровергая представления о том, что рубеж XVIII и XIX веков является революционной эпохой, когда доиндустриальное общество Премодерна сменилось индустриальным обществом Модерна. Понятие промышленного переворота, связанное с данным периодом, является дезориентирующим. Третий тезис выступает опровержением популярной точки зрения¹, согласно которой с конца XX века общество впервые в истории вступило в эпоху глобализации. Глобализация при этом связывается с ослаблением регулирующей роли национальных государств, усилением влияния ТНК и культурной унификацией (американизацией). По мнению И. Валлерстайна, это обман, навязанный нам властными элитами. На деле же, действительно, мы стоим на пороге нового великого перелома – краха капиталистической мировой системы. 1991 г. – это третьестепенная историческая веха, значимая для жителей СССР в связи с его распадом, а также остального мира – в связи с закатом американской гегемонии. По значимости она уступает второстепенной исторической вехе – 1945 г., когда начался кондратьевский цикл, связанный на его А-фазе с установлением американской гегемонии.

Наша задача не столь амбициозна – защитить некогда популярные, но теряющие признание в связи с убедительной критикой со стороны И. Валлерстайна, положения о том, что: 1) с начала Нового времени произошло три великих перелома, первым из которых, действительно, было формирование европейского мира-экономики, как и утверждает И. Валлерстайн; 2) промышленный переворот XIX века был не менее, а может, и более значимой вехой в развитии современной цивилизации – вопреки тезису И. Валлерстайна²; 3) третьей ключевой точкой и великим переломом в развитии мировой капиталистической системы стал период конца XX – начала XXI века, связанный с попыткой реализации проекта глобализации как либерального конца истории.

Весьма вероятно, что попытка глобализации оказалась чрезмерно амбициозной и саморазрушительной для капиталистической мировой системы. Ее провал открыл дорогу деглобализации, которая может привести к краху системы, как и предполагал И. Валлерстайн. Однако последнее утверждение является на данный момент спорным и может рассматриваться скорее как прогностическая гипотеза, а не констатация состоявшегося факта. Оставим эту тему для даль-

¹ Которую, в частности, обосновывает и автор данной статьи [Трубицын, 2005].

² О том, что Модерн следует отождествлять скорее с индустриализацией, чем с развитием капитализма, говорится в нашей предыдущей статье [Трубицын, 2020].

нейшего исследования, а пока сосредоточимся на аргументах за и против альтернативных интерпретаций промышленного переворота и глобализации.

Итак, И. Валлерстайн начинает с методологического требования необходимости обнаружения в истории переломных точек, т. е. революционных эпох, когда в развитии общества происходит качественный разрыв с предыдущим состоянием. Если исходить из противоположного утверждения, то история видится как континуальный процесс эволюции изначально существующих институтов. Пожалуй, даже радикальные сторонники такого подхода согласятся, что неолитическая революция и зарождение цивилизации были качественными трансформациями, однако предполагается, что капиталистические институты и глобализация развивались с древнейших времен. (Интересно, скажет ли кто-либо подобное об индустриализме?) И. Валлерстайн не согласен с подходом, согласно которому у капитализма, индустриализма и глобализации нет начала и конца, а имеет место постоянный процесс экспансии рынков и культур, развития производства и т. п. Он исходит из того, что начало должно быть, поскольку в древности капиталистические институты либо отсутствовали полностью, либо играли пренебрежимо малую роль, промышленность развивалась на базе ручного труда со слабым развитием кооперации производства, а общества (мини-системы) имели локальный характер.

С другой стороны, XIX век – слишком поздний период для датировки великого перелома, т. е. формирования общества Модерна – возникновения капитализма, индустрии и глобализации. И. Валлерстайн стремится опровергнуть популярную точку зрения, согласно которой «в конце XVIII – начале XIX веков произошло некое качественное историческое изменение» [Валлерстайн, 2016 (б). С. 3], будто бы тогда «случились и “первая” промышленная революция в Великобритании, и “образцовая” буржуазная революция во Франции» [там же], т. е. возникло общество Модерна. На самом деле, «феномен, который можно назвать европейским миром-экономикой, возник в конце XV – начале XVI веков» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 15], а развитие промышленности и пространственных связей на дальние расстояния – его необходимые атрибуты. Первоначально не было образцового «марксистского» индустриального капитализма в развитой форме с его классовым дуализмом промышленной буржуазии и пролетариата. Но была структура, толкающая к бесконечному накоплению капитала, было географическое «ядро-периферийное» разделение труда, были монополии и циклы. В странах ядра постепенно формировался союз обуржуазившейся аристократии и буржуазии, главенствующий над пролетаризирующимися крестьянами, в то время как на периферии вполне могли процветать рабство и крепостничество (а позднее и так называемый «социализм»). Таким образом, для И. Валлерстайна великий перелом происходит в течение долгого XVI века, когда формируется общество Модерна, т. е. система международного разделения труда в форме мира-экономики, для которого характерно сочетание капитализма, индустриализации и глобализации.

Теперь перейдем к критике взглядов И. Валлерстайна. Начнем с положения, с которым, безусловно, следует согласиться: континуализм и увековечивание капитализма и глобализации неверно, поскольку наличие в древности отдельных присущих им элементов еще не означает их полноценного существования. Име-

ющие второстепенное значение и подчиненные чуждой логике, эти элементы не образуют собственную систему, а являются инородными вкраплениями в иной системе. Как указывают, например, Р. Хейлбронер и Л. Туроу [1994], все общества до Нового времени были некапиталистическими, поскольку там отсутствовали или были недостаточно развиты ключевые институты капитализма. В частности, отсутствовал институт частной собственности в том смысле, что не существовало идеи неприкосновенности чужой собственности. Также отсутствовала и рыночная система: существовали рынки товаров, но не было рынков факторов производства и отсутствовала обширная сеть договоров, связывающих воедино всю экономику. Было повсеместно распространено внеэкономическое принуждение к труду, а богатство выступало, как правило, атрибутом власти. Основания для выделения долгого XVI века в качестве даты рождения капитализма у данных авторов, а также К. Маркса и И. Валлерстайна, различаются, но общий вывод одинаков: полноценный капитализм появляется только в Новое время. Отсюда, однако, не вытекает истинность положения И. Валлерстайна о единственном великом переломе, т. е. о том, что возникновение мира-экономики, капитализма, индустриализма и глобализации произошло одновременно. Более обосновано считать, что данные процессы взаимосвязаны, но их зарождение разнесено во времени.

Если говорить о таком феномене, как мир-экономика, то само его существование является далеко не очевидным фактом, поскольку критерии выделения не вполне четки. Согласно И. Валлерстайну, «мир-экономика – это “мировая” система не потому, что он объединяет в своих пределах весь мир, а потому, что он больше любой юридически определенной политической единицы. И это именно “мир-экономика”³, поскольку основная связь между частями системы имеет экономический характер, хотя в определенной мере она была усилена культурными связями...» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 15]. В связи с этим он рассуждает о формировании на территории Европы двух локальных миров-экономик в период Средних веков, объединение которых и породило мир-систему Модерна в период долгого XVI века⁴. Также он признает существование хронологически предшествующих миров-экономик в разных регионах мира, которые либо погибали, либо трансформировались в миры-империи. А. Г. Франк и Б. К. Джиллс [1993], используя более мягкие критерии, провозглашают существование с эпохи Древности единственной мир-системы, частью которой европейская цивилизация является изначально.

С нашей точки зрения, для адекватного решения вопроса о сущности и датировке глобализации стоит разделять интеграционные надгосударственные системы трех типов – в зависимости от уровня развития международного разделения труда.

1. Слабоинтегрированные международные рыночные сети, выделяемые на основе минимальных критериев, в частности «единая мир-система» А. Г. Франк

³ Курсив Иммануила Валлерстайна.

⁴ «В пределах Европы было, по крайней мере, два меньших по размерам мира-экономики. Первый из них, средний по площади, базировался в городах-государствах северной Италии, второй (меньших размеров) – в городах-государствах Фландрии и северной Германии» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 42].

ка. В модели И. Валлерстайна такими критериями являются связи мир-экономики с ее внешней сферой; проводится разделение связей центр-периферийного характера и связей с внешней сферой на основании следующего критерия: торговля с внешней сферой является обоюдовыгодной, но малозначимой и ведется в основном «престижными» товарами, а торговля с периферией – неэквивалентная, обмен жизненно важных товаров, который нужен каждой из сторон для самообеспечения и который нельзя прекратить без негативных последствий [Валлерстайн, 2016 (6). С. XIII–XIV].

2) Среднеинтегрированные международные рыночные сети – собственно валлерстайновские миры-экономики, где внутренние процессы стран-участников в решающей степени определяются их местом в иерархии мира-системы.

3) Высокоинтегрированные транснациональные рыночные сети – гипотетический более высокий уровень интеграции, чем это предполагается критериями мира-экономики. Глобализация как проект предполагает формирование единой всемирной (глобальной) системы, в рамках которой теряется тот уровень автономии, т. е. относительной целостности и самодостаточности, который присущ национальным хозяйствам в рамках мира-экономики. Глобализация – процесс трансформации мировой капиталистической системы (по сути мира-экономики) в глобальную систему, где основные процессы определяются функционированием транснациональных сетей.

Рассмотрим несколько примеров международных рыночных сетей.

Сложно определенно сказать, когда возник первый мир-экономика, но слабоинтегрированные международные рыночные сети существовали еще в эпоху древности. По крайней мере, о наличии подобного феномена можно говорить по отношению к взаимосвязанным средиземноморским цивилизациям бронзового века. Но эта мир-система не была ни глобальной, ни индустриальной, да и рыночные отношения имели здесь не вполне капиталистический, а подчиненный и вторичный характер. Так что сами эти древние общества были совершенно не капиталистическими. Эту мир-систему постигли крах и дезинтеграция. Современные историки по-разному оценивают причины этого события, сейчас преобладают многофакторные схемы, когда среди причин краха цивилизаций бронзового века называют стихийные бедствия, иноземные нашествия и др. Но чаще всего причиной называют крах международной торговли из-за пиратства [Cline, 2015; Dickinson, 2006]. О. Дикинсон даже называет это «издержками глобализации», т. е. платой за взаимозависимость. Называть это «глобализацией» неверно, поскольку это была лишь локальная слабоинтегрированная рыночная сеть. Тем не менее ее дезинтеграция способствовала краху или стагнации ряда участвующих в ней обществ.

Великий шелковый путь – логистическая ось, на которой держится модель единой мировой системы А. Г. Франка. Определенно, его функционирование способствовало относительному подъему и процветанию некоторых обществ-участников, в частности транзитных посредников в Средней Азии. Соответственно упадок значения Пути спровоцировал их упадок и долгосрочную стагнацию. Важный момент – в данном случае уровень развития рыночных сетей не был настолько высоким, чтобы способствовать развитию капитализма в обществах-участни-

ках, так что до уровня мира-экономики в «валлерстайновском» смысле Великий шелковый путь не дотягивает.

Аналогичные связи имелись между Европой и Азией в XVI веке. Когда португальцы установили регулярный контакт с Южной Азией и Дальним Востоком, то «основы внутренней жизни Азии этот контакт не затронул. Поэтому вряд ли стоит утверждать, что производство первичной продукции в азиатском регионе было составной частью европейского разделения труда того времени» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 410].

СССР и КНР, по крайней мере до 1970-х гг., правильнее считать партнерами капиталистического мира-экономики по слабоинтегрированной рыночной сети, его внешней сферой, а не составной частью, поскольку функционирование и развитие этих двух стран не определялось их положением в системе международного разделения труда в рамках мира-экономики. Наиболее очевидный признак невключенности в капиталистическую мировую систему – то, что доллар США не использовался странами СЭВ в расчетах между собой, т. е. не выполнял роли мировых денег.

Капиталистическому миру-экономике присуща склонность к экспансионизму, что побуждает его втягивать в свой состав пока еще не инкорпорированные территории. «Циклические процессы внутри капиталистического мира-экономики периодически приводили к ситуациям, в которых для поддержания низких издержек по производству периферийных товаров требовалось включать в мир-экономику новые регионы, т. е. “инкорпорировать” их в рамках разделения труда» [Валлерстайн, 2016 (б). С. XIV]. По сути, это описание тенденции, приведшей к глобализации, но еще не самой глобализации. Минимальное требование к условиям начала глобализации как перехода интеграции рыночных сетей на новый, более высокий, нежели мир-экономика, уровень, – это уже состоявшийся факт предельной географической экспансии – трансформации европейского мира-экономики во всемирный. Сам И. Валлерстайн указывает на такой критерий единства мира-экономики как способность торговца объехать его за 60 дней. Таковым «шестидесятидневным» был, по мнению Ф. Фрида, мир Римской империи, согласно Ф. Броделю – средиземноморский мир XVI века. Мир в целом стал таковым только в начале XX века.

Границы мира-экономики определяются логистикой в том смысле, что только расстояния, не превышающие определенную длительность по времени, рентабельны для систематической торговли товарами массового потребления. Поэтому «система начинает расширяться вовне до того момента, пока она не достигает точки, где убыток оказывается больше выгоды. Одним из факторов, устанавливающих пределы расширения, является, конечно, расстояние – производная от текущего состояния технологий...» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 417]. Таким образом, сам И. Валлерстайн считал, что экспансия мира-экономики и возможность начала глобализации зависят от уровня развития транспортных технологий. Это утверждение подводит нас к предположению, что индустриализация должна предшествовать глобализации, обеспечив такую ее предпосылку как развитая транспортная инфраструктура.

Прежде чем перейти к объяснению того, почему автор данной работы настаивает, что полноценная модернизация, связанная с промышленным переворотом, началась в конце XVIII – начале XIX века, а не ранее, как считает И. Валлерстайн, затронем еще одну проблему – неустойчивость прочих миров-экономик на фоне удивительной жизнестойкости европейского. И. Валлерстайн утверждает, что «до наступления эпохи Модерна миры-экономики были в высшей степени нестабильными структурами, которые стремились либо к превращению в миры-империи, либо к дезинтеграции» [Валлерстайн, 2016 (а). С. 428]. Одной из причин нестабильности обществ аграрной эпохи была неизбежность попадания общества в мальтузианскую ловушку в случае его успешного развития. Единомышленник Т. Мальтуса, Д. Рикардо, уточнил известную модель опережающего роста населения последнего, дополнив ее моделью распределения доходов [История экономических учений, 2003. С. 70–74]. Из нее следует, что чем больше капитала в стране, тем менее плодородные почвы вовлекаются в оборот. Экстраполяция этой тенденции подвела его к пессимистическому прогнозу, согласно которому с развитием капитализма и вовлечением в оборот все менее плодородных земель общество приближается к ситуации, когда отдача от вложения капитала станет нулевой и экономический рост остановится. Получается, что не только неудача в экономическом развитии аграрного (в том числе капиталистического) общества, но и успех ведет к кризису. О том же говорит факт лесного кризиса, на пороге которого оказалась Англия к началу XIX века. Рост населения и развитие промышленности требовали все больше леса. «Из дров в Англии делали не только уголь для выплавки железа. Лес валили для постройки домов, амбаров и изгородей, для производства стекла и рафинирования свинца, для сооружения мостов, доков, шлюзов, канальных барж и крепостей, для производства бочек под пиво и сидр... Многие из этих отраслей потребляли дерева не меньше, чем военно-морской флот»⁵. Массовая вырубка лесов поставила под угрозу выживание английского ремесленно-мануфактурного производства и самого государства. Капиталистическое общество в Англии в определенный момент оказалось на пороге краха, что могло привести к дезинтеграции весь мир-экономику.

Что же сделало европейский мир-экономику сильным и относительно устойчивым, способным к глобальной экспансии? Что позволило ему, наконец, просто выжить и выбраться из мальтузианской ловушки? Модель И. Валлерстайна, отрицающая промышленный переворот, не дает полного ответа на эти вопросы. Она подчеркивает важность сочетания таких процессов, как свершение Великих географических открытий, что привело к росту трансатлантической торговли, и формирования патовой ситуации в европейской геополитике. Это позволило избежать трансформации мира-экономики в мир-империю, а также способствовало экспансии капиталистических элементов. Но, как было отмечено выше, все это еще не позволяло избежать мальтузианской ловушки. Капитализм, хотя и способствовал более эффективной организации производства, сам по себе не решал проблему низкой производительности труда и низкой урожайности, следо-

⁵ Нет леса – нет и королевства: как в Англии закончилась древесина и началась эпоха угля. Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418657-net-lesa-net-i-korolevstva-kak-v-anglii-zakonchilas-drevesina-i-nachalas-epoha> (дата обращения 08.05.2022).

вательно, массовой нищеты, избытка «лишних людей». Отсюда оправданность рикардианского капиталистического пессимизма и угроза гибели капитализма и дезинтеграции мира-экономики. Так что если бы не промышленный переворот, мир-экономика мог бы войти в зону экзистенциального кризиса, так и не став полноценно капиталистическим.

Здесь наиболее важна не столько та сторона промышленного переворота, на которую обычно обращают внимание, – механизация труда, сколько другая – переход на невозобновляемые источники энергии (углеводороды, первоначально уголь). Именно энергетический переход позволил совершить революционный рывок в прежде медленно нарастающей индустриализации производства, который не могли обеспечить гидравлические двигатели, что открыло дорогу резкому росту производительности труда, развитию промышленных классов, следовательно, усилению капиталистических элементов и стабилизации мира-экономики. Становление индустриально-капиталистической системы привело к модернизации образа жизни и социальных отношений, способствуя урбанизации, распространению массового образования, бюрократизации. В пользу значимости энергетического перехода говорит еще одно соображение. И. Валлерстайн задается вопросом, почему гегемоном XIX века стала Великобритания, а не Франция, но не находит достаточно убедительного ответа. Как представляется, решающим обстоятельством стало наличие именно у Великобритании огромных угольных запасов, ставших основой для промышленной революции.

Важнейшим следствием энергетического перехода в сочетании с изобретением парового двигателя оказался переход на новый транспортно-логистический уклад, начавшийся в первой половине XIX века. До этого перемещение по морям и суше осуществлялось примерно так же, как и в древние времена. Корабли на заре эпохи Великих географических открытий были серьезно усовершенствованы, но по-прежнему в решающей степени зависели от силы и направления ветра. Основой внутриконтинентальной торговли оставались речные пути. Теперь же пароходы позволили организовать более быструю, дешевую и предсказуемую перевозку по морям, меньше зависящую от прихотей природы. Развитие сетей железнодорожного транспорта и вовсе стало подлинной революцией в организации внутриконтинентальных сообщений. Достаточно посмотреть на историю нашего южно-сибирского края, вырванного из дремотной изоляции строительством Транссиба.

Все это произошло определенно не в XVI, а лишь в XIX веке. Таким образом, современность (Модерн) полноценно начинается с промышленной революции, а предшествующее развитие европейского капитализма и мира-экономики выступает исторической предпосылкой и предшествующим, подготовительным этапом модернизации⁶. В XIX веке европейский мир-экономика превратился в мировую капиталистическую систему, инкорпорировав в свой состав оставшиеся крупные внешние зоны. Но интеграция мира-экономики не была прочной, и вследствие

⁶ Здесь возможны разные интерпретации, в зависимости от того, какой фактор признается ключевым для фиксации начала процесса модернизации. Например, Н. С. Розов [2018] выделяет следующие этапы: предистория модерна (начало XVI – середина XVII в.), ранний модерн и Модернизация-1 (середина XVII – начало XIX в.), классический модерн и Модернизация-2 (начало XIX – конец XX в.).

русской и китайской социалистических революций соответствующие слабо интегрированные полупериферийные и периферийные зоны опять оказались выведены во внешнюю сферу капиталистической мир-системы. Так что говорить о глобализации по отношению к периоду, предшествующему падению железного занавеса не приходится.

Согласно И. Валлерстайну, последние десятилетия с конца XX века нужно интерпретировать как начало финального кризиса капиталистической мировой системы. Это спорное предположение, которое вполне может оказаться истинным, так что его стоит взять за основу гипотезы о перспективах мирового социального порядка. Однако конец XX века стоит рассматривать не с той позиции, которую предлагает Валлерстайн, а именно – как закат американской гегемонии (с 1991 г.). Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. следует интерпретировать скорее как последний успех капиталистической мировой системы и американского гегемонизма. Именно тогда произошло финальное расширение мировой системы с включением постсоциалистической внешней сферы, которая становится капиталистической периферией или полупериферией.

Для перехода к глобализации требовалось достижение системного эффекта за счет одновременного развития глобализационных тенденций во всех основных сферах социальной жизни. Системный эффект дало соединение нескольких факторов. Помимо информационно-коммуникационной революции сюда относятся геополитическая – переход от биполярной системы к униполярной, и идеологическая – возрождение идеологии фритредерства и установление ее гегемонии. Информационно-коммуникационная революция качественно усилила возможности для централизованного управления обширными транснациональными сетями в режиме реального времени. Это, в частности, позволило многонациональным корпорациям перейти на новый уровень интернационализации – стать транснациональными. В геополитическом плане образуется однополярная система, точнее униполь⁷, где США лидируют в блоке стран Запада (плюс примкнувшие к ним Япония и некоторые другие), а совокупный Запад абсолютно (не только геополитически, но также геоэкономически и идеологически – через гегемонию либерализма⁸) доминирует в мире.

Но в этом успехе коренятся будущие проблемы. Вывоз капитала, повысивший норму прибыли корпораций и способствовавший усилению сервисной специализации стран Запада, одновременно с этим привел к их промышленному упадку и подъему КНР. Подъем ТНК привел к ослаблению института национального государства в странах ядра, что не характерно для предыдущего развития мира-экономики [Ohmae, 1995]. Добавим сюда еще ряд обстоятельств, таких как восстановление силы России, рост международной конкуренции, негативная реакция многих незападных народов на вестернизационное давление культурной глобализации – все это ставит под сомнение дальнейшее функционирование формирующейся глобальной системы. Мы наблюдаем перенапряжение капиталистической мир-системы, которая рискует пережить судьбу воздушного шарика,

⁷ О сути униполярной геополитической системы см.: [Страус, 1997].

⁸ О настроениях тогдашней интеллектуальной элиты и чувстве окончательного идеологического триумфа либерализма свидетельствует популярная работа Ф. Фукуямы [2005].

лопнувшего после максимального надувания. Глобализацию и деглобализацию можно интерпретировать как две фазы одного процесса – третьего великого перелома, связанного с финальным кризисом мира-экономики после его чрезмерного расширения и интеграции элементов, не согласных на периферийный статус. Остается открытым вопрос, расколется ли существующая мир-система на несколько региональных миров-экономик или переживет тотальную дезинтеграцию и трансформацию во что-то иное?

Итак, когда случились и случились ли вообще промышленный переворот и глобализация? Можно ли их назвать великими переломами Нового времени? Понятно, что выделение революционной эпохи – это определенная условность. Некоторые тенденции устойчиво проявляются на протяжении веков, так что их можно рассматривать как континуальный эволюционный процесс. Но иногда важно выделить определенный период, когда происходила качественная трансформация. В истории Нового времени, помимо собственно зарождения европейского мира-экономики, с достаточной обоснованностью можно выделить два великих перелома. Первый из них – промышленный переворот XIX века, когда совпали три процесса, связанные с изобретением парового двигателя: механизация фабричного производства, энергетическая революция и смена логистического уклада. Последнее способствовало существенному росту международного разделения труда, сделав весь мир «шестидесятидневным» в плане транспортной доступности. Все вместе это привело к существенному росту производительности труда. Наиболее впечатляющий экспоненциальный рост производительности труда, подушевого дохода и численности населения наблюдается скорее уже в XX веке, но все базисные основы для этого были заложены в период промышленной революции XIX века. Для старта процесса глобализации, помимо формирования развитой глобальной транспортной системы, потребовалось сочетание еще нескольких обстоятельств, сложившихся в единый комплекс в конце XX века: поглощение капиталистической мир-системой оставшихся крупных внешних зон, информационно-коммуникационная революция, установление геополитического униполяризма, доминирование в мировом масштабе идеологии неолберального глобализма, требующей максимальной открытости границ. Впрочем, судя по всему, формирующаяся в процессе глобализации глобальная капиталистическая система оказалась неустойчивой и рискует распасться под грузом внутренних противоречий.

Список литературы / References

- Валлерстайн И.** Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 14–26.
- Wallerstein I.** Globalizacija ili prehodnyj period? [Globalization or transition period?]. *Economic Strategies*, 2000, no. 2, p. 14–26. (In Russ.)
- Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016 (а). Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.

- Wallerstein I.** Mir-sistema Moderna [The World is a Modern system]. In: Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozjajstvo i istoki evropejskogo mira-jekonomiki v XVI veke [Volume I. Capitalist agriculture and the origins of the European World-economy in the XVI century]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. (a) (In Russ.)
- Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. – М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016 (6). Т. III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730 – 1840-е годы.
- Wallerstein I.** Mir-sistema Moderna [The World is a Modern system]. In: Tom III. Vtoraja jepoha velikoj jekspansii kapitalisticheskogo mira-jekonomiki, 1730 – 1840-e gody [Volume III. The second epoch of the great expansion of the capitalist world-economy, 1730 – 1840s]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. (b) (In Russ.)
- История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2003.
- Istorija jekonomicheskikh uchenij: Ucheb. posobie / Pod red. V. Avtonomova, O. Anan'ina, N. Makashevoj [History of economic studies: Studies. stipend / Edited by V. Autonomov, O. Ananyin, N. Makasheva]. Moscow, INFRA-M, 2003. (In Russ.)
- Розов Н. С.** Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она? // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16. № 2. С. 63–74.
- Rozov N. S.** Kogda nachalas' jepoha moderna i zakonchilas' li ona? [When did the era of modernity begin and did it end?]. *Siberian Philosophical Journal*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 63-74.
- Страус А. Л.** Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2. С. 27–44.
- Straus A. L.** Unipoljarnost'. Koncentricheskaja struktura novogo mirovogo porjadka i pozicija Rossii [Unipolarity. The concentric structure of the New World Order and the position of Russia]. *Polis*, 1997, no. 2, p. 27-44. (In Russ.)
- Трубицын О. К.** Глобализация: новый термин или новое явление? // Философия: история и современность. 2004–2005: Сб. науч. тр. Ин-та философии и права Объединенного ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Новосибирск ; Омск, 2005. С. 153–170.
- Trubitsyn O. K.** Globalizacija: novyj termin ili novoe javlenie? [Globalization: a new term or a new phenomenon?] In: Filosofija: istorija i sovremennost'. 2004-2005: Sb.nauch. tr. In-t filosofii i prava Ob#edinennogo instituta istorii, filologii i filosofii SO RAN [Philosophy: History and Modernity. 2004-2005: Collection of Scientific Research Institute of Philosophy and Law of the Joint Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS]. Novosibirsk – Omsk, 2005, p. 153-170. (In Russ.)
- Трубицын О. К.** Ключевые социальные решения эпохи модерна // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 2. С. 108–117.
- Trubitsyn O. K.** Kljuchevyje social'nye reshenija jepohi moderna [Key social decisions of the Modern era]. *Siberian Philosophical Journal*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 108-117. (In Russ.)
- Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005.

- Fukuyama F.** Konec istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST: Ermak, 2005. (In Russ.)
- Хейлбронер Р., Туроу Л.** Экономика для всех. Новосибирск: Экор, 1994.
- Heilbroner R., Turow L.** Jekonomika dlja vseh [Economics for everyone]. Novosibirsk, "Ecor", 1994. (In Russ.)
- Cline E. H.** 1177 B. C. The year civilization collapsed. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2015.
- Diskinson O.** The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and change between the twelfth and eighth centuries B. C. New York, Routledge, 2006.
- Ohmae K.** The End of the National State: The Rise of the Regional Economies. London, HarperCollins, 1995.
- Frank A. G., Gills B. K.** The world system: five hundred years or five thousand? London & New York: Routledge, 1993.

Информация об авторе

Трубицын Олег Константинович

Кандидат философских наук
доцент Новосибирского государственного университета, (ул. Пирогова, 1,
Новосибирск, 630090, Россия)

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn

Candidate of Science (Philosophy)
docent Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

*Статья поступила в редколлегию 16.05.2022;
одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 16.05.2022;
approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Научная статья

УДК 355.01

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

Невидимый враг как реалия современных войн

Наталья Александровна Балаклеец

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Аннотация

В настоящей статье с привлечением концептуально-методологического аппарата социального конструктивизма, перспективизма, феноменологии исследуется феномен невидимого врага, характерный для войн современности. Концепт невидимого врага эксплицируется в работах В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина, Э. Юнгера, Ф. А. Степуна и других авторов. В статье обоснована правомерность семантического расширения данного концепта и его применения по отношению к целому ряду объектов. Раскрываются такие ипостаси невидимого врага, как жертва и источник насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Показана взаимосвязь между традиционной идентичностью комбатанта («убивающий – убиваемый») и антропологической структурой «видящий – видимый», которая разрушается в современных войнах. Обоснована инверсия категорий «видимое» и «невидимое» применительно к военной деятельности.

Ключевые слова

невидимый враг, война, философия войны, жертва, военное насилие, идентичность бойца, комбатант, визуальные практики, воинский этос

Для цитирования

Балаклеец Н.А. Невидимый враг как реалия современных войн // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 2. С. 92–102. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

The Invisible Enemy in Modern Warfare

Natalia A. Balakleets

Samara State Technical University
Samara, Russian Federation

bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Abstract

The author uses the conceptual and methodological apparatus of social constructivism, perspectivism and phenomenology to discuss the phenomenon of the invisible enemy in the context of modern warfare. The concept of the invisible enemy is explicated in the works of Vladimir Solovyov, Lev Karsavin, Ernst Jünger, Fyodor Stepun and other authors. The article substantiates the legitimacy of the semantic expansion of this concept and the possibility of its application to a number of objects. It reveals such personifica-

© Балаклеец Н. А., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

tions of the invisible enemy as a victim and a violent actor, a fighter and an intelligence officer, a collective and an individual subject. The relationship between the traditional identity of the combatant («the killing one – the one to be killed») and the anthropological structure «the seeing one – the visible one», which is being destroyed in modern wars, are also exposed. The inversion of the categories «visible» and «invisible» in the context of military activity is substantiated.

Keywords

invisible enemy, war, philosophy of war, victim, military violence, fighter's identity, combatant, visual practices, military ethos

For citation

Balakleets N. A. The Controversy with Immanuel Wallerstein: the Industrial Revolution and Globalization as the Great Turning Points of Modern Times. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 92–102. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-92-102

Война как совокупность событий, наделенных индивидуальными и социальными смыслами, представлена в коллективном опыте человечества в многообразии нарративных стратегий и визуальных практик. Война (неважно, идет ли речь о феномене войны как таковом или о конкретной военной кампании) не может быть понята и познана исходя из единственной перспективы. Амбивалентность интерпретации военных событий проявляется в возможности их различного, зачастую радикально противоположного смыслового наполнения исходя из оппозиции «своего – чужого» («друга – врага»), что демонстрирует семантическую избыточность феномена войны. Каждая из этих взаимоисключающих перспектив конституируется, в свою очередь, концептуально разнородными средствами. Так, следует разграничивать микро- и макроперспективы восприятия и описания военных событий (война может быть представлена как в микронарративах, авторами которых являются ее рядовые участники, так и в макронарративах, составляющих основу официальной историографии и военно-стратегической мысли).

Конститутивными для понимания события войны являются не только нарративные стратегии, связанные с созданием текстов, но и визуальные практики, порождающие особый код восприятия реальности и позволяющие по-новому организовать пространство войны. Одним из визуальных феноменов, определяющих индивидуальный и коллективный опыт участников военных действий, является феномен *невидимого врага*, который в существующей философской литературе подвергается спорадической и односторонней проблематизации либо представлен в имплицитном виде. В философском дискурсе отсутствуют специальные исследования, посвященные визуальным феноменам, характерным для военной деятельности.

Цель настоящей статьи – раскрыть политико-философское содержание концепта «невидимый враг», который может использоваться в качестве эффективного инструмента анализа идентичности акторов современных войн. При этом акцент делается на не метафорическом, но теоретическом понимании указанного концепта. Социально-конструктивистский подход, применяемый в настоящей работе, предполагает экспликацию перспективного, не заданного изначально, характера идентичности бойца, которая конституируется актуальными социально-политическими нарративами и визуальными практиками. Как будет показано

далее, феномен невидимого врага подлежит типологизации и раскрывается в различных ипостасях, исследование которых позволяет приблизиться к более глубокому пониманию сущности современных войн и специфики их участников.

Строго говоря, в качестве врага не может выступать полностью невидимый феномен – в войнах принимают участие люди и используются объекты военной техники, обладающие физическими свойствами и в определенных условиях (пространственная близость, отсутствие маскировки) вполне доступные чувственному восприятию. Следовательно, эта «невидимость» (так же, как и перцептивная доступность) имеет относительный, ситуативный и далеко не всегда устойчивый характер. Речь идет о создании воюющими сторонами таких условий, которые затрудняют или делают невозможным зрительное восприятие своих комбатантов и обслуживаемой ими военной техники. Свои комбатанты, визуально доступные друг для друга, должны выпасть из перцептивного поля противника, что достигается путем трансформации пространства войны с использованием новых видов оружия и достижений в сфере военных технологий.

Существующие способы проблематизации феномена невидимого врага помещают его в этическую плоскость, что предполагает обнаружение взаимосвязи между формами визуальности, порождаемыми технизированной войной, и ценностным наполнением новых визуальных реалий участниками этой войны.

Проблема участливого отношения к *видимому* врагу и его дегуманизации, обусловленной прогрессом в области военных технологий, впервые была артикулирована в русской этической мысли конца XIX века. Так, Н. О. Лосский приводит ряд свидетельств отечественных и иностранных авторов, которые подтверждают возможность гуманного отношения к неприятелю в условиях непосредственного контакта с ним во время Севастопольской кампании, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Великой Отечественной войны [Лосский, 2011. С. 418–419]. Обосновывая возможность гуманного отношения к врагу во время войны, Лосский не связывает ее с полнотой опыта зрительного восприятия противника. Тем не менее, все приведенные автором случаи гуманизации врага основаны на его перцептивной и коммуникативной доступности. Поверженный видимый враг, не представляющий угрозы, но, напротив, требующий помощи и заботы, может стать источником нравственного чувства, которое не способны заглушить жестокие реалии войны.

Концепт *невидимого* врага становится эксплицитным элементом философского дискурса у В. С. Соловьева. Мыслитель освобождает солдат от этической ответственности за убийство на войне, полагая, что оно не вызвано злым намерением, направленным на конкретного человека, подлежащего умерщвлению: «На войне у отдельного солдата такого намерения, вообще говоря, не бывает, особенно при господствующем ныне способе боя из дальнотрельных ружей и пушек против *невидимого* за расстоянием неприятеля» [Соловьев, 2010. С. 355]. Таким образом, согласно Соловьеву, невидимый характер врага нейтрализует эмоционально предвзятое отношение к нему («злое намерение»), что лишает оснований определять смерть врага в подобных условиях как преднамеренное убийство.

На наш взгляд, концепт невидимого врага используется Соловьевым в качестве объяснительного механизма, раскрывающего причины утверждения но-

вого воинского этоса, характерного для технизированной войны. Тем не менее, Л. П. Карсавин усматривает в дискурсе В. С. Соловьева апологию убийства скрытого за расстоянием неприятеля: «Смешно нравственно оправдывать войну тем, что человек не видит, в кого он стреляет (Вл. Соловьев): он знает, что стреляет он в человека» [Карсавин, 2011. С. 737].

Как военные микроисторические нарративы, выражающие опыт восприятия войны ее непосредственными участниками, так и теоретический дискурс о войне предлагают массу свидетельств того, что сражение с невидимым врагом конституирует новый этос военных противников, где нет места жалости и состраданию к неприятелю, а на смену романтическим порывам и индивидуальному героизму приходят выдержка, выносливость и «великое мужское безразличие» [Юнгер, 2000. С. 125].

Военные мемуары Э. Юнгера «В стальных грозах» изобилуют описаниями визуальных эффектов, которые порождены материальными битвами войны нового типа с широким использованием тяжелой артиллерии. Весьма показательным является признание автора, сделанное в разгар Первой мировой войны после битвы при Лез-Эпарже: «Я участвовал в крупных боевых действиях, ни разу не встретившись ни с одним противником» [Юнгер, 2000. С. 64]. Перцептивная недоступность или визуальная неполнота врага обнаруживается не только в моменты боя, но и в условиях длительного позиционного противостояния. Враг, отделенный нейтральной полосой («ничьей землей»), представлен фрагментарно, зачастую посредством военной оптики – биноклей, стереотруб, ружей с оптическим прицелом.

Невидимый враг – феномен, затрудняющий осуществление военной деятельности и оценку ее результата, а потому ситуация встречи с врагом «воочию» воспринимается героем «Стальных гроз» как «облегчение». Но, вместе с тем, столкновение с неприятелем, раненым и – даже не словом, но жестом – умоляющим о пощаде, является ситуативным срезом, который свидетельствует о возможности проявления снисхождения к видимому врагу. Гуманизация врага происходит благодаря его гипервизуализации: поверженный неприятель показывает лейтенанту Юнгеру фотографию – свой портрет в кругу многочисленных родственников, что останавливает уже готовившееся кровопролитие [Юнгер, 2000. С. 273].

Свидетельства о Первой мировой войне, представленные в работе Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», так же, как и нарратив Юнгера, служат источником информации о формах визуальности, которыми пронизана военная повседневность. Перцептивная недоступность или фрагментарная явленность тела врага в ситуации окопной войны выступают в качестве «трения» (К. фон Клаузевиц), которое затрудняет военную деятельность: «Выпустил я сорок восемь снарядов, убил ли кого или нет – не знаю» [Степун, 1926. С. 73]. Невидимость объекта атаки, таким образом, приводит к бессмысленной растрате боеприпасов и увеличению жертв на войне.

Вовлеченный в боевые действия враг конструируется в качестве обезличенного объекта, лишённого человеческих свойств. Напротив, перцептивная полнота врага, достигаемая в ситуации его исключения из активных боевых действий (плен, ранение), способна пробудить сострадание и даже симпатию к нему: «Ав-

стрийцы в окопах для нас не люди, которых мы завтра можем увидеть в лицо, а некий безликий “он”. Мы их не видим, потому не знаем; не знаем – не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) – то любим» [Степун, 1926. С. 59].

Показательно, что все приведенные выше рассуждения о невидимом враге исходят из его ипостаси *убиваемого* (объекта атаки), в качестве которого выступает комбатант вражеской армии. И отечественные и зарубежные авторы, которые имплицитно или эксплицитно проблематизируют данный феномен, конструируют его из перспективы атакующего бойца. При этом сам атакующий выключен из поля визуального взаимодействия, он не проблематизирует собственное тело в качестве наблюдаемого. (Исключением является Э. Юнгер, обративший внимание на симметрию визуальных практик, порождаемых технизированной войной: поскольку враг для меня предстает в качестве невидимого объекта, то и я ощущаю себя бойцом-невидимкой, который ускользает от прицельного вражеского огня [Юнгер, 2000. С. 57]. Однако, ограничиваясь констатацией симметризации визуальных эффектов войны, Юнгер не разрабатывает концепт невидимого врага по отношению к комбатантам собственной армии.) Невидимый враг в приведенных выше нарративах – это Другой, присутствие которого полагает границы моему существованию. Представая в ипостаси *убиваемого*, он провоцирует этический конфликт, заставляющий рассматривать ситуацию убийства на войне в категориях должного/недолжного, допустимого/недопустимого.

Теоретически плодотворным шагом является, на наш взгляд, семантическое расширение рассматриваемого концепта в рамках философского и социально-гуманитарного дискурса и распространение его не только на категорию *наблюдаемых* вражеских комбатантов, которые подвергаются атакам, но и на самих *наблюдающих*. Невидимый враг может выступать не только в ипостаси *убиваемого*, но и в ипостаси *убивающего*. Это не просто мишень для нанесения ударов, которое затруднено в силу перцептивной недоступности противника, но и источник непредсказуемых и опасных атак. Невидимым врагом может быть не только Другой, им могу оказаться я сам как источник насилия, пользующийся своей невидимостью как неоспоримым преимуществом. Таким образом, позиция вовлеченного в войну приводит к стремлению самому быть выключенным из поля зрения соперника.

Абсолютная перцептивная недоступность для соперника, воплощенная в таком мифологическом объекте, как шлем Аида, представляет собой недостижимую мечту любого комбатанта. Тактические преимущества, которые обусловлены невидимым характером атакующего, были воспеты еще Гомером: в Пятой песни «Илиады» «Афина // шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею» [Гомер, 2014. С. 119]. Афина, ставшая в Троянской войне незримой, помогает Диомеду одолеть Арея (Ареса), сражающегося на стороне троянцев. Шлем Аида, который выполняет роль шапки-невидимки и делает его обладателя неуязвимым для соперника, упоминается и в ряде других сюжетов древнегреческой мифологии. Во время гигантомахии Гермес, на голове которого был шлем-невидимка, сразил Ипполита. Укрываемый шлемом Аида Персей, руководимый Афиной и Гермесом, обезглавил одну из сестер Горгон – Медузу [Аполлодор, 1972. С. 10, 29, 132].

В основе стремления к достижению абсолютной невидимости лежит реализация миметического желания достичь полной неразличимости человека с окружающей средой. Относительная невидимость, достигаемая с помощью камуфляжа и других военных технологий («невидимая» военная техника), дает на войне бесспорные преимущества: действия немногочисленного невидимого для соперника, но хорошо вооруженного отряда могут сравниться с мощью крупного боевого подразделения; невидимый актер войны вершит насилие, оставаясь анонимным и неуязвимым для противника.

Очевидны преимущества невидимых акторов не только в применении насилия, но и в военной разведке. Эффективность анонимной власти, локализованной в ограниченном, скрытом от окружения пространственном топосе, была показана, в частности, Ф. Бэконом в работе «Новая Атлантида». Деятельность жителей острова Бенсалема, которые «хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель» [Бэкон, 1962. С. 11], сохраняя при этом неизвестность для населения ойкумены, организована по аналогии с хорошо отлаженной военной разведкой. Члены Соломонова дома, научного учреждения жителей Новой Атлантиды, каждые двенадцать лет организуют морские путешествия в разные страны мира с целью приобретения нового знания. При этом путешественники остаются «неузнанными» для представителей населения стран, которые выступают донорами научного знания, технических изобретений и достижений в области искусств [Бэкон, 1962. С. 18–19]. Таким образом, эффективность научно-промышленного шпионажа членов Соломонова дома основана на пространственной удаленности и сокрытости Бенсалема от жителей ойкумены, а также на миметической способности посещающих другие страны матросов-разведчиков уподобляться местному населению. Невидимость путешественников понимается, безусловно, не в буквальном, физическом, значении данного термина, но как способность к стиранию различий между Я и Другим, между своими и чужими, в результате чего достигается их неузнанность. Невидимость и анонимность жителей Новой Атлантиды для удаленных от них цивилизованных народов, у которых островитяне черпают научные знания, уподобляет их трансцендентным силам, «божественным существам», «которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачней стекла» [Бэкон, 1962. С. 13]. Впоследствии тема невидимого центра власти, инородной по отношению к доступным зрительному восприятию подвластным феноменам, найдет воплощение в модели паноптикона, предложенной И. Бентамом и исследованной М. Фуко, а также в работах, анализирующих постпаноптические модели реализации власти. Квинтэссенцией военного постпаноптизма является «взгляд дрона», который служит эффективным средством современной военной разведки [Балаклеец, 2021. С. 122–123].

Семантическое расширение концепта невидимого врага связано не только с инверсией ментальных перспектив и его осмыслением как в ипостаси Другого как жертвы, так и в ипостаси Я как источника военного насилия. Возможен иной теоретический разворот рассматриваемого концепта, предполагающий его применение к коллективному субъекту. В данной связи значимыми являются работы К. Ясперса и З. Баумана, в которых невидимый враг приобретает черты коллективного актора и коллективной жертвы насилия.

Осмысливая угрозу атомной войны в контексте тех изменений, которым подвергаются способы организации вооруженного насилия в XX веке, Ясперс обращает внимание на радикальную трансформацию солдатства и воинского этоса, характерную даже для тех современных войн, в которых используется конвенциональное оружие. В условиях опосредованного, дистанционного контакта с противником, отсутствия боя как квинтэссенции военной деятельности обнажается постгероический характер технизированных войн и их участников. Отказ военно-политического руководства стран Запада от активного производства конвенционального оружия в условиях разгорающейся холодной войны, согласно Ясперсу, был вызван стремлением обеспечить высокий жизненный стандарт населения. Для американского общества со времен войны в Корее был характерен отказ от идеи использования своих солдат за пределами своей территории. Возникает идея «обесчеловеченной» войны, которую должны вести не люди, а техника [Jaspers, 1958. S. 85] (и здесь Ясперс предвосхищает современные исследования постгероических обществ, для которых характерно стремление к максимальной деантропологизации способов ведения войны). Смертоносная военная машина приводится в действие одним нажатием на кнопку: «Война во все большей степени уже не сводится к бою, но представляет собой уничтожение с использованием техники» [Jaspers, 1958. S. 82]. Происходит трансформация идентичности бойца: на смену офицерам и солдатам, которые убивают врага и сами рискуют быть убитыми, приходят профессиональные техники войны.

Развивая идеи Ясперса, подчеркнем, что в войнах современности учреждается новый тип ответственности комбатанта, связанный не столько с обретением воинской доблести, сколько с достижением технического мастерства и профессионализма. Одновременно с трансформацией классической антропологической модели бойца как «убивающего – убиваемого» (см.: [Kühne, 2004. S. 45; Балаклеец, 2021. С. 117]) происходит расщепление структуры «видящий – видимый». Как убивающий, так и его жертвы могут быть невидимыми друг для друга и явленными друг другу опосредованно: атомные бомбы, унесшие десятки тысяч жизней населения Хиросимы и Нагасаки, были результатом деятельности невидимых для своих жертв врагов, которые, в свою очередь, были лишены возможности непосредственного восприятия объектов своих атак. Современным воплощением дистанционного насилия являются вооруженные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов, операторы которых остаются невидимыми и анонимными для своих заранее намеченных жертв, представленных в качестве цифровых объектов на компьютерном мониторе.

Тем самым этическая полемика о допустимости убийства невидимого врага, представленная идеями В. С. Соловьева и Л. П. Карсавина, может быть обращена на личность невидимого солдата-убийцы. Правомерен вопрос не только об этической допустимости удара по невидимому врагу, но и об оправдании убийства человека на войне, если оно совершено невидимым актором, который пространственно удален от точки приложения насилия. Таким образом, феномен невидимого врага воплощается не только в жертвах войны, но и в незримых для этих жертв проводниках и орудиях вооруженного насилия.

Обращение к теме невидимого насилия, его агентов и жертв характерно и для работы З. Баумана «Актуальность холокоста», в которой раскрываются рациональные механизмы организации насилия в современном обществе. В качестве врага в войнах современности может выступать не только комбатант противоборствующего государства. В исследовании Баумана невидимый враг как объект, по отношению к которому применяется насилие, приобретает черты коллективной жертвы, которая конструируется с использованием механизмов бюрократической рациональности. Функциональное разделение труда, характерное для бюрократической модели управления, приводит к производству дистанций между человеческими действиями и их последствиями. Становясь винтиком в гигантской машинерии промышленного производства, человек освобождает себя от моральной ответственности за результат собственной деятельности, который является коллективным научно-техническим продуктом. Так, постановка вопроса о готовности рабочих химзаводов по производству напалма взять на себя «ответственность за сожженных младенцев» лишается смысла [Бауман, 2010. С. 125]. Актеры насилия функционируют как анонимные силы, невидимые для своих жертв и связанные с бюрократическим аппаратом.

Для характеристики симметричного противостояния комбатантов, обладающих возможностью видеть друг друга или утрачивающих таковую, уместно использование термина «враг» в его международно-правовом значении [Шмитт, 2008. С. 22–23]. В асимметричных вооруженных конфликтах современности происходит утверждение новой идентичности их акторов. С одной стороны, в противостоянии участвуют профессионалы-убийцы, с другой стороны – их беззащитные жертвы. Военно-техническая асимметрия здесь связана с конституированием визуальной асимметрии. На смену феномену невидимого врага, который, вместе с тем, может обнаружить свое присутствие и не только проблематизировать мое наличное бытие в качестве видимого, но и поставить мое существование на грань небытия, приходит феномен невидимой коллективной жертвы. Другой, подлежащий уничтожению, приобретает идентичность коллективной жертвы в случае применения технологий насилия против некомбатантов, лишенных возможности дать симметричный ответ. Речь идет о таких способах ведения военных действий, как ракетно-бомбовые удары, артиллерийские обстрелы городов, при которых гигантские потери несет гражданское население. Военные действия, которые охватывают не только наземное, но и воздушное пространство, превращают город в место массовой гибели его жителей («урбицида»).

Вместе с тем, следует обратить внимание на проблематичность достижения абсолютной невидимости (как своей, так и врага/жертвы): возникновение новых стратегий маскировки/обретения невидимости связано с появлением новых способов визуализации невидимых феноменов. Речь идет об инверсии видимого и невидимого в пространстве войны и о семантической амбивалентности указанных концептов. Симптоматично, что одновременно с утверждением феномена невидимого врага в окопах Первой мировой войны посредством авиаразведки в пространство военных действий встраивается вертикальное измерение, которое позволяет сделать невидимые феномены доступными зрительному восприятию. П. Вирильо отмечает, что в самом начале войны воздушное наблюдение

носило эпизодический характер, но позднее «речь шла даже не об изображении, но о потоках изображений, о миллионах снимков, призванных день за днем сопровождать статистические отчеты первого в истории крупного военно-промышленного конфликта» [Вирильо, 2004. С. 89]. Фотодокументы, в том числе аэрофотография, приобрели статус полноправных исторических свидетельств о войне. Таким образом, война, рассматриваемая в перспективе визуальной культуры, может быть описана с привлечением дихотомии видимое/невидимое, границы между элементами которой носят относительный характер. В ответ на попытки (зачастую успешные) перевода визуально недоступных военных объектов в поле перцептивной доступности разрабатываются новые стратегии достижения невидимости, конституируются новые невидимые враги, которые характерны для разных сторон военного противостояния.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что его результатом является раскрытие политико-философского содержания концепта «невидимый враг», который представлен как в философском дискурсе, так и в свидетельствах военной микроистории, и может служить теоретическим средством описания идентичности акторов современных войн. Проведенный анализ показал, что феномен невидимого врага может быть сконструирован исходя из перспектив атакующего и объекта атаки. Реализация концептуально-теоретических установок социального конструктивизма позволила выявить такие ипостаси «невидимого врага», как источник и жертва насилия, боец и разведчик, коллективный и индивидуальный субъект. Трансформация амбивалентной идентичности бойца (убивающий и убиваемый одновременно), которая характерна для вооруженных конфликтов современности, связана, по мнению автора статьи, с преобразованием антропологической структуры «видящий – видимый».

Список литературы

- Аполлодор.** Мифологическая библиотека. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Наука», 1972.
- Балаклеев Н. А.** Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. 2021. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8
- Бауман З.** Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.
- Бэкон Ф.** Новая Атлантида // Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–33.
- Вирильо П.** Машина зрения. СПб.: Наука, 2004.
- Гомер.** Илиада. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
- Карсавин Л. П.** Человек в христианстве // Философия истории. Минск: Изд-во Белорусс. Экзархата, 2011. С. 621–766.
- Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра. Основы этики. Минск: Изд-во Белорусс. Экзархата, 2011.
- Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Избранное. М.: Росс. полит. энцикл (РОССПЭН), 2010. С. 198–423.
- Степун Ф.** Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926.

- Шмитт К.** Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Юнгер Э.** В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Jaspers K.** Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München: R. Piper & Co Verlag, 1958.
- Kühne Th.** Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert // Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert. Essen: Klartext, 2004. S. 11–52.

References

- Apollodorus.** Mifologicheskaya biblioteka [The Mythological Library]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie izd-va «Nauka», 1972. (In Russ.)
- Bacon F.** Novaya Atlantida [New Atlantis]. In: Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, p. 5–33. (In Russ.)
- Balagleets N. A.** Zrenie i vlast': prostranstvo za granicami panoptikona [Vision and power: the space beyond the borders of the panopticon]. *Filosofiya i kul'tura*, 2018, no 9, p. 46–58. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.9.27422 (In Russ.)
- Bauman Z.** Aktual'nost' Holokosta [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2010. (In Russ.)
- Homer.** Iliada [The Iliad]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. (In Russ.)
- Jaspers K.** Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit [The Atom Bomb and the Future of Man. Political Consciousness in Our Time]. München: R. Piper & Co Verlag, 1958. (In German)
- Jünger E.** V stal'nyh grozakh [Storm of Steel]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000. (In Russ.)
- Karsavin L. P.** Chelovek v hristianstve [The human in christianity]. In: *Filosofiya istorii*. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarhata, 2011, p. 621–766. (In Russ.)
- Kühne Th.** Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert [Mass killing. Discourses and practices of martial and genocidal violence in the 20th Century]. In: Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert. Essen: Klartext, 2004, p. 11–52. (In German)
- Losskij N. O.** Usloviya absolyutnogo dobra. Osnovy etiki [The conditions of absolute good. The fundamentals of ethics]. Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarhata, 2011. (In Russ.)
- Schmitt C.** Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2008. (In Russ.)
- Solovyov V. S.** Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya [The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy]. In: *Izbrannoe*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010, p. 198–423. (In Russ.)
- Stepun F.** Iz pisem praporshchika-artillerista [Letters of an Artillery Ensign]. Praga: Plamya, 1926. (In Russ.)
- Virilio P.** Mashina zreniya [The vision machine]. Saint Petersburg: Nauka, 2004. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Александровна Балаклеец

Кандидат философских наук, доцент

Доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет (ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100, Россия)

Information about the Author

Natalia A. Balakleets

Candidate of Sciences (Philosophy), Docent

Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University (244, Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russia)

Статья поступила в редколлегию 06.06.2022;

одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 04.07.2022

The article was submitted 06.06.2022;

approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-103-111

Когерентность социокультурных процессов: к проблеме методологии

Владимир Сергеевич Шмаков

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

vsshmakov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы методологии исследования динамики социокультурных процессов локальных сообществ в условиях глобализации. Целью исследования является методологический анализ проблемы когерентности с точки зрения глобальной и локальной специфики развития культуры и социальности.

Модернизационные процессы генерируют парадигму социокультурного развития, фиксирующую масштабность действия, методы и средства взаимосвязи и сосуществования элементов и подсистем, оказывающих влияние на становление моделей эволюции социокультурного пространства. Формирующиеся модели социокультурного развития обладают высокой степенью динамичности, сохраняя определенный уровень локальности в сфере социокультурной жизни. Использование принципа когерентности дает возможность обеспечения идентификации всех компонентов и модификаций социокультурной системы.

Ключевые слова:

глобализация, социокультура, локальные сообщества, методология,
социокультурное развитие, когерентность социокультурных процессов.

Для цитирования

Шмаков В. С. Когерентность социокультурных процессов: к проблеме методологии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 103–111. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-103-111

Coherence of Socio-Cultural Processes: On the Problem of Methodology

Vladimir S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

vsshmakov@gmail.com

Abstract

The article deals with the problems of methodology for studying the dynamics of socio-cultural processes of local communities in the context of globalization. The purpose of the study is a methodological analysis

© Шмаков В. С., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

of the problem of competition, from the point of view of global and local specifics of the development of culture and sociality. Modernization processes generate a paradigm of socio-cultural development that fixes the scale of action, methods and means of interrelation and existence of elements and subsystems that influence the formation of evolution models of the socio-cultural space. The emerging models of socio-cultural development have a high degree of dynamism, maintaining a certain level of locality in the sphere of socio-cultural life. The use of the coherence principle makes it possible to ensure the identification of all components and modifications of the socio-cultural system.

Keywords

globalization, socio-cultural, local communities, methodology, socio-cultural development, coherence of socio-cultural processes.

For citation

Shmakov V. S. Coherence of socio-cultural processes: on the problem of methodology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. , no. 2, p. 103–111. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-103-111

Анализ динамики социокультурных процессов приобретает особую актуальность в условиях глобализации, увеличивающегося давления со стороны европоцентристских концепций. Социокультурный фактор для локальных сообществ является своеобразным базисом, основой сохранения традиционной культуры и социальности. Глобализация меняет место и роль локальных сообществ во всех сферах жизнедеятельности. Разворачиваются процессы сближения, взаимодействия и столкновения локальных культур, пытающихся идентифицироваться, найти место в противостоянии глобальности и локальности. Эволюция социокультуры локальных сообществ осуществляется под воздействием экзогенных и эндогенных факторов, геоэкономических, геополитических и геокультурных процессов. Глобализация служит основным источником распространения либеральных ценностных установок. В процессе эволюции социокультурного развития концептуализируется идея разграничения, дифференциации социокультурного пространства, разделения регионов и стран на богатых и бедных. Возникает своеобразное диалектическое противоречие: тенденция к объединению мирового сообщества в единую экономику переплетается со стремлением этнических и религиозно различных стран к сохранению государственности, культуры и социальности, консервации социокультурных традиций и ценностей. Появление факторов и каналов влияния социокультурных инноваций интенсифицирует возникновение новых социокультурных форм, оказывающих воздействие на развитие социокультурной среды локальных сообществ, актуализирует необходимость поиска подходов к объяснению и пониманию процессов взаимовлияния и взаимодействия. Исследование динамики социокультурного процесса локальных сообществ связано с необходимостью определения моделей развития, целостности, координации и улучшения характеристик социокультурных систем. Мы полагаем, проблема взаимодействия глобальности и локальности актуализирует необходимость исследования методологических подходов к анализу динамики социокультурного развития локальных сообществ и влияния когерентности на формирование культуры и социальности. Динамику социокультурного развития необходимо рассматривать в пространственно-временных рамках, что с точки зрения методологии евразийцев, предложивших схему исследования культуры

и социальности применительно к «месторазвитию», позволяет учитывать вектор места и времени, объединяющий и фиксирующий прошлое, настоящее и будущее локальных сообществ [Савицкий, 2002. С. 297–304]. Анализ социокультурного развития в геокультурных рамках расширяет поле определения структуры функций, методов, условий применяемых практик, складывающихся в процессе исторического развития, позволяющих установить «границы возможного», в масштабах которых совершаются процессы эволюции. Определение способов воздействия, управления социокультурным развитием облегчает изыскание и мобилизацию ресурсов, служащих средством и инструментом адаптации локальных сообществ к меняющимся условиям жизнедеятельности.

Социокультурное пространство отображает традиции, нормы, идеи и т. д., связывая культуру и социальность в систему, регулирующую развитие локального сообщества, выступает как интегративный многоуровневый феномен и представляет своеобразную картину мира сообщества.

Изменение политических условий, производственно-экономическая модернизация, модификация институциональности приводят к возникновению диссонанса между накапливающимися изменениями, консервативностью социокультуры и сокращению ресурсов для поддержания традиционной картины мира. Модели социокультурной динамики представляют культуру и социальность как системно передаваемый от поколения к поколению социально значимый опыт. Возникающие противоречия и конфликты между либеральными западными ценностями и традиционной социокультурой возрождают старые разногласия и порождают новые. В этом смысле когерентность – согласованная транспортировка пакетов культуры и социальности, релевантных для восприятия и воспроизводства социокультуры, социокультурной деятельности.

Проблема динамики социокультурного развития локальных сообществ, обусловливаемой процессами глобализации, рассматривается достаточно активно [Patrick Mendis, 2007; Martens, Dreher, Gaston, 2010. P. 574–582; Момджян и др., 2016. С. 17–42; Линецкий, 2017. С. 118–137; Неклесса, 2020. С. 153–166; Ерохов, 2020. С. 1–25].

Проблему когерентности культуры и социальности можно рассматривать как понятие, маркирующее архитектуру современных социокультурных коммуникаций, и как фактор, формирующий систему социокультурных взаимозависимостей и взаимодействий.

Социокультурные процессы – явление неоднозначное, обладает сложной структурой, что обуславливает казусность объяснения эволюции. Анализ динамики социокультурного развития показывает, что имеет место два одновременных процесса: упорядочения и хаотизации. 1. Распад традиционной культуры и социальности способствует дезориентации, потере идентичности, разрушению традиционных связей и отношений в сообществе, что предопределяет необходимость поиска моделей адаптации. 2. Попытка сохранить традиционную культуру и социальность приводит к росту социальной уязвимости, замкнутости локального сообщества, падению уровня культуры и образования. Локальные сообщества впадают в состояние аномии и распада. И в этом смысле идея когерентности подразумевает потенциальность и необходимость объединения и структуриза-

ции теоретических воззрений относительно эволюции культуры и социальности в интегративную философско-социологическую теорию. Отметим, что локальное сообщество можно анализировать, во-первых, как структуру, складывающуюся в процессе развития связей и отношений. Во-вторых, как способ взаимодействия с сообществами, представляющими систему «чужих». В-третьих, социокультурное пространство объясняется как комплекс социальности и культуры, развивающийся в пространственно-временных, геоклиматических и экологических условиях. Социокультурная среда характеризуется стабильными, устойчивыми связями и отношениями, обеспечивающими воспроизводимость традиций в сочетании с новациями в условиях трансформации [Шмаков, 2021. С. 75–87]. В процессе эволюции социокультуры формируются модели, определяющие содержание и функции локальных сообществ, отображающих базисные параметры функционирования, поддерживающие стабильность и равновесие. П. Сорокин, фиксируя «личность, общество и культуру как неразрывную триаду», подчеркивал: «Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [1992. С. 170]. Н. И. Лапин отмечает: «Социокультурный подход означает понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых деятельностью человека. Под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных – идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами (экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности)» [2000. С. 32].

Выделим наиболее важные объяснительные моменты при использовании социокультурного подхода в анализе проблемы когерентности социокультурных процессов.

А) Специфической особенностью социокультурного подхода, раскрывающей целесообразность и границы его применения, является определенный универсализм в анализе общественных явлений, предопределяющий необходимость рассматривать социокультурную жизнь локальных сообществ в единстве с мировой культурой.

Б) Объяснение специфики протекания ключевых процессов развития культуры и социальности создает условия для обозначения новых направлений исследований, определяет необходимость разработки концептуальных схем, способствующих установлению специфических социокультурных факторов, определяющих социокультурную эволюцию.

В) Локальное сообщество рассматривается и объясняется как единство культуры и социальности, возникающее в процессе деятельности субъекта и общества, что позволяет сформулировать основные принципы объяснения и понимания проблем развития социокультурного пространства, принципы формирования социокультурной среды.

Г) Социокультурный подход раскрывает возможность вникнуть в суть явления, развития особенностей функционирования системных составляющих, методологически обосновать создание, возникновение и существование социо-

культурных традиций, норм и ценностей, расширяет условия анализа путем рассмотрения различных теорий.

Системный подход создает условия для анализа социокультурного развития как комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых явлений культуры и социальности в качестве взаимодействующих объектов. Применение методологии системного анализа предполагает исследование динамики социокультурного развития локальных сообществ на основе изучения применяемых социокультурных практик, складывающихся под влиянием экзогенных и эндогенных факторов; внутренних и внешних условий сосуществования сообществ, включая воспроизводство традиционности и этничности. Системный подход позволяет связать социальные и культурные грани в единую систему, раскрыть социальные связи и закономерности функционирования и развития культуры, выявить социальные функции.

Структурно-функциональный подход базируется на расчленении социокультурной целостности, обладающей определенными функциями, обеспечивающими взаимодействия, взаимовлияния в целях стабильного развития локального сообщества.

Более широкое понимание проблемы происхождения, развития и значимости локальной социокультуры позволяет отобразить использование цивилизационного подхода. С его помощью можно выявить своеобразие развития глобального и локального, отразить вопросы взаимосвязи, взаимоотношений общецивилизационных универсалий и локальной специфики. Понятие «цивилизация» является интегративным, объединяет производственно-экономические, политические, институциональные и социокультурные процессы. При анализе социокультуры необходимо учитывать, что за чертой объяснительных конструкций зачастую остаются обстоятельства, не сводимые непосредственно к политике и экономике. В частности, речь идет о необходимости включать в исследовательскую парадигму факторы социокультурного развития: культурные традиции, психологический склад нации, национальный характер и т. д., подчеркивая влияние этих акторов на экономическое развитие. Цивилизационный подход как теоретико-методологическая схема имеет большое значение для решения проблемы соотношения общецивилизационных универсалий и локальной специфики.

Аксиологический подход служит своеобразным источником для понимания и признания или непринятия социокультурных особенностей «чужих», специфики социокультурного развития, аргументов, мотивирующих и организующих условия восприятия социокультурных ценностей, определяющих направление развития культуры и социальности [Huntington, 2008. С. 50–53]. Естественно, что основным вопросом обозначается проблема понимания природы ценностей, происхождения и универсальности, соотношения с ценностями соседей, восприятия и освоения. Развитие культуры и социальности можно анализировать как процедуру овладения ценностями общечеловеческой культуры, формирующую потребности, интересы, традиции, ориентации и др. Аксиологический подход позволяет исследовать переходное состояние социокультурного пространства, которое может быть кризисное по форме и по содержанию, отражать

процессы, происходящие в производственно-экономической, институциональной и политической деятельности.

Складывающаяся парадигма социокультурной динамики предполагает использование модели анализа социокультурного развития, которая подразумевала бы системное изучение основных социокультурных характеристик локальных сообществ, отражающих его современное социокультурное и духовно-нравственное состояние. В основу исследования модели положен принцип когерентности, использование которого способствует обеспечению идентификации всех компонентов и модификаций культуры и социальности. В этом контексте имеет смысл зафиксировать когерентность как понятие, концентрирующее исторические, пространственные, коммуникативно-информационные, функциональные связи и отношения, наиболее важные для социокультурной деятельности, конституирующие культуру и социальность. Когерентный подход позволяет, во-первых, анализировать этапы зарождения, эволюции и смены социокультурных форм, представлять культуру и социальность как системно передаваемый от поколения к поколению социально и исторически значимый опыт. Во-вторых, прослеживать когерентные связи на микро- и макроуровневой интеграции сообщества, наблюдать за развитием и влиянием внешних и внутренних факторов на сущностные структуры социокультурного пространства. В-третьих, использование принципа когерентности при исследовании трансформации культуры и социальности позволяет фиксировать степень усиления или ослабления, истощения социокультурной деятельности в целях контроля, исправления, дополнения, получения обратной связи и т. д. В-четвертых, прогнозировать, планировать результаты.

Теоретическое осмысление проблемы влияния когерентности культуры и социальности на развитие локальных сообществ как понятия, определяющего архитектуру современных социокультурных коммуникаций, позволяет выделить факторы, формирующие систему социокультурных зависимостей и взаимодействий. Принцип когерентности (связи) различных социокультурных структур представляет гипотетическую возможность объяснения взаимодействия, взаимовлияния и объединения в интерактивное социокультурное пространство, имеющее совместимые образования и компоненты.

Формулировка парадигмы развития различных социокультурных систем, возможно, позволит снизить накал страстей в процессе обсуждения проблем взаимодействия социокультур.

1. Когерентность можно представить как понятие:

- определяющее архитектуру современных социокультурных коммуникаций, позволяющее выделить факторы, формирующие систему социокультурных зависимостей и взаимодействий;
- фокусирующее в себе временные, процедурные, коммуникативные, функциональные типы связности, конституирующие культуру и социальность, в соответствии с которым интегрирующие подсистемы должны иметь некоторые общие параметры;
- выступающее внутренне скоррелированным конструктом, устанавливающим и формирующим структуру социокультурных трансформаций.

В этом смысле принцип когерентности заключается в утверждении, что все существующее находится во взаимосвязях и взаимодействиях, имеет логическую согласованность.

2. С методологической позиции когерентный подход позволяет анализировать этапы зарождения, эволюции и смены социокультурных форм, представлять культуру и социальность как системно передаваемый от поколения к поколению социально, исторически значимый опыт. В динамике социокультурной трансформации характеризуется непредсказуемостью и двойственностью. Под воздействием глобализации происходит комплекс изменений культуры и социальности. В локальных сообществах доминируют процессы самоорганизации, возникающие самопроизвольно, непредвиденно, возможно, вопреки ожидаемым результатам, что ведет к состоянию декомпозиции, в сообществе вырабатывается собственная независимая логика жизнедеятельности. Анализ динамики социокультурного развития должен опираться на теорию, которая либо непротиворечива, либо допускает некоторую ограниченную степень несогласованности. Локальные сообщества находятся в поиске путей достижения гармонии, это главная задача. Необходимо учитывать, что насильственное внедрение «чужих» ценностей или, наоборот, их резкое отрицание, неприятие препятствует решению проблемы взаимодействия и взаимопонимания. Когерентный подход к анализу социокультурной трансформации создает вполне благоприятные условия для исследования социокультурных эффектов и последствий, взаимодействия локальности и глобальности, позволяет нивелировать противоречия в решении задачи объяснения и понимания результатов трансформации.

3. Когерентный подход дает возможность разработать механизмы, обеспечивающие сохранение и развитие традиционных социокультурных ценностей, раскрывающих структуру системы и ее функции, активизировать координацию управления развитием и улучшением характеристик, обеспечить контроль над информацией, вносимой в социокультурную среду. При анализе социокультурной динамики необходимо учитывать все структурные составляющие, определяющие глубину эволюции культуры и социальности.

- Уровень и формы воздействия внешних и внутренних факторов.
- Локальные модели социокультурного развития, раскрывающие и сохраняющие традиции, обычаи, ценности, нормы жизни и т. д.
- Институты, регулирующие управление социокультурным развитием.

Согласование социокультурных пакетов, значимых для социокультурной деятельности, дает возможность увидеть за распределением формальных особенностей глубинные структуры современной социокультурной динамики. Социокультурное развитие должно иметь соразмерное объяснение, с одной стороны, не абсолютизирующее необходимость принятия, например, «европейских» ценностей как аксиому, с другой стороны, соотносить социокультурное пространство «чужих» с традиционными ценностями локального сообщества.

В конечном счете интегральная социокультурная система как результат эволюции формируется на основе дифференциации и интеграции, глобальности и локальности. Социокультурное пространство объясняется как противоречивая форма целостности, обладающая определенной двойственностью, прослежива-

ющейся на глобальном и локальном уровнях. Необходимо помнить, что культура и социальность локальных сообществ, являясь составной частью глобальных социокультурных процессов, обладают локальной социокультурной самобытностью и специфичностью.

Список литературы

- Ерохов И.А.** Постглобализация и политическая архаизация в России // *Мировая политика*. 2020. № 2. С. 1–25. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335
- Лапин Н.И.** Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // *Социологические исследования*. 2000. № 7. С. 2–12.
- Линецкий А.И.** Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // *Полис. Полит. исслед.* 2017. № 4. С. 118–137. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09>
- Момджян К.Х., Подвойский Д.Г., Кржевов В.С. и др.** Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // *Вопр. философии*. 2016. № 1. С. 17–42.
- Некlessа А.И.** Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира // *Полис. Полит. исслед.* 2020. № 2. С. 153–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11>
- Савицкий П. Н.** Географические и геополитические основы евразийства // *Основы евразийства*. М.: Арктогея центр, 2002. С. 297–304.
- Сорокин П.** Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности [пер. с англ. А. Башкирова]. М.: АСТ, 2008. 637 с.
- Шмаков В.С.** Социокультурное пространство: к проблеме объяснения и понимания // *Сиб. филос. журн.* 2021. Т. 19. № 2. С. 75–87.
- Martens P., Dreher A., Gaston N.** Globalisation, the global village and the civil society // *Futures Volume* 42, Issue 6. August. 2010. P. 574–582. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.01.008>
- Mendis P.** Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. Lulu.com, 2007-01-01. 442 с.

References

- Erokhov I. A.** Postglobalizaciya i politicheskaya arhaizaciya v Rossii [Postglobalization and political archaization in Russia]. *World politics*, 2020, no. 2, p. 1–25. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335 (In Russ.)
- Lapin N.I.** Sociokulturnii podhod i societalno-funkcionalnie strukturi [Sociocultural approach and societal-functional structures] *Sociologicheskie issledovaniya*. 2000, no. 7, p. 2–12. (In Russ.)
- Lineckii A.I.** Modernizaciya tradicionnih obschestv_ put k procvetaniyu ili doroga v nikuda [Modernization of traditional societies: the path to prosperity or the road to nowhere?]. *Policy. Political studies*, 2017, no. 4, p. 118–137. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09>

- Martens P., Dreher A., Gaston N.** Globalisation, the global village and the civil society // Futures Volume 42, Issue 6. August. 2010. P. 574–582. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.01.008>
- Mendis P.** Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. Lulu.com, 2007-01-01. 442 с.
- Momdzhyan K.K., Podvoyskiy D.G., Krjevov V.S., Antonovskiy A.Yu., Raisa E. Barash.** Systematic Theoretical Approach to the Explanation of The Social Reality. Philosophical or Sociological Methodology? [A system-theoretical approach to the explanation of social reality. Philosophical or sociological methodology?]. Questions of philosophy, 2016, no. 1, p. 17–42. (In Russ.)
- Neklessa A.I.** Privatizaciya buduschego. Dvijenie k novoi semantike koncepcii i praktike mira [Privatization of the future. Movement towards new semantics, concepts and practices of the world]. Policy. Political studies, 2020, no. 2, p. 153–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.11>
- Savickij P. N.** Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziystva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. Osnovy evraziystva. Moscow: Artogeja centr, 2002, p. 297–304. (In Russ.)
- Sorokin P.** Chelovek, civilizaciya, obschestvo [Man, civilization, society]. Moscow: Politizdat. 1992. 543 p. (In Russ.)
- Huntington S.** Who are We? Challenges to American national identity [Translated from English by A. Bashkirov]. Moscow: AST, 2008. 637 p. (In Russ.)
- Shmakov V. S.** Sociokulturnoe prostranstvo: k probleme obyasneniya i ponimaniya [Sociocultural space: towards the problem of explanation and understanding]. Siberian Philosophical Journal, 2021, vol. 19, no. 2, p. 75–87. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Шмаков

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Vladimir S. Shmakov

Doctor of Science (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 14.05.2022;

одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 15.06.2022

The article was submitted 14.05.2022;

approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 15.06.2022

Научная статья

УДК 530.192

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-112-126

Основание, способы и формы сопряжения синергетики и социально-гуманитарного знания (на примере процессов сепаратизма)

Евгений Сергеевич Ермаков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси
Минск, Беларусь

ermakovgeka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1662-3785>

Аннотация

Статья посвящена проблеме конвергенции социально-гуманитарного знания и синергетики как совокупности методологических принципов. В качестве отдельной области социально-гуманитарного знания взята теоретическая история Н.С. Розова как научно-исследовательская программа. Соотношение методологических принципов синергетики и теоретико-методологических положений теоретической истории предлагается рассматривать посредством методологического принципа дополнительности. Эвристика данного соотношения и возможные формы ее реализации показываются на примере исследования сепаратизма.

Ключевые слова

синергетика, теоретическая история, принцип дополнительности, наблюдатель, сепаратизм, структурно-динамическая модель причинности

Для цитирования

Ермаков Е. С. Основание, способы и формы сопряжения синергетики и социально-гуманитарного знания (на примере процессов сепаратизма) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 112–126. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-112-126

© Ермаков Е. С., 2022

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2022. Том 20, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2022, vol. 20, no 2

Foundation, Options and Forms of Interface Between Synergetics and Socio-Humanities Knowledge (Exemplified by Separatism Processes)

Evgeny S. Ermakov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus

ermakovgeka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1662-3785>

Abstract

The article deals with the problem of the convergence between social and humanities knowledge and synergetics as a set of methodological principles. N.S. Rozov's Theoretical History as a Scientific Research Program is taken as a separate field of social and humanities knowledge. It is proposed to consider the correlation of methodological principles of synergetics and theoretical and methodological provisions of Theoretical History by means of the methodological Principle of Complementarity. The heuristics of this correlation and possible forms of its implementation are exemplified by the study of separatism.

Keywords

synergetics, theoretical history, complementarity principle, observer, separatism, functional causal model

For citation

Ermakov E.S. Foundation, options and forms of interface between synergetics and socio-humanities knowledge (exemplified by separatism processes). *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 112–126. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-112-126

Постнеклассический этап развития науки характеризуется ориентацией на конвергенцию естественнонаучного и социально-гуманитарного знания с расширением поля исследований в направлении междисциплинарности. С одной стороны, в последнее время отмеченная тенденция нашла свое отражение в поиске предпосылок синтеза синергетической парадигмы и различных достижений социально-гуманитарных наук (см: [Василькова, 1999]). С другой стороны, происходит формирование теоретической истории как научно-исследовательской программы, которая осмысливает различные социально-исторические процессы в междисциплинарности [Розов, 2019а, 2019б]. Явным образом теоретико-методологическая связь между синергетической парадигмой и теоретической историей обозначена не была, соответственно возможные основания, способы, формы и эвристика их взаимодействия в контексте изучения социальности в целом остаются до конца не ясными. Представленная статья является обобщением и логическим продолжением наших исследований в данном направлении [Ермаков, 2019а, 2019б].

Таким образом, цель статьи – обозначение контуров конвергенции методологии синергетики и теоретической истории с выявлением и обозначением философско-методологических и теоретических возможностей и ограничений предлагаемой методологии. Реализация данной цели связана с решением следующих задач.

Во-первых, рассмотреть теоретическую историю как междисциплинарную научно-исследовательскую программу.

Во-вторых, обозначить эвристику методологических принципов синергетики во взаимодействии с социально-гуманитарным знанием.

В-третьих, обосновать принцип дополнительности, рассматриваемый в контексте постнеклассической рациональности, в качестве основания конвергенции и синтеза синергетики и теоретической истории.

В-четвертых, эксплицировать возможные способы и формы взаимодействия теоретической истории и синергетической парадигмы на примере исследования феномена сепаратизма.

Теоретическая история Н.С. Розова как научно-исследовательская программа

Теоретическая история как научно-исследовательская программа (по И. Лакатосу) дает определенную совокупность фундаментальных идей, принципов и теоретических положений для разработки теорий в истории и в социально-гуманитарном познании в целом. Она имеет определенный эвристический потенциал для того, чтобы стать целостным философским концептом, который впитает в себя исторические, социально-политические и культурные формы человеческого бытия.

Как научная дисциплина теоретическая история направлена на «изучение закономерностей, результатов и направленности крупных качественно-количественных изменений в истории... путем заимствования из других наук, синтеза и проверки гипотез, моделей и теорий, через сопоставление их с данными традиционной эмпирической истории» [Розов, 2019а. С. 48].

Теоретическая история позволяет реализовывать междисциплинарные исследования – изучение истории техники, войн, революций, эпидемий [Розов, 2019а. С. 103]. Ее эвристика в данном направлении состоит в том, что она дает определенную совокупность приемов, методов и систему их организации в определенные этапы. В контексте цели статьи представляется излишним приводить перечень этих этапов, поэтому лишь отметим, что предложенная Н.С. Розовым система не отрицает свободы в выборе методологии, но дает обобщенное представление о единых принципах и этапах проведения исследований. Он предлагает девять крупных этапов теоретического исследования, которые могут быть дополнены альтернативными методами при условии сохранения целостности и последовательности всей методологии [Розов, 2019а. С. 370–372]. В данном случае теоретическую историю можно рассматривать как темпоральный каркас организации междисциплинарного исследования.

Синергетика как постнеклассическая парадигма

Синергетику можно определить как науку, парадигму и научную картину мира. В данной статье речь пойдет о синергетике в качестве совокупности особых методологических принципов, эксплицирующих процессы самоорганизации в открытых, нелинейных, неравновесных и диссипативных системах любой природы.

Возникла синергетика на стыке разных отраслей физики, химии и нелинейной математики и как отдельное научное направление продолжает развивать идеи, заложенные в теории катастроф, неравновесной термодинамике, тектологии, общей теории систем и кибернетике. Именно на подобной природе синергетики основываются критики ее использования в исследовании социальных процессов, отмечая метафоричное применение ее понятий и теоретико-методологических компонентов (например, [Зеленков, 2016; Винник, 2016]). Полагаем, что необходимо не только признать правомерность отмеченного критического отношения, но и отметить естественную ограниченность синергетики в исследовании социальности в целом как отдельно взятой науки. Однако если мы говорим о синергетике как о совокупности методологических принципов, которые взяты, во-первых, как составная часть междисциплинарного компонента исследования отдельных социальных процессов, во-вторых, как основа осмысления процессов социальной самоорганизации и сложности в онтологическом и гносеологическом ее аспектах, то стоит признать не только определенные возможности методологии синергетики в исследовании социальных процессов, но и то, что устойчивость синергетики как постнеклассической парадигмы связана с дальнейшим расширением использования ее методологических принципов. Каковы эти принципы?

В.Г. Буданов рассматривает синергетику как совокупность семи методологических принципов, находящихся между собой в отношении кольцевой причинности: двух структурных принципов «Бытия», трех порождающих и двух конструктивных принципов «Становления» [Буданов, 2009. С. 47–48].

Структурные принципы «Бытия» – гомеостатичность и иерархичность – характеризуют общее функционирование системы, ее стабильность и поддержание гомеостаза в период порядка. Через принцип подчинения вышестоящие элементы системы управляют нижестоящими, долгоживущие переменные («параметры порядка») – короткоживущими [Буданов, 2009. С. 49–52], благодаря чему поведение системы для внешнего наблюдателя выглядит линейным и понятным.

Порождающие принципы «Становления» – нелинейность, незамкнутость, неустойчивость – являются, как отмечает В.Г. Буданов, «необходимым и достаточным условием становления, рождения в системе нового качества» [Буданов, 2009. С. 49–53]. Ключевая особенность нелинейности состоит в том, что усилия воздействующих на систему сил нельзя складывать и рассматривать их сумму в качестве результирующего эффекта. Это происходит по той причине, что любая жизнеспособная система должна быть незамкнутой (открытой), то есть должна подвергаться воздействиям со стороны среды. В период порядка благодаря открытости система способна к поддержанию стабильных неравновесных структур макроуровня путем обмена со средой веществом, энергией и информацией. В период становления, «при переходе от одного положения гомеостаза к другому, система становится обязательно открытой в точках неустойчивости» [Буданов, 2009. С. 57]. Соответственно, неустойчивость, когда сколь угодно малые возмущения способны кардинальным образом повлиять на эволюции системы, становится необходимым условием становления нового порядка. В неустойчивости появляется возможность выбора между различными траекториями [Буданов, 2009. С. 57–58].

Конструктивные принципы «Становления» – динамическая иерархичность (эмерджентность) и наблюдаемость – определяют точки сопряжения отмеченных выше принципов как кольцевых. Динамическая иерархичность определяет формы и процесс взаимодействия трех уровней бытия системы: мега-, макро- и микро-. Возникновение новых макроуровневых качеств системы (эмерджентностей) задается нелинейным взаимодействием мега- и микроуровней [Буданов, 2009. С. 60]. Происходит появление нового гомеостаза системы, характеризующегося иными макроуровневыми параметрами порядка. Однако возникает вопрос: на какой основе происходит различие нового макроуровневого гомеостатического состояния системы внешним по отношению к ней наблюдателем? В.Г. Буданов, определяя принцип наблюдаемости как эпистемологический принцип синергетики, отмечает, что его «включение делает систему принципов синергетики открытой к пополнению философско-методологическими и системными интерпретациями» [Буданов, 2009. С. 62]. Иными словами, расширение понимания и интерпретации процессов появления новых порядковых структур связывается не только со способностью синергетики быть открытой к другим парадигмам, теориям и областям знания, но и с рефлексивным характером самого субъекта познания, способного в первую очередь к методологической рефлексии.

Принцип дополнительности в контексте постнеклассической рациональности

Каким образом можно «оправдать» исследовательскую интенцию на конвергенцию теоретической истории как научной-исследовательской программы и синергетики как парадигмы? С одной стороны, явным образом Н.С. Розов не закладывал возможностей использования синергетики в теоретической истории, но формально и не отрицал этого. С другой – как уже отмечалось, имеются и скептики использования синергетики в исследовании социальных процессов.

В постнеклассической рациональности роль субъекта познания полагается в конституировании содержания теорий и научной деятельности в целом. Взаимодействие методологических установок естественнонаучного и социально-гуманитарного знания в большей степени связано с эффектом противоречивости репрезентаций. Что касается синергетики как совокупности методологических принципов, нацеленных на понимание социальных процессов в контексте процессов самоорганизации, и теоретической теории как совокупности теоретико-методологических принципов организации исследований крупных социально-исторических изменений, в большей степени проблема противоречивости репрезентаций связана с соотношением не столько методологии или онтологии, сколько реализма социальности и конструктивизма социальности. Иными словами, синергетика, возникшая на основе исследования реальных физико-химических процессов, в то же время предполагает управление процессами самоорганизации в определенных пределах (см.: [Князева, 2006]). Теоретическая история же основана на «искусственно-естественной» парадигме, не отрицающей, согласно Н.С. Розову, «возможность применения проектного мышления, разработки и реализации программ, регулирующих и направляющих социальные процессы

и исторические тенденции. Но только с помощью теорий исторической динамики возможно искусственное стимулирование (толчок, запуск) и уверенная поддержка естественных процессов и тенденций исторического развития» [Розов, 2019а. С. 43].

На первый взгляд, исходные предпосылки синергетики и теоретической истории сближаются именно на основании «искусственно-естественной» парадигмы, однако специфика синергетики в том, что ее конструктивистское начало основано не на применении теорий исторической динамики в жизни, а на понимании роли субъекта как конструктивистского начала, вплетенного в саму ткань социальности. Иначе говоря, проблема сближения синергетики и теоретической истории кроется в проблеме понимания социального субъекта как одновременно рефлексивно познающего и таким же образом действующего. Отсюда считаем, что реализация задуманной конвергенции синергетической парадигмы и теоретической истории должна идти через принцип дополнительности в контексте отмеченного понимания роли субъекта.

Общеметодологический принцип дополнительности, основанный на введенном Н. Бором принципе дополнительности при интерпретации квантово-механических процессов, полагает, что для полного описания объекта необходимо применять взаимоисключающие и взаимодополняющие методы, теории или понятия. Иными словами, стремление к конвергенции синергетической парадигмы и теоретической истории предполагает признание неснимаемой противоречивости между реальной природой социальности, с одной стороны, и конструктивистским началом деятельности субъекта – с другой.

В исследовательской перспективе это означает, что использование методологических принципов синергетики при имманентной философско-методологической рефлексии над предметом исследования полагается разумным и легитимным, однако не напрямую к фактологии исторического пространства-времени, а «обходным» путем, через соотношение с синергетикой концептов, методов и приемов теоретической истории как наиболее релевантной научно-исследовательской программы ввиду ее открытости и направленности на междисциплинарное взаимодействие. Продолжая линию, начатую в предыдущих работах, обратимся к исследованию феномена сепаратизма.

Первоначальное определение сепаратизма и выбор случаев

В существующей научной литературе существуют разные подходы к определению сущности процессов сепаратизма и, соответственно, разные определения данного социального феномена¹. Считаем, что использование синергетической парадигмы, в первую очередь ее методологических принципов, позволит взглянуть на сепаратизм как на системный феномен. Исходя из этого сформулируем определение сепаратизма и кратко обозначим его возможности для дальнейшего исследования.

Под сепаратизмом мы будем понимать класс явлений, возникающих вследствие кризиса внутри определенного государства, но не вследствие внешней

¹ Подробный анализ подходов см. в [Туров, 2021].

агрессии, и направленных на отделение от этого государства определённой его части с целью дальнейшей её институционализации. Данное определение отделяет сепаратизм от стремления одного государства аннексировать определённую часть другого государства и видит в его генезисе внутреннюю природу.

Во-первых, сформулированное определение различает процессы сепаратизма от политических движений, направленных на отделение части определённого государства; включает в себя сепаратизм как политический акт отделения и ирредентизм как стремление к воссоединению с другим государством определённой части другой страны; но не включает автономизм, который рассматривается нами и как политическое движение, направленное на завоевание определённых прав в области самостоятельности в управлении, и как определённую предпосылку к сепаратизму.

Во-вторых, в данном определении предполагается, что оформление окончания процессов сепаратизма происходит путем институционализации различного рода – международно-правовой, политической, социально-экономической, культурной и тому подобное. Подобная конкретизация конечных целей сепаратизма, как представляется, дает возможность проанализировать не только многовариативность наличных случаев отделения, но и в сравнительно-исторической перспективе определить ключевые особенности отдельных примеров сепаратизма.

В качестве отдельных случаев взяты сепаратизм в США во второй половине XIX века, развал СССР и советской системы в конце XX века и сепаратизм в Судане во второй половине XX – начале XXI века. Такое пространственно-временное разнообразие необходимо в первую очередь для того, чтобы ответить на вопрос, что поощряет определенные территории «попытаться оставить государства, частью которых они являются... в то же время как другие группы, также сконцентрированные на региональном уровне, не поддерживают таких попыток» [Horowitz, 1981. P. 165].

Избранные случаи позитивные – успешно были совершены попытки отделения от США, СССР и Судана определенных территорий, но с разным уровнем институционализации, в том числе в международно-правовом аспекте. Судьба отделенных территорий, однако, разная, что дает возможность обнаружить структурные факторы, которые определили это разнообразие.

Несмотря на разброс выбранных в пространстве и времени случаев, власти этих государств до и во время процессов сепаратизма переживали разного уровня системные кризисы, которые выражались прежде всего в несогласии отдельных частей этих государств существовать внутри одной страны с другими территориями и неготовности подчиняться центру.

Модели-методы и структурно-динамические модели причинности

В качестве методологического инструментария исследования процессов сепаратизма предлагаются две модели. Первая модель – «Фазовая модель сепаративных процессов» – основана на универсальной модели исторической динамики Н.С. Розова, концепции «вызова-и-ответа» А. Тойнби и социальной самоорганизации В.П. Бранского [Ермаков, 2019а]. Как модель-метод она рассматривает раз-

витие сепаратизма через его зарождение, инициацию, прохождение и окончание в контексте определенных фаз, ключевыми из которых являются фазы «Вызов» и «Ответ». Основной целью данной модели является расчленение процесса на отдельные, логически связанные между собой фазы с единой логикой протекания внутри них.

Другая модель – «модель асимметричной корреляции ответа системной целостности на вызов сепаратизма» – основана на понимании ключевой роли системного ответа на вызов сепаратизма в развитии процессов сепаратизма и, соответственно, является философско-методологической конкретизацией первой модели [Ермаков, 20196]. Целью данной модели является поиск принципа порождения новых структурно-функциональных уровней социально-политической системы, то есть общего усложнения целостности через формирование перспективного ответа, являющегося асимметричным (по характеру, направленности и содержанию) по отношению к вызову.

В зависимости от фазы, то есть того или иного характера протекания процесса, действия социальных акторов имеют свою специфику, влияющую, в свою очередь, на структурные причины и динамику процесса в целом. Особое значение в этом имеет рекурсивный характер связи между целостностью и ее частью, системой и средой, социальным актором и социумом в целом, который и задает многоаспектность и поливариативность протекания процессов сепаратизма. Иными словами, если ответ на вызов сепаратизма рассматривать как системный, то его характеристики полным образом будут зависеть от, во-первых, фазы, в которой происходит процесс (чем ближе к окончанию процесса, тем меньше вариативность), во-вторых, вызова (самые первые вызовы менее радикальные, чем последующие), и в-третьих – совокупной деятельности социальных акторов (стремящихся как к сохранению целостности государства, так и к отделению от него части территории).

Выскажем гипотезу о ключевой гомеостатичной переменной для государства, подвергающегося процессам сепаратизма. С одной стороны, если организованная группа социальных акторов, компактно проживающая на определенной территории, стремится к отделению, то в первую очередь она подвергает сомнению легитимность центральной власти управлять данной территорией. Однако это не будет иметь результата, если данное сомнение не будет поддержано в целом людьми, компактно проживающими на той же территории. С другой стороны, подвергать сомнению легитимность власти управлять определенной территорией – «территориальную легитимность» – можно сколь угодно долго, особенно если центральная власть успешно справляется с данным сомнением. Отсюда следует, что сам распад государства происходит не через снижение уровня территориальной легитимности, а через снижение иной, более важной для государства переменной – «территориальной целостности государства».

На основании сравнительного исследования выбранных случаев сепаратизма предлагаем три модели структурно-динамической причинности, основанные на функциональной модели А. Стинчкомба и работах Н.С. Розова, эксплицирующие причинность 1) формирования вызова сепаратизма; 2) его усиление и 3) переход к распаду и территориальной дезинтеграции.

1. Под кумулятивным воздействием определенных внешних и внутренних факторов F , связанных с развитием кризисных процессов, происходит снижение легитимности политического режима на определенной территории (территориальной легитимности) как гомеостатической переменной H . Это задает интенсивность деятельности институтов и практик S , направленных на уменьшение негативного влияния воздействий F , за которыми могут быть сокрыты действия сторонников сепаратизма. Затраты этой деятельности C (неудачи в первую очередь) в свою очередь отрицательно сказываются на способности S поддерживать территориальную легитимность, а через положительную связь – усиливают воздействие F на гомеостатическую переменную H . Графическая экспликация причинности вызова сепаратизма имеет следующий вид (рис. 1).

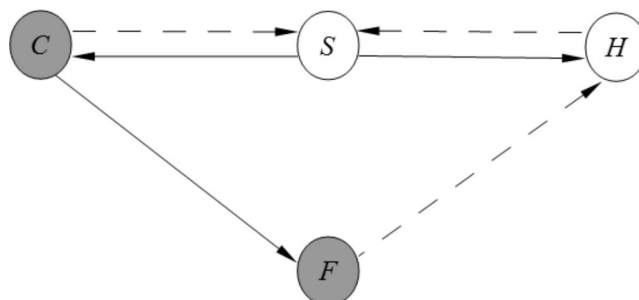

Рис. 1. Структурно-динамическая модель причинности вызова сепаратизма:

здесь и далее сплошная стрелка обозначает положительную связь, штриховая – отрицательную связь, целлоно закрашенные ячейки – факторы, отрицательно влияющие на гомеостатическую переменную. F (factors) – внешние и внутренние факторы сепаратизма, H (homeostatic) – гомеостатическая переменная «территориальная легитимность режима на определенной территории», S (structures) – интенсивность деятельности институтов и практик поддержки гомеостатической переменной, C (costs) – затраты деятельности активности институтов и практик

Pic. 1. Structural-dynamic model of the causality of separatism:

hereinafter, the solid arrow denotes a positive relationship, the dashed arrow denotes a negative relationship, solid-filled cells denote factors negatively affecting the homeostatic variable. F (factors) – external and internal factors of separatism, H (homeostatic) – homeostatic variable «territorial legitimacy of the regime in a certain territory», S (structures) – intensity of activity of institutions and practices of supporting the homeostatic variable, C (costs) – costs of activity of institutions and practitioner

Обозначенная модель задает, с одной стороны, контур усиления деятельности факторов сепаратизма на легитимность политического режима на определенной территории через издержки его деятельности, а с другой – не затрагивает такую гомеостатическую переменную, как «территориальная целостность государства». Кроме того, формирование вызова сепаратизма стоит рассматривать как долгосрочный процесс со своими «откатами» и «усилениями» (в случаях США, СССР и Судана формирование вызова шло на протяжении длительного времени и было связано не только с возникновением данных государств, но и контекстом их возникновения – географического, культурно-цивилизационного, исторического).

2. Первая структурно-динамическая модель дает довольно тривиальный, но важный вывод: через адекватные действия по отношению к вызову сепаратизма у режима остается возможность его снять, нейтрализовать или компенсировать.

ровать. Однако постепенное накопление проблем и неудач старых стратегий (деятельности институтов и практик) S_1 приводят к новым стратегиям S_2 , направленным на подавление сторонников сепаратизма и их активности S_3 . Старые же стратегии, которые можно идентифицировать как компромиссные, не «выбрасываются» из процесса и могут влиять на его динамику, однако их неудачи (равно увеличение затрат C_1) усиливают стратегии военного-политического характера S_2 , направленные на подавление сторонников сепаратизма. При этом сами стратегии подавления вносят вклад в потери и затраты C_2 . Активность сторонников сепаратизма S_3 направлена на дальнейшее снижение гомеостатической переменной «территориальная легитимность» H_1 с постепенным переключением (через или напрямую) к новой переменной – «территориальная целостность государства» H_2 . Это переключение происходит постепенно путем применения все более эскалационных стратегий с обеих сторон, но в первую очередь со стороны центра (рис. 2).

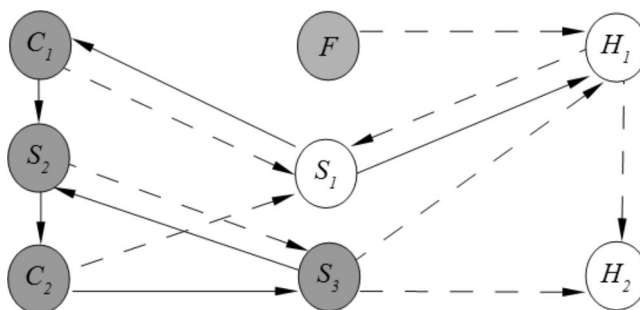

Рис. 2. Структурно-динамическая модель причинности усиления вызова сепаратизма: переход к системному кризису и распаду избегается путем использования компромиссных стратегий, главной целью которых становится поддержание гомеостатической переменной «территориальная легитимность» на необходимом уровне. Главный тренд направлен на угнетение S_1 и имеет следующий вид: $S_1 - C_1 - S_2 - C_2 - S_1$

Pic. 2. Structural-dynamic model of the causality of strengthening the challenge of separatism: the transition to a systemic crisis and disintegration is avoided by using compromise strategies, the main goal of which is to maintain the homeostatic variable “territorial legitimacy” at the required level. The main trend is aimed at suppressing S_1 and has the following form: $S_1 - C_1 - S_2 - C_2 - S_1$

Использование стратегий эскалации обычно наблюдается у той стороны, которая не может старыми стратегиями адекватно ответить на вызовы и действия другой стороны. Применение неадекватных стратегий, которые не соответствуют ситуации и направлены на эскалацию, чаще всего сопровождается различными кризисными явлениями, которые могут носить системный характер. В общем, деятельность старых структур (в первую очередь направленных на компромисс) не способна обеспечить стабилизацию ситуации по причине направленности одной из сторон (или обеих) на усиление конфликта, а активизация стратегий, направленных на эскалацию, только усиливает ответные действия другой стороны, что усиливает в свою очередь и вызовы. Фактически исчезают (но не до конца!) компромиссные стратегии как альтернатива эскалации, а легитимность на определенной территории поддерживается только военно-силовыми средствами,

что в значительной степени повышает издержки, приводя систему к своему распаду и территориальной дезинтеграции через угнетение соответствующей переменной – «территориальная целостность государства».

Если в случае с сепаратизмом в США вызов можно идентифицировать в итогах выборов 1860 г., на которых победил А. Линкольн, то усиление вызова происходило путем сецессии южных штатов и формирования Конфедерации; в случае СССР вызов имел форму студенческих выступлений в декабре 1986 г., а усиление вызова происходило, с одной стороны, через отсутствие адекватных действий Москвы, а с другой – посредством расширения суверенитета республиканских органов управления и «парад суверенитетов»; в случае Судана вызов имел форму выступления воинского контингента южан в городе Бор в 1983 г. против своей передислокации на север, а усиление приобрело форму гражданской войны. Во всех трех случаях сформировалась проблема сохранения территориальной целостности государства.

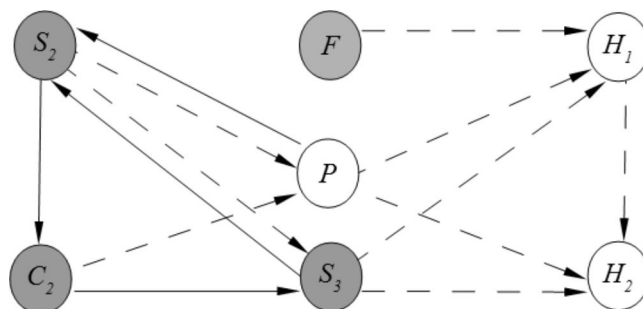

Рис. 3. Структурно-динамическая модель причинности перехода к распаду и территориальной дезинтеграции:

центральной частью модели является комплекс положительных и отрицательных связей с нелинейностью, что дает определенную вариативность комплексов связей. Например, переход к распаду и дезинтеграции может произойти, во-первых, через постоянную эскалацию действий сторон, с успехом той стороны, которая заинтересована в сепаратизме определенной территории: $(S_2 - C_2 - S_3 - \dots - ((H_1) - (S_2 - C_2 - S_3 - \dots - H_1)) - H_2)$; во-вторых, через чрезмерное повышение потерь и расходов, например, по причине военных действий или глубокого системного кризиса, который приводит к невозможности управлять определенной территорией, не вызывая сопротивления ее населения: $(S_2 - C_2 - S_3 - \dots - C_2 - -P - (S_2 - C_2 - S_3 - \dots - (S_2 - C_2 - -P)) - - (H_1) - - H_2)$.

Pic. 3. Structural-dynamic model of the causality of the transition to disintegration and territorial disintegration:

The central part of the model is a complex of positive and negative connections with nonlinearity, which gives a certain variability of the connection complexes. For example, the transition to disintegration and disintegration can occur, firstly, through a constant escalation of the actions of the parties, with the success of the party that is interested in the separatism of a certain territory: $(S_2 - C_2 - S_3 - \dots - ((H_1) - (S_2 - C_2 - S_3 - \dots - H_1)) - H_2)$; secondly, through an excessive increase in losses and expenses, for example, due to military operations or a deep systemic crisis, which leads to the inability to manage a certain territory without causing resistance from its population: $(S_2 - C_2 - S_3 - \dots - C_2 - -P - (S_2 - C_2 - S_3 - \dots - (S_2 - C_2 - -P)) - - (H_1) - - H_2)$

3. Почему происходит успешное отделение определенных территорий от государственных образований? Общая логика такова: переход к распаду и территориальной интеграции происходит через повышение затрат C_2 , что отрицательно сказывается на способности эффективно функционировать власть P (Power)

как ключевого института государства по поддержке переменных H_1 и H_2 . Уменьшение возможностей P через рост C_2 может приводить к усилению S_2 и все большей эскалации и углублению кризиса, что негативным образом вновь сказывается на эффективности P : власть становится ключевым фактором, вбирающим в себя последствия эскалационных стратегий акторов. Ослабление P (по сути деградация) может происходить до такой степени, что она не только не будет способна снять негативное воздействие на гомеостатические переменные, но и сама в целом может стать источником ослабления данных переменных. Типичным примером является попытка путча в августе 1991 г. По этой причине связи между P и переменными H_1 , H_2 на рис. 3 отображены как угнетающие.

В случае США дезинтеграция произошла после того, как началась Гражданская война и остальные южные штаты присоединились к Конфедерации как к главному эскалационному субъекту. В случае СССР распад произошел по причине широкого системного кризиса, имеющего как внутренние корни, так и геополитические. Случай Судана интересен тем, что распад на Южный Судан и собственно Судан произошел не путем победы сторонников сепаратизма, как в США, а через системный кризис центральной власти, как в случае СССР, однако выявилось нежелание обеих сторон реализовать те положения, которые были достигнуты соглашением от 2005 г. Иными словами, не были найдены те структуры, которые бы не только обеспечивали единство территориальной целостности Судана, но и легитимность новой власти: $S_2-C_2-S_3-...-P-(-H_1-)-H_2$.

Эвристика конвергенции синергетической парадигмы и теоретической истории в контексте исследования феномена сепаратизма

Процессы сепаратизма, если смотреть на них через призму синергетики, представляют собой совокупность системно-синергетических эффектов упрощения и усложнения, приводящих к кризису отношений между центральной властью и населением отдельных территорий. Наблюдается упрощение структуры отношений между центром и периферией с формированием проблемы легитимности управления центральной власти над определенной частью территорий. Инициирование сепаратизма, таким образом, происходит в ситуации слабого взаимного «понимания» целого и части, что не дает всей системе в целом адаптироваться к среде.

Подобный взгляд на сепаратизм должен поставить вопрос о предельных основаниях оппозиции части и целого, с одной стороны, упрощения и усложнения целостности – с другой. Представляется, что подобное основание кроется в проблеме понимания Другого в различных социальных процессах и социальности в целом. Представленное понимание природы процессов сепаратизма в научной литературе нами не встречалось.

Таким образом, укажем на существенные моменты статьи, связанные с предложенным способом конвергенции и синтеза синергетики и социально-гуманитарного знания в целом.

Во-первых, конвергенция синергетической программы и социально-гуманитарного знания в целом определяется дополнительным соотношением не столько

методологии или онтологии, но интенцией рассматривать социальность как под-дающуюся управлению (синергетика) и как слабо или вовсе не управляемую (социально-гуманитарное знание). Отсюда контуры их взаимодействия лежат в плоскости признания не снимаемой противоречивости, но взаимной допол-нительности между реальной природой социальности и конструктивистским нача-лом деятельности субъекта как ключевого элемента социума, рассматриваемого в контексте постнеклассической рациональности.

Во-вторых, возможности методологии, основанной на междисциплинарном взаимодействии синергетики и социального-гуманитарного знания, в интерпре-тации социальной динамики ограничены и раскрываются через эмпирический материал социально-исторических явлений и процессов. По этой причине изу-чение различных социальных явлений с помощью положений синергетической парадигмы должно проходить 1) посредством соотношения методологии синер-гетики по принципу дополнительности с теоретико-методологическим компо-нентом социально-гуманитарного знания и 2) через фактологию истории и теоре-тико-сравнительное изучение отдельных случаев социальных процессов. Иными словами, путем реализации обоюдной интенции на междисциплинарность синер-гетики как парадигмы и теоретической истории как формы социально-гумани-тарного знания.

Список литературы

- Буданов В.Г.** Методология синергетики в постнеклассической науке и в образова-нии. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 240 с.
- Василькова В.В.** Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
- Винник Д.В.** «Эпистемический искупитель»: свод приемов легитимации бессмыс-лицы // Философия науки. 2016. №3. С. 76–93.
- Ермаков Е.С.** «Фазовая» модель сепаративных процессов: от стабильности к рас-паду социально-политических общностей и систем // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2019а. №1. С. 163–169.
- Ермаков Е.С.** Философско-методологический инструментальный анализа и модели-рования сепаративных процессов // Филос. исслед. 2019б. Вып. 6. С. 45–57.
- Зеленков А.И.** Социальная синергетика: методологические возможности и преде-лы в эпоху глобальных рисков // Философия и социальные науки. 2016. № 4. С. 11–15.
- Князева Е.Н.** Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133–153.
- Розов Н.С.** Философия и теория истории. М.: ЛЕНАНД, 2019а. Кн. 1: Прологоме-ны. 336 с.
- Розов Н.С.** Философия и теория истории. М.: КРАСАНД, 2019б. Кн. 2. Причины, динамика и смысл революций. 608 с.
- Туров Н.Л.** Феномен сепаратизма в современном мире: аналит. обзор. М., 2021. 62 с.
- Horowitz Donald L.** Patterns of Ethnic Separatism. *Comparative Studies in Society and History*, 1981, Vol. 23, no. 2, pp. 165–195.

References

- Budanov V.G.** Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii [Methodology of Synergetics in Post-non-classical Science and in Education]. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2009, 240 p. (In Russ.)
- Ermakov E.S.** «Fazovaya» model' separativnykh protsessov: ot stabil'nosti k raspadu sotsial'no-politicheskikh obshchnostei i sistem ["Phase" Model of Sseparative Processes: From Stability to the Collapse of Social-Political Communities and Systems]. *Izvestiya Gomeľskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Proceedings of the F. Skorina Gomel State University], 2019a, no. 1, pp. 163–169. (In Russ.)
- Ermakov E.S.** Filosofsko-metodologicheskii instrumentarii analiza i modelirovaniya separativnykh protsessov [Philosophical and Methodological Tools for Analysis and Modeling of Separative Processes]. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies], 2019b, Vol. 6, pp. 45–57. (In Russ.)
- Horowitz Donald L.** Patterns of Ethnic Separatism. *Comparative Studies in Society and History*, 1981, Vol. 23, no. 2, pp. 165–195.
- Knyazeva E.N.** Epistemologicheskii konstruktivizm [Epistemological Constructivism]. In: *Filosofiya nauki. Vyp. 12: Fenomen soznaniya*. Moscow, IF RAN, 2006, pp. 133–153. (In Russ.)
- Rozov N.S.** Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny [Philosophy and Theory of History. Book. 1. Prolegomena]. Moscow, LENAND, 2019a, 336 p. (In Russ.)
- Rozov N.S.** Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 2. Prichiny, dinamika i smysl revolyucii [Philosophy and Theory of History. Book. 2. Causes, Dynamics and Meaning of the Revolution]. Moscow, KRASAND, 2019b, 608 p. (In Russ.)
- Turov N.L.** Fenomen separatizma v sovremennom mire: analiticheskii obzor [The Phenomenon of Separatism in the Modern World: Analytical Review]. Moscow, 2021, 62 p.
- Vasil'kova V.V.** Poryadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem : Sinergetika i teoriya sotsial'noi samoorganizatsii [Order and Chaos in the Evolution of Social Systems: Synergetics and the Theory of Social Self-organization]. St. Petersburg, Lan', 1999, 480 p. (In Russ.)
- Vinnik D.V.** «Epistemicheskii iskupitel'»: svod priemov legitimatsii bessmyslitsy ["Epistemic Redeemer": a Set of Eechniques for legitimizing Nonsense]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2016, no. 3, pp. 76–93. (In Russ.)
- Zelenkov A.I.** Sotsial'naya sinergetika: metodologicheskie vozmozhnosti i predely v epokhu global'nykh riskov [Social Synergetics: Methodological Possibilities and Limits in the Age of Global Risks]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2016, no. 4, pp. 11–15. (In Russ.)

Информация об авторе

Ермаков Евгений Сергеевич

Аспирант отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси

Information about the Author**Evgeny S. Ermakov**

Postgraduate student, Department of Theory of Knowledge and Methodology of Science, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

*Статья поступила в редколлегию 06.06.2022;
одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 06.06.2022;
approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 04.07.2022*

Научная статья

УДК 316.334.3, 323

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-127-142

Институциональный минимализм как тренд развития местного самоуправления в современной России

Мария Рудольфовна Зазулина

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Аннотация

Статья посвящена анализу грядущей реформы местного самоуправления, инициированной поправками в Конституцию РФ (2020) и Проектом Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенным на рассмотрение ГД РФ в декабре 2021 г. Целью исследования выступает выявление и анализ тенденций в развитии институциональной организации местного самоуправления, проявившихся в контексте разработки нового законопроекта. Показано, что в сфере отечественного местного самоуправления складывается особый тип институциональной организации, который можно определить как институциональный минимализм. Выделены его основные черты. Сделан вывод о том, что проявления институционального минимализма возможны лишь в условиях продолжения таких тенденций, как огосударствление и унификация местного самоуправления, которые ранее существовали, но оказались еще более усилены в связи с выстраиванием единой системы публичной власти.

Ключевые слова

местное самоуправление, реформа, государственная власть, муниципальная власть, публичная власть, политическая система, институт, институциональная организация

Для цитирования

Зазулина М. Р. Основание, способы и формы сопряжения синергетики и социально-гуманитарного знания (на примере процессов сепаратизма) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 127–142. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-127-142

Institutional Minimalism as a Trend in the Development of Local Self-Government in Modern Russia

Mariia R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Abstract

The article is devoted to the analysis of the upcoming reform of local self-government initiated by amendments to the Constitution of the Russian Federation (2020) and the Draft Federal Law No. 40361-8 «On general principles of the organization of local self-government in a unified system of public authority», submitted to the State Duma of the Russian Federation in December 2021. The purpose of the study is to identify and analyze trends in the development of the institutional organization of local self-government, manifested in the context of the development of the new Draft Federal Law. It is shown that a special type of institutional organization is emerging in the sphere of domestic local self-government, which can be defined as institutional minimalism. Its main features are highlighted. It is concluded that the manifestations of institutional minimalism are possible only in the conditions of continuation of such trends as the strengthening state control and unification of local self-government, which previously existed, but were further strengthened in connection with the building of a unified system of public power.

Keywords

local self-government, reform, state power, municipal power, unity of public authority, political system, institution, institutional organization

For citation

Zazulina M. R. Institutional minimalism as a trend in the development of local self-government in modern Russia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 127–142. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-127-142

Процессы формирования института местного самоуправления в постсоветской России выступают частью модернизационных процессов. А периодическая смена этапов реформирования отражает изменяющиеся стратегии политических элит в поиске оптимальной модели самоуправления, отвечающей российским реалиям.

Смена этапов реформирования сопровождается изменением законодательства: принятием федеральных законов либо их значительным изменением. Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее 154-ФЗ) обозначил начало первого этапа, который характеризуется значительным разнообразием формирующихся региональных моделей местного самоуправления и был назван исследователями периодом «муниципальной революции» [Митрохин, 1999. С. 29]. Второй этап был связан с принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее 131-ФЗ), направленность которого была во многом

¹ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 170. 01.09.1995.

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 202. 08.10.2003.

противоположна предыдущему закону. Сфера местного самоуправления оказалась унифицирована в масштабах всей страны, что дало исследователям повод говорить о наступлении этапа «муниципальной контрреволюции» [Гельман и др., 2008. С. 12]. Отдельно стоит упомянуть блок поправок, внесенных в 131-ФЗ в 2014–2016 гг., который фактически ознаменовал начало очередного, третьего этапа в развитии отечественного самоуправления, связанного с усилением влияния государства.

Таким образом, на каждом этапе проявились свои тенденции, характеризующие основную направленность в развитии отечественного местного самоуправления. Следствием действия каждого из перечисленных законов стало формирование особой институциональной организации местного самоуправления, определяющей правила и характерные черты его функционирования.

В конце 2021 г. на обсуждение в Государственную Думу РФ был представлен Проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³ (далее Законопроект-2021). На данный момент проект рассмотрен в первом чтении и находится на доработке. Предполагается, что отдельные положения нового законопроекта вступят в силу уже с 1 января 2023 г. До 1 января 2028 г. будет длиться переходный период, после чего закон 2003 г. утратит силу и в полном объеме начнут действовать положения нового закона о местном самоуправлении.

В целом, несмотря на то что поправки в законопроект еще вносятся, причем при активном привлечении общественности к обсуждению, дизайн местного самоуправления, подразумеваемый им, вырисовывается достаточно отчетливо. Фигуры законодателей, инициировавших разработку законопроекта, не оставляют сомнений в том, что он будет принят. Об этом же свидетельствует правовой и законотворческий контекст, в котором происходит разработка нового Законопроекта. Как отмечается в Пояснительной записке, он «подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти»⁴. Таким образом, Законопроект-2021 представляет собой не просто пакет с поправками в действующий 131-ФЗ, а принципиально новое законодательство в муниципальной сфере. Его принятие подразумевает кардинальную реформу и означает начало нового этапа в развитии отечественного самоуправления.

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение основных положений Законопроекта-2021, анализ политического и правового контекста, в котором происходит его продвижение, а также выявление трендов развития местного самоуправления с точки зрения новизны или продолжения предыдущих тенденций, включая анализ особенностей проявления продолжающихся тенденций на новом этапе развития местного самоуправления. В данной работе предметом

³ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.04.2022)

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/6E13A1A9-6E8B-4F98-9B52-4A9427FBF667> (Дата обращения: 30.04.2022)

исследования выступает местное самоуправление как особый тип институциональной организации, складывающийся под влиянием совокупности политических, правовых, экономических и социокультурных условий и определяющий правила функционирования в этой сфере. Целью исследования выступает выявление и анализ тенденций в развитии институциональной организации местного самоуправления, проявившихся в контексте разработки нового Законопроекта.

Методологически исследование опирается на положения неинституциональных теорий (Д. Норт, Дж. Бьюкенен, Э. Остром), которые в качестве основных элементов реальности рассматривают институты, а институты трактуют как правила игры. Во второй половине XX в. Э. Остром предложила понятие «институциональный дизайн» для определения строения особенных институциональных комплексов, определяющих правила поведения в той или иной сфере. Идея Остром заключается в том, что для решения одних и тех же проблем различные общества и социальные группы используют различные институты, то есть различные комплексы правил поведения [Остром, 2013]. Множество исторически неповторимых форм институционального дизайна соответствует многообразию исторически сложившихся и географически социально и культурно экономически обусловленных форм поведения и правил взаимодействия.

В отечественных экономических и политических науках понятие институциональный дизайн употребляется как синонимичное таким понятиям, как «институциональная организация», «институциональное проектирование» и активно используется при анализе российских реформ [Волынский, 2018]. Оно может означать и процесс трансформации институтов, зачастую имеющий запланированный характер, и результат этого процесса. В отечественных исследованиях данный подход активно применяется для анализа политических институтов и, в частности, для анализа особенностей институциональной организации местного самоуправления на предыдущих этапах развития [Реформа..., 2008; Нечаев, 2006].

Мы определяем институциональную организацию как комплекс институтов, связанных между собой в систему и регламентирующих какую-либо сферу общественной жизни. При этом в зависимости от условий развития количество элементов системы может быть различным, характер элементов может быть различным (формальные и неформальные), различными могут быть отношения между элементами, сложность системы (может включать в себя подсистемы и сама входить в качестве составного элемента в систему более высокого уровня), внутри институциональной организации всегда существует иерархия как основной принцип связи между ее элементами. Институциональная организация местного самоуправления может быть определена в этом случае как внутренне согласованный и относительно устойчивый комплекс институтов (набор формальных и неформальных правил и соглашений), регулирующих отношения между обществом и государственной властью и местной властью по вопросам решения вопросов местного значения с целью обеспечения жизнедеятельности сообществ, проживающих на определенных территориях.

Также подчеркнем, что исследование грядущей реформы местного самоуправления и формирующегося нового институционального дизайна обладает

значительной степенью новизны. Прежде всего в силу того, что сам законопроект предложен достаточно недавно и является предметом непосредственного обсуждения политиков, представителей общественности и экспертного сообщества. На данный момент, несмотря на активное упоминание в прессе и достаточное количество официальных документов правового характера, эта тема получила освещение в работах лишь небольшого количества исследователей [Зикеев, 2022; Упоров, 2022].

Институциональный минимализм как особенность новой институциональной организации местного самоуправления

Анализ Законопроекта-2021 показывает, что он содержит значительное количество пунктов, связанных с упрощением институциональной организации местного самоуправления. Реформа предполагает отказ от двухуровневой системы самоуправления в пользу одноуровневой. При этом будет упразднен «нижний» поселенческий уровень, в то время «верхний» уровень самоуправления сохранится в качестве единственно возможного. Таким образом, произойдет укрупнение элементов системы за счет слияния поселенческого и окружного уровней. В количественном отношении это приведет к сокращению общего числа муниципальных образований на 87 %: именно такова сейчас доля сельских и городских поселений (по данным Министерства юстиции РФ, на 1 января 2021 г. общее количество муниципальных образований в РФ составило 20 184, в том числе 1327 городских поселений и 16 235 сельских поселений⁵).

Еще одним последствием упразднения поселенческого уровня самоуправления окажется значительное сокращение депутатского корпуса, то есть лиц, непосредственно задействованных в процессах принятия решений в сфере местного самоуправления. На 1 января 2021 г. общая численность депутатского корпуса в муниципальных образованиях составила 203,3 тысячи депутатов, в том числе 17,3 тысячи депутатов представительных органов городских поселений и 147,0 тысяч депутатов представительных органов сельских поселений⁶. Количество депутатов сократится на 81 %.

Произойдет сокращение видового разнообразия муниципалитетов. Вместо восьми видов муниципальных образований, имеющих на данный момент, останется всего три: городской округ, муниципальный округ, внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения (Ст. 9, п. 2)⁷.

⁵ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (Дата обращения: 30.04.2022)

⁶ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (Дата обращения: 30.04.2022).

⁷ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной

Переход к одноуровневой системе также отразится и на количестве полномочий, распределяемых между муниципальными образованиями различного уровня, а также между муниципальными образованиями и органами государственной власти. На данный момент практика перераспределения полномочий имеет повсеместное распространение. В 2020 г. в передаче полномочий с уровня поселения на уровень района участвовало 87,0 % от общего числа городских и сельских поселений и 91,8 % муниципальных районов. Самостоятельно решать все вопросы местного значения могли органы местного самоуправления в 11,6 % городских поселений в 43 регионах и 14,3 % сельских поселений в 50 регионах⁸.

Упразднение поселенческого уровня самоуправления автоматически означает исчезновение всего объема полномочий, передаваемых на нижний уровень самоуправления и от него к другим уровням власти. Таким образом, количество взаимосвязей в существующей системе самоуправления также значительно сократится. При этом структура финансового обеспечения полномочий сохраняется в том виде, в каком на данный момент закреплена в 131-ФЗ: это субвенции на осуществление государственных полномочий, субсидии, дотации и иные межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов РФ, а также субсидии, субвенции и иные межбюджетные трансферты из местных бюджетов в бюджет субъекта РФ (глава 7)⁹.

Разделение на городские и муниципальные округа сохранится. При этом критериями отнесения муниципального образования к тому или иному виду будут выступать действующие в настоящее время требования к доле населения, проживающего в городах и (или) иных городских населенных пунктах, и площади территории городского округа, а также к плотности населения на территории городского округа (ст. 9, 13, п. 5)¹⁰. За городскими и муниципальными округами закрепляется идентичный объем полномочий в количестве 27 штук. Еще 28 полномочий могут быть закреплены за органами местного самоуправления законом субъекта Федерации (ст. 32)¹¹. Подробный анализ содержания полномочий, закрепляемых за оставшимися муниципальными образованиями, не входит в задачи данной работы. Отметим, что в целом в рамках нового законопроекта сокращается сфера полномочий местного самоуправления и расширяются полномочия региональных органов власти. Более того, сам факт закрепления одинаковых перечней полномочий за различными видами муниципальных образований еще раз подчеркивает сокращение институционального разнообразия и упрощение системы местного самоуправления.

деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.04.2022)

⁸ Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства финансов РФ. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/07/main/MONITORING_2020_ITOG.docx (Дата обращения: 30.04.2022)

⁹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.04.2022)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

В совокупности все отмеченные новеллы позволяют говорить, что в сфере отечественного местного самоуправления складывается особый тип институциональной организации, который можно определить как институциональный минимализм. В самом общем плане институциональный минимализм в политике может пониматься по аналогии с минимализмом в других сферах общественной жизни: архитектуре, дизайне, искусстве. Тогда под институциональным минимализмом мы понимаем такую институциональную организацию, которая характеризуется упрощением, минимизацией составляющих ее элементов и связей между ними. Как можно заметить, тенденция к институциональному минимализму в сфере местного самоуправления проявляется в упрощении системы сразу по нескольким параметрам, происходит сокращение:

- 1) общего количества элементов в системе;
- 2) их функций;
- 3) разнообразия элементов в системе;
- 4) взаимосвязей (отношений) между ними.

Отметим, что в отечественной и зарубежной научной литературе на данный момент отсутствует понятие институционального минимализма применительно к анализу институтов, а значит, до сих пор отсутствовал феномен, ему соответствующий. С одной стороны, это можно воспринимать как свидетельство нежизнеспособности институтов, отвечающих критериям минималистичного дизайна. Поскольку институциональные комплексы формируются в процессе исторического развития, то они, как правило, представляют собой достаточно сложные образования, которые в разной степени могут обладать такими чертами как формализованность, рациональность, эффективность. С другой стороны, минимализм как особенность институциональной организации может выступать маркером процессов, происходящих в исследуемой системе: можно предположить, что сокращение элементов наблюдается при распаде системы, потере ею самостоятельности и включении в более крупную систему в качестве составного элемента.

На наш взгляд, понятие «институциональный минимализм» вполне может быть введено в сферу анализа современных политических институтов, поскольку наиболее точно отражает новый аспект отечественных политических реалий, проявившийся именно в новой реформе местного самоуправления.

Наиболее ярким проявлением институционального минимализма можно считать введение одноуровневой системы местного самоуправления. Однако отметим, что переход к одноуровневой системе не осуществляется отдельно, а существует в изменяющемся институциональном поле, то есть сопровождается введением целого комплекса новых правил, каждое из которых работает в одном и том же направлении упрощения институциональной организации местного самоуправления и сокращения сферы его влияния. В то же время, на наш взгляд, введение одноуровневой системы местного самоуправления может рассматриваться как основная новелла законодателя, которая автоматически вызывает ряд последствий в изменении правил институциональной организации и установление минималистичного институционального дизайна.

Также стоит отметить, что одноуровневая организация местного самоуправления уже получила частичное распространение во второй половине 90-х гг.

XX в., в период действия 154-ФЗ, когда выбор модели развития местного самоуправления осуществлялся на уровне субъектов Федерации. В результате к 1998 г. в 38 субъектах РФ муниципальные образования на уровне поселений были ликвидированы, а их функции переданы на районный уровень [Пашенцев, 1999]. Однако в указанный период одноуровневая модель самоуправления была лишь одним из типов и существовала наряду с двух- и трехуровневыми моделями. Принятый следом 131-ФЗ отошел от одноуровневой модели местного самоуправления в пользу одновременно унифицированного, но более сложного типа институциональной организации местного самоуправления. Новый Законопроект-2021 закрепляет одноуровневую модель организации местного самоуправления как единственно возможную.

Таким образом, ориентация на установление минималистичного дизайна может рассматриваться как новый тренд, который только начал проявляться в сфере местного самоуправления и нашел отражение в Законопроекте-2021. Кроме этого в проекте новой реформы отчетливо проявились тенденции, которые раньше уже существовали в сфере местного самоуправления. Именно они задают контекст для развития институционального минимализма, делая возможным проявление минимализма в отдельно взятой институциональной сфере. Это тенденции к огосударствлению местного самоуправления и к его унификации, которые определяли его развитие на протяжении последних двух десятилетий и которые получили новое специфическое проявление в ходе разработки Законопроекта-2021.

Изменения в концептуальной трактовке местного самоуправления и тренд на гиперогосударствление

Одной из тенденций, которая определяет развитие местного самоуправления, выступает тенденция к огосударствлению местного самоуправления, то есть потеря им самостоятельности в качестве политического института и все большем встраивании во властную вертикаль. О тенденции к огосударствлению местного самоуправления исследователи заговорили в начале 2000-х гг. в связи с принятием 131-ФЗ. Муниципальная реформа 2003 г. воспринималась как часть мероприятий по усилению влияния федерального центра над регионами. При этом самоуправление трактовалось как самостоятельный институт, а в самом тексте 131-ФЗ возможность вмешательства государства в дела местного самоуправления ограничивалась четко оговоренными случаями. В сфере местного самоуправления была введена система правил, единая для всех регионов, кроме этого, установилось главенство федерального законодателя в вопросах регламентации и институциональной организации местного самоуправления. Все это дало исследователям повод говорить об изменениях в концептуальной трактовке отечественного местного самоуправления с общественной на государственную [Нечаев, 2006]. В. Гельман, анализируя реформу 2003 г., охарактеризовал новый этап как этап муниципальной контрреволюции, противоположный этапу муниципальной революции второй половины 1990-х гг. [Реформа..., 2008. С. 12].

Тенденция к огосударствлению местного самоуправления получила развитие в ходе принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. Во-первых, в текст Кон-

ститутции было введены понятия «публичная власть», «единая система публичной власти» и «органы, входящие в единую систему публичной власти» (ст. 80 ч. 2)¹². Во-вторых, были внесены значительные изменения в главу 8, содержащую статьи, касающиеся института местного самоуправления. В тексте обновленной Конституции отсутствует упоминание поселенческого принципа как основы территориальной организации самоуправления (о том, как данное положение, введенное два года назад, было реализовано в новом Законопроекте, мы показали выше). В статью 131 введен отдельный пункт: «1.1. Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» (ст. 131 ч. 1 п. 1) Часть 3 статьи 132 гласит: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ст. 132 ч. 3).

На наш взгляд, поправки в Конституцию, официально объединив в рамках единой системы органы государственной власти и местного самоуправления, тем самым легитимизовали тесное взаимодействие, уже существующее между этими структурами, сложившееся под воздействием комплекса социально-экономических, исторических и культурных факторов. Данной позиции придерживаются и другие исследователи [Степанов, 2021; Чертков, 2020].

В рамках Законопроекта-2021 тезис о единой системе публичной власти получил последовательное закрепление. Место самоуправления в единой системе публичной власти, а также принципы взаимодействия с органами государственной власти определены в статье 1: «4. В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (ст. 1 п. 4)¹³; «6. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 1 п. 6); «8. Органы публичной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами участвуют в решении задач местного самоуправления» (ст. 1 п. 8). Статья 2 содержит следующее положение: «Органы публичной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами обеспечивают установленные Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом права граждан на осуществление местного самоуправления» (ст. 2 п. 3).

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной вла-

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 30.04.2022)

¹³ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.04.2022)

сти» законодатели, ссылаясь на заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3, предлагают следующее понимание принципа единства публичной власти: «Принцип единства публичной власти предполагает “согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан” (Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3)»¹⁴.

Все изложенные положения показывают, что сфера вопросов местного значения отныне в обязательном порядке оказывается сферой совместной компетенции государства и местного самоуправления. Институт местного самоуправления становится лишь элементом в общей системе политической власти, причем занимает в ней подчиненное положение.

Также отметим, что Законопроект-2021 содержит ряд положений, усиливающих зависимость органов местного самоуправления от органов государственной власти. Сама по себе возможность участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления оказывается одной из самых важных новелл нового законопроекта. В частности, пункт 7 статьи 14 гласит: «Участие органов государственной власти и их должностных лиц в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления допускается в случаях и порядке, предусмотренным настоящим Федеральным законом» (ст. 14 п. 7)¹⁵. Пункт 1 статьи 19 гласит, что «в соответствии с принципом единства системы публичной власти глава муниципального образования, возглавляющий местную администрацию, одновременно замещает государственную должность субъекта Российской Федерации и муниципальную должность» (ст. 19 п. 1).

В качестве одного из способов формирования института глав муниципальных образований сохраняется аналог избрания по конкурсу. Глава может избираться представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ, то есть непосредственно главой региона (ст. 19 п. 2). Отметим, что в соответствии с ФЗ-2003 в аналогичном случае кандидаты на пост главы представляются специально сформированной конкурсной комиссией. Несмотря на то что в качестве возможных способов формирования института глав новый Законопроект-2021 предусматривает и избрание на прямых выборах, и избрание депутатами из своего состава, причем именно избрание по конкурсу скорее всего окажется в дальнейшем наиболее распространенной практикой. Этот способ формирования был введен в 2015 г. и к началу 2021 г. таким образом были избраны 54 % глав муниципальных районов, 73 % глав городских округов и 97 % глав муниципальных округов, то есть главы в тех видах муниципальных

¹⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/6E13A1A9-6E8B-4F98-9B52-4A9427FBF667> (Дата обращения: 30.04.2022)

¹⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.04.2022)

образований, которые составят новый каркас территориальной организации местного самоуправления¹⁶.

Новый закон предполагает усиление ответственности глав муниципальных образований и глав местных администраций перед высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации и предусматривает четкие основания для их отстранения, в том числе в связи с недостижением эффективности.

Все описанные выше пункты показывают особенности проявления тенденции к огосударствлению местного самоуправления на современном этапе.

Если раньше шла смена концептуальных трактовок местного самоуправления от общественной к государственной, то теперь трактовка самоуправления становится не просто государственной, а гипергосударственной. Современные исследователи характеризуют новый подход к построению системы власти как «квазикорпоративный» и отмечают, что происходит трансформация института местного самоуправления из демократического в чисто технократический [Зикеев, 2022. С. 77]. Соглашаясь с данной позицией, отметим, что тренд на огосударствление отражает не просто желание законодателя выстроить сильную систему власти, а включает идеологическую составляющую. Ориентация на западные модели местного самоуправления сменяется стремлением выработать отечественные аутентичные модели. Грядущую реформу местного самоуправления в этом плане можно рассматривать как образец отечественного варианта «импортозамещения демократии». Правовые основания этих процессов были обеспечены внесением поправок в Конституцию РФ, введением категории «единая система публичной власти» и реализацией соответствующих положений в рамках федерального законодательства. Местное самоуправление в таких условиях не просто теряет институциональную независимость, а оказывается лишь одним из элементов общей системы политической власти, ее нижним уровнем.

Очевидно, что грядущие изменения в институциональной организации местного самоуправления не являются ситуативным и спонтанным решением законодателя, а выглядят как продуманная долгосрочная стратегия. Об этом свидетельствует и характер поправок в Конституцию и изменения в 131-ФЗ, которые постепенно начиная с 2014 г. изменяли правила институциональной организации в сторону ее сближения с государственной властью.

Два аспекта унификации

Еще одной тенденцией, характеризующей развитие местного самоуправления, является тенденция к унификации элементов системы. Возникновение этой тенденции в современной России связано с принятием 131-ФЗ. Все его новации были связаны с введением единых правил функционирования местного самоуправления на всей территории РФ в противовес многообразию видов и моделей местного самоуправления, существовавшему в период действия 154-ФЗ.

¹⁶ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (Дата обращения: 30.04.2022)

131-ФЗ ввел двухуровневую систему самоуправления, единую для всех регионов; утвердил закрытый перечень видов муниципальных образований в количестве пяти: городской округ, муниципальный район, городское поселение, сельское поселение, внутригородская территория города федерального значения; определил критерии отнесения муниципалитетов к тому или иному виду муниципальных образований на основе численности населения и территориальных характеристик. Можно предположить, что унификация институциональной организации местного самоуправления была призвана обеспечить баланс между децентрализацией и управляемостью.

В новом Законопроекте-2021 тенденция к унификации оказывается еще более выражена. Она проявляется и в стремлении законодателя установить одинаковый объем полномочий для различных видов муниципальных образований, как мы показали выше. Унификация проявляется и в стремлении снизить видовое разнообразие муниципальных образований, что можно интерпретировать в том числе как снижение общего количества элементов в системе местного самоуправления. В данном случае, на наш взгляд, унификация предстает как одно из проявлений институционального минимализма.

Также мы полагаем, что на современном этапе происходит не только процесс унификации системы местного самоуправления как таковой, но также имеет место унификация элементов внутри единой системы политической власти.

Можно выделить целый ряд моментов, в которых этот процесс проявляется наиболее ярко. В соответствии с концепцией единой системы публичной власти РФ ее частями являются не только местное самоуправление, но и органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях. Реформа региональных органов власти была инициирована осенью 2021 г. (то есть менее чем за полгода до внесения Законопроекта МСУ-2021) путем внесения в Государственную Думу РФ соответствующего законопроекта и затем принятия Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹⁷ (далее 414-ФЗ). В Пояснительных записках к обоим законопроектам указывается, что каждый из них «подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти»¹⁸. Заключение Правительства РФ на Законопроект МСУ содержит прямые и неоднократные рекомендации привести его текст в соответствие с положениями уже принятого 414-ФЗ¹⁹.

¹⁷ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. – N 296 (8645). – 27.12.2021

¹⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/6E13A1A9-6E8B-4F98-9B52-4A9427FBF667> (Дата обращения: 30.04.2022); Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/B893AE5F-7529-4265-BC75-A98B00E5689B> (Дата обращения: 30.04.2022)

¹⁹ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом, депутатом Государствен-

414-ФЗ закрепляет принципы деятельности органов публичной власти на уровне субъектов РФ. Речь идет о региональных органах власти и принципах их взаимодействия с федеральными и муниципальными органами власти. Сравнительный анализ Законопроекта-2021 и 414-ФЗ показывает, что многие положения Законопроекта, в том числе касающиеся ответственности глав муниципальных образований, сформулированы по аналогии с соответствующими пунктами 414-ФЗ, регламентирующими ответственность глав регионов.

В том числе законопроект содержит пункты, направленные на установление ответственности глав субъектов РФ перед Президентом РФ с одной стороны и ответственности должностных лиц местного самоуправления перед главой субъекта РФ, с другой стороны. Согласно данному закону, Президент РФ вправе объявить выговор, вынести предупреждение и отрешить от должности главу субъекта РФ в случае ненадлежащего им исполнения своих обязанностей (ст. 29)²⁰. Аналогично глава региона вправе вынести предупреждение и отстранить от должности главу муниципального образования или администрации в случае ненадлежащего исполнения обязанностей и непринятия мер по устранению причин предупреждения в течение месяца (ст. 25 пп. 12, 13)²¹.

На данный момент на рассмотрении в ГД РФ находится пакет поправок к 414-ФЗ, которые касаются дальнейшего уточнения критериев оценки работы глав муниципальных образований и местных администраций со стороны глав регионов. При этом, как указывают законодатели, механизмы реализации вышеуказанных положений должны быть урегулированы Законопроектом-2021²².

Таким образом, можно утверждать, что реформа местного самоуправления выступает частью более масштабной реформы всей системы политической власти. Реформа местного самоуправления и его сближение с органами государственной власти оказывается не отдельным процессом, а частью общей реформы системы политической власти в направлении выстраивания единой системы публичной власти. В ходе общей реформы процессы реформирования различных уровней власти происходят параллельно и унифицированно. В частности, процесс реформирования местного самоуправления происходит по аналогии и параллельно с унификацией структуры региональной власти, под контролем федеральных властей и в направлении последовательного развития положений Конституции РФ.

ной Думы П. В. Крашенинниковым [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/4E57762A-453C-45BB-B510-C1B268537D1D> (Дата обращения: 30.04.2022)

²⁰ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (Дата обращения: 30.04.2022).

²¹ Там же.

²² Законопроект № 93457-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2F306F55-B6BA-4BAD-92D0-D1A940BB54EB> (Дата обращения: 30.04.2022).

Заключение

Итак, грядущая муниципальная реформа не отменяет основные тенденции в развитии местного самоуправления сложившиеся на предыдущем этапе развития, а, напротив, усиливает их. Тенденция к огосударствлению местного самоуправления продолжается в виде выстраивания единой системы публичной власти, в которой местная власть оказывается элементом, зависимым от власти государственной. Процессы унификации внутри системы местного самоуправления также усиливаются и дополняются процессами унификации между различными уровнями власти внутри выстраиваемой единой системы публичной власти.

Важным этапом отношений государства и местного самоуправления оказывается, на наш взгляд, переоценка ценностей. То, что раньше рассматривалось в качестве препятствий на пути достижения западных стандартов (вертикализация, унификация, недостаточность инициатив снизу, неразвитость культуры демократического участия), на современном этапе начинает восприниматься как неизменный культурный паттерн, который должен учитываться и воспроизводиться в политическом процессе. Именно он и оказывается новой целью политического реформирования, в том числе в сфере местного самоуправления. Вся стратегия в целом характеризуется отходом от принципа безоговорочного транзита демократических институтов и ориентацией на поиск модели, более соответствующей социально-экономическим и культурным реалиям России.

Можно утверждать, что на фоне указанных процессов характерной чертой новой институциональной организации станет институциональный минимализм: упрощение системы местного самоуправления, снижение количества ее элементов, участников и взаимосвязей между ними. Феномен институционального минимализма интересен как проявление закономерностей развития и особенностей институциональной организации в обществах, развивающихся по транзитному типу и переживающих откат от демократических к авторитарным моделям развития. Появление этого феномена выдвигает интересные вопросы относительно факторов, влияющих на его развитие, особенностей и границ его проявления в различных условиях. Представляется, что институциональный минимализм представляет собой тип институциональной организации, который может существовать только в контексте включения в более широкую систему.

Сама возможность такой институциональной организации в сфере местного самоуправления обусловлена снижением автономии самоуправления. Упрощение системы в данном случае достигается за счет встраивания местного самоуправления в более крупную систему политической власти, элементы которой принимают на себя часть его функций.

Список литературы / References

- Волынский А. И.** Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе / А. И. Волынский // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–40. DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-4-29-40.

- Voly'nskij A. I.** Institucional'ny'j dizajn i teoriya reform v rossijskom e'konomicheskom diskurse [Institutional design and theory of reforms in russian economic discourse] *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29-40. (In Russ.)
- Зикеев В. А.** Технократизация местного самоуправления // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 1 (97). С. 74–77.
- Zikeev V.** *Technocratization of local self-government*. *Voprosy' mestnogo samoupravleniya: strategiya i praktika municipal'nogo razvitiya – Issues of local self-government: strategy and practice of municipal development*, 2022, no.1 (97), pp. 74-77. (In Russ.)
- Митрохин С.** Особенности реализации муниципального проекта в России: некоторые аспекты федеральной политики // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации / Под ред. С. Рыженкова, Н. Винника. М.: МОНФ, 1999. С. 29–30.
- Mitrokhin S.** Osobennosti realizacii municipal'nogo proekta v Rossii: nekotory'e aspekty' federal'noj politiki [Features of the implementation of a municipal project in Russia: some aspects of federal policy] *Reforma mestnogo samoupravleniya v regional'nom izmerenii* [Reform of local self-government in the regional dimension] Moscow: MONE, 1999. pp. 29–30. (In Russ.)
- Нечаев В. Д.** Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России / В. Д. Нечаев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.
- Nechaev V. D.** *Osnovny'e tendencii v institucional'noj organizacii mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii* [The main trends in the institutional organization of local self-government in modern Russia] *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, 2006, no. 4, pp. 22-44. (In Russ.)
- Остром Э.** Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Киев, 2013. 400 с.
- Ostrom E'.** *Upravlenie obshhim. E'voluciya institucij kolektivnogo dejstviya* [Governing the commons. The evolution of institutions for collective action] Kiev, 2013. (In Russ.)
- Пашенцев В.** Организация местного самоуправления в российских регионах: цифры и типы // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999. С. 44–57.
- Pashencev V.** *Organizaciya mestnogo samoupravleniya v rossijskix regionax: cifry' i tipy'* [Organization of local self-government in Russian regions: datas and types]. *Reforma mestnogo samoupravleniya v regional'nom izmerenii* [Reform of local self-government in the regional dimension]. М., 1999, pp. 44–57. (In Russ.)
- Реформа местной власти в городах России, 1991–2006: моногр. / Владимир Гельман [и др.; ред. Брезман А. О.]; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Центр изучения современной политики. – Санкт-Петербург: Норма, 2008. 367 с.
- Reforma mestnoj vlasti v gorodax Rossii, 1991–2006* [Reform of local government in Russian cities, 1991–2006] SPb.: Norma, 2008. (In Russ.)

- Степанов М. М.** Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 35–41. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.035-041.
- Stepanov M. M.** Mestnoe samoupravlenie v kontekste konstitucionnoj reformy' 2020 goda [Local self-government in the context of the 2020 constitutional reform]. *Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava* – Actual Problems of Russian Law, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 35–41. (In Russ.)
- Упоров И. В.** Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы / И. В. Упоров, Е. В. Гришай, М. Ю. Попов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 123–127. DOI 10.23672/19839-9944-7312-d.
- Uporov I. V.** Mestnoe samoupravlenie v Rossii na poroge peremen: k zakonoproektu est' voprosy' [Local government in Russia on the threshold of change: there are questions to the draft law]. *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshchestvenny'e nauki* – Humanities, social-economic and social sciences, 2022, no. 1, pp. 123–127. (In Russ.)
- Чертков А. Н.** Государство и местное самоуправление в России: принцип единства публичной власти и проблемы разграничения её компетенции / А. Н. Чертков // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 39–50. DOI 10.18384/2310-6794-2020-2-39-50.
- Chertkov A. N.** Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie v Rossii: princip edinstva publichnoy vlasti i problemy' razgranicheniya eyo kompetencii [State and local self-government in Russia: principle of unity and problems of delimiting competences]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya* – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2020, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.)

Информация об авторе

Зазулина Мария Рудольфовна

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author

Mariia R. Zazulina

Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher Institute of Philosophy and Law SB RAS

Статья поступила в редколлегию 13.05.2022;
одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 13.05.2022;
approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 15.06.2022

Научная статья

УДК 130.2+316.334.56+394.014

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-143-154

Этническая идентичность представителей тувинской диаспоры в г. Абакане

Евгения Юрьевна Немкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Аннотация:

В работе проводится анализ результатов пилотажного социокультурного исследования тувинской диаспоры города Абакана, проведенного учеными Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Результаты исследования описывают социальную структуру анализируемой этнической группы, уровень взаимодействия между членами, причины переезда в другой национальный регион, а также активность социокультурных установок. Помимо этого, акцентируется внимание на уровне выраженности этнической идентичности представителей тувинской диаспоры, который в результате исследования характеризуется как повышенный. Автор также приходит к выводу, что этническая идентичность анализируемой группы переходит в категорию интерсубъективности и не носит субъективный характер.

Ключевые слова

постиндустриальный урбанизм, этноурбанистика, этнокультурная идентичность, культурный ландшафт, иконический поворот

Для цитирования

Немкова Е. Ю. Этническая идентичность представителей тувинской диаспоры в г. Абакане // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 143–154. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-143-154

Ethnic Identity of Members of the Tuva Diaspora in Abakan

Evgeniya Y. Nemkova

Khakass State University
Abakan, Russian Federation

eva1986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2967-7029>

Abstract

The work analyzes the results of a pilot socio-cultural study of the Tuvan diaspora of the city of Abakan, conducted by researchers of the N.F. Katanov Khakass State University. The results of the study describe the social structure of the analyzed ethnic group, the level of interaction between members, the reasons for moving to another national region, as well as the activity of socio-cultural attitudes. In addition, attention is focused on the level of expression of the ethnic identity of representatives of the Tuvan diaspora,

© Немкова Е. Ю., 2022

which, as a result of the study, is characterized as increased. The author also comes to the conclusion that the ethnic identity of the analyzed group passes into the category of intersubjectivity and is not subjective.

Keywords

post-industrial urbanism, ethno-urbanism, ethno-cultural identity, cultural landscape, iconic turn

For citation

Nemkova E. Ethnic identity of members of the Tuva diaspora in Abakan. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 143–154. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-143-154

Принадлежность, осознание, самосознание и другие подобные термины являются одновременно связанными, но в то же время самостоятельными во время декомпозиции такого понятия, как идентичность. При обращении к общедоступной «Новой философской энциклопедии» (2001) мы видим, что «идентичность – (нем. *Identität*, англ. *identity*, фр. *l'identité*) – как логическая категория означает отношение, члены которого тождественны друг другу <...> в качестве категории метафизики идентичность (тождество) есть характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие»¹.

Этническая идентичность представляет собой результат осознания именно этнической принадлежности, отождествление себя с представителями своего и отделения от других этносов. Помимо этого, характерной чертой идентичности является глубокое личностно-значимое осмысление своей этнической принадлежности [Науменко, 2010. С. 142]. В отличие от этнической принадлежности, где индивида общество относит к определенной этнической группе или категории, этническая идентичность является именно его (индивида) самоопределением в «итоге конструирования образа окружающего мира и своего места в нем» [Науменко, 2010. С. 142]. Также этническая идентичность не равна этническому самосознанию, так как включает в себя, по мнению таких авторов, как С. В. Лурье [Лурье, 1999], А. В. Сухарев [Сухарев, 1997], Г. У. Солдатов [Солдатов, 1998] и др., элемент этнического бессознательного и предполагает эмоционально-ценностное переживание своей этнической принадлежности.

Феномену этнической идентичности уделяют внимание специалисты различных областей знания: психологии, социологии, культурологии, антропологии. С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев в центр своих исследований ставили понятие этноса, выделяя при анализе этнической идентичности особые компоненты, подходы, процессы и параметры. Основными критериями этнической идентичности в данном случае принято считать такие компоненты как родной язык, религия, культура и традиции, общность происхождения индивидов. Е. М. Галкина, например, в исследовании этнической идентичности выделяет психологический (ведь этническая идентичность есть свойство психики человека), социально-психологический и социальный подходы. В первом подходе акцент ставится на личность как на носителя этнокультурных особенностей. В этом ключе идентичность является составляющей структуры личности и ее самосознания. В рамках второго личность рассматривается как часть этнической группы, а этни-

¹ См.: Идентичность // Словари онлайн: Философская энциклопедия. URL: <https://russianphilosophical-enc.slovaronline.com/3890-ИДЕНТИЧНОСТЬ> (дата обращения: 15.12.2021)

ческая идентичность как составляющая социальной идентичности, где личность переживает и осознает свою принадлежность к тем или иным социальным группам и общностям. С точки зрения третьего, социального этническая идентичность анализируется как феномен этнического самосознания целой этнической группы или общности [Науменко, 2010. С. 143].

В данной статье анализируется идентичность представителей конкретной этнической группы, самостоятельно и по собственному волеизъявлению попавших в другое национальное пространство. Нас интересовали вопросы сохранения социокультурных связей представителей данной группы, их плотности, особенности взаимодействия и условия проживания членов анализируемой группы в ином социокультурном пространстве. Речь идет о тувинской этнической группе, которая является титульной нацией в Республике Тыва.

Республика Тыва с 1944 г. входит в состав России и с точки зрения административно-территориальных границ является соседской по отношению к современной Республике Хакасия уже не одно столетие. Тувинцев и хакасов связывает общее прошлое кочевников и традиционная религия – шаманизм.

По данным Красноярскстата, население Тывы на 01 января 2021 г. составляет 330 368 человек². Информация о численности коренного населения – тувинцев – известна только по данным переписи 2010 г.; она составляла 249 299 человек (80,9 % от общей численности). В Республике Хакасия на тот момент проживало менее тысячи тувинцев. Таковы сведения официальной статистики.

Актуальность исследования связана с увеличением количества жителей соседской республики как в образовательных, так и в других (в том числе производственных) организациях столицы Хакасии, так как именно Абакан является самым близким административным центром к Тыве. Студенты после окончания обучения создают семьи, воспитывают детей, работают на предприятиях Абакана. Увеличивается количество учителей и преподавателей, работников бюджетной сферы и предпринимателей, которые являются этническими тувинцами. Молодые семьи из Тывы также переезжают в Абакан для работы и проживания.

Несмотря на это, в настоящее время нет ни количественных, ни качественных данных о тувинцах Абакана: детские сады, школы и другие образовательные учреждения не ведут статистику численности воспитанников и обучающихся, нет информации и об особенностях жизнедеятельности абаканских тувинцев. По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Хакасия, официально не зарегистрирована ни одна организация тувинцев. В то же время Министерство территориальной и национальной политики Республики Хакасия сообщает, что в республике активную деятельность ведет незарегистрированная организация – Абаканское молодежное тувинское землячество. Поэтому важно изучить данную этническую группу на территории Абакана, выявить социокультурные связи внутри данного сообщества, изучить причины переезда тувинцев в столицу Хакасии.

В сентябре–октябре 2021 г. научно-исследовательским институтом археологии и этнографии Хакасского государственного университета было проведено

² См.: Оценка численности постоянного населения Республики Тыва / Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://www.krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения 15.12.2021)

пилотажное исследование представителей тувинской этнической группы, целью которого стал анализ социальной структуры и этнической идентичности тувинской диаспоры в Абакане.

Задачи исследования:

- выделить основные сферы жизнедеятельности представителей тувинской диаспоры Абакана;
- проанализировать их социально-экономическое положение;
- выявить наличие общественно-культурных связей приезжих тувинцев как внутри диаспоры, так и с населением Абакана в целом.

Гипотеза исследования – тувинская диаспора Абакана представляет собой сплоченное, закрытое сообщество, имеющее определенную структуру, представители которого тесно взаимодействуют между собой и идентифицируют себя со своей этнической группой на территории другого национального региона.

Объектом исследования выступила тувинская диаспора Абакана, предметом – ее социальная структура и этническая идентичность. В качестве методов исследования определены экспертное и глубинное интервью, массовое анкетирование. Организационной площадкой анкетирования послужил доступный сервис «Google-формы», в качестве методики отбора респондентов выбран «снежный ком». Данная методика помогает расширять круг опрашиваемых в условиях исследования неизученного ранее объекта.

В анкетировании приняли участие 65 представителей тувинской диаспоры в возрасте от 18 лет и более (всего 3,1 % респондентов отметили, что им в настоящее время еще нет 18 лет).

По данным опроса, 30 % опрошенных имеют ежемесячный доход от 35 тысяч рублей и выше (рис. 1). Это, согласно Паспорту муниципального образования город Абакан за 2020 г., ниже, чем в среднем по городу (среднемесячная начисленная заработная плата работающих – 50 512,4 руб.). В опросе в большинстве своем (92,3 %) приняли участие представители женского пола. Возраст респондентов находится в границах 26–35 и 36–45 лет (по 29,2 % каждая группа).

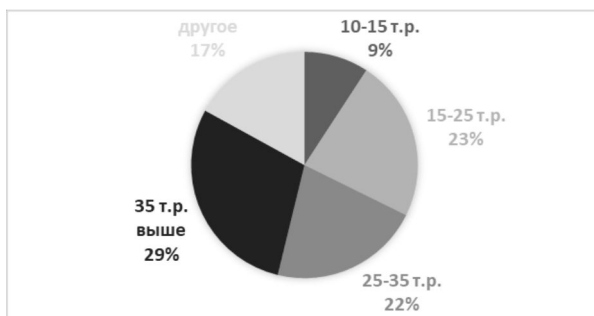

Рис. 1. Уровень дохода респондентов

Pic. 1. Respondents income level

На вопрос «Состоите ли Вы в браке» ответы распределились поровну: 50,8 % ответили «Да», 49,2 % – «Нет». Более трети опрошенных (33,8 %) имеют троих и более детей, 27,7 % – двоих, 21,5 % – одного и 16,9 % не имеют детей.

Продолжительность проживания респондентов в Абакане в основном 1–3 года: 28 % респондентов проживают в столице Хакасии 1–3 года, 23 % – менее года, 15,4 % – более 10 лет. Приведенные показатели подтверждают наблюдение исследователей о том, что резкое увеличение количества представителей тувинской этнической группы произошло за три последних года.

В связи с этим был задан вопрос о причинах переезда в столицу Хакасии (рис. 2). На первом месте расположились такие ответы: «В Абакане больше возможностей для самореализации» (37 %) и «В Абакане больше возможностей получить качественное образование» (35,4 %). Третьей причиной по значимости является вопрос трудоустройства: «В Абакане больше возможностей устроиться на работу» – так ответили 29 % респондентов. Для представителей тувинской диаспоры большую роль играют кровнородственные связи и отношения, что подтверждают и результаты опроса. В качестве предложенных причин переезда были и такие: «В Абакане учатся / работают мои друзья-земляки» и «В Абакане проживают мои родственники», в сумме данные причины составляют 33,8 %, что больше варианта с трудоустройством.

Также переезд в Абакан представители тувинской этнической группы связывают с невозможностью переезда в другие города (9,2 %) и в качестве временного места жительства (9,2 %).

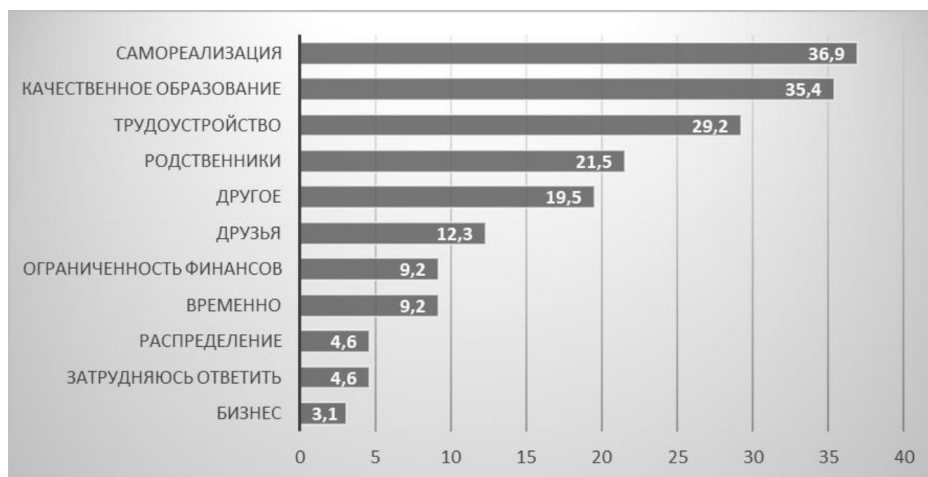

Рис. 2. Причины переезда респондентов в г. Абакан
Pic. 2. Reasons for respondents to move to Abakan

Достаточно большое количество респондентов (19,5 %) отметили вариант «Другое», в котором указали, что переехали в Абакан из-за детей (вновь отсылка к кровнородственным связям); отмечали близость Абакана по отношению к Туве, безопасность и отсутствие межэтнических конфликтов, расширенные возможности для ведения фермерского хозяйства.

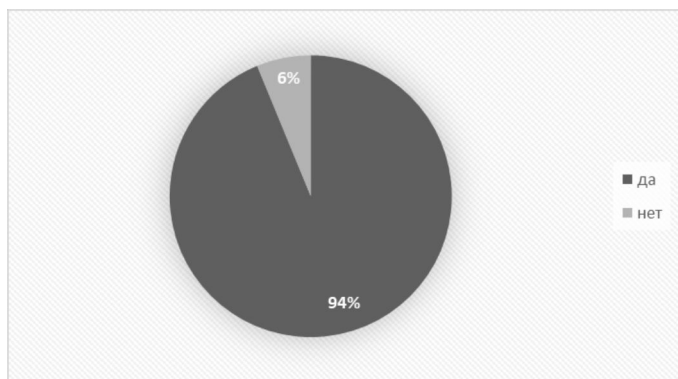

Рис. 3. Членство респондентов в общественных организациях

Pic. 3. Membership of respondents in public organizations

Известно, что на территории города Абакана нет официально зарегистрированных тувинских организаций. Респондентам был предложен вопрос «Состоите ли Вы в какой-либо общественной организации совместно с другими представителями тувинской этнической группы?». Ответы распределились следующим образом (рис. 3): отметившие вариант «Да» указали, что они состоят в молодежной организации студентов. Это неофициальное, но реально действующее объединение, которое занимается организацией национальных праздников и мероприятий для тувинского землячества. По информации министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия, в последнее время не проявляет особой активности.

Преобладание ответа «Нет» на предыдущий вопрос объясняется видом деятельности участников опроса: 52 % отнесли себя к категории «работающий», 40 % – «учащийся». Всего 8 % не работают либо находятся на пенсии.

Одной из задач исследования было выявление общественно-культурных связей приезжих тувинцев как внутри диаспоры, так и с населением Абакана. Респондентам предложили назвать как национальный состав близкого окружения, так и интенсивность взаимодействия с другими представителями тувинской этнической группы (рис. 4).

По данным исследования, половина опрошенных (47,7 %) в близком окружении имеет «представителей любых этнических групп», на втором месте (23,1 %) «преимущественно представителей тувинской этнической группы». На третьем месте (16,9 %) расположился ответ «затрудняюсь ответить». Всего у 12 % в близком окружении «преимущественно представители других этнических групп».

Несмотря на то что в близком окружении опрошенных преимущественно «представители любых этнических групп», часть респондентов все же ежедневно проводят время с представителями своей (тувинской) этнической группы (23,1 %). С другой стороны, 21,5 % отметили вариант «Не провожу время с другими представителями тувинской этнической группы». На третьем же месте расположился ответ «Провожу время с представителями тувинской этнической группы 1–2 раза в месяц».

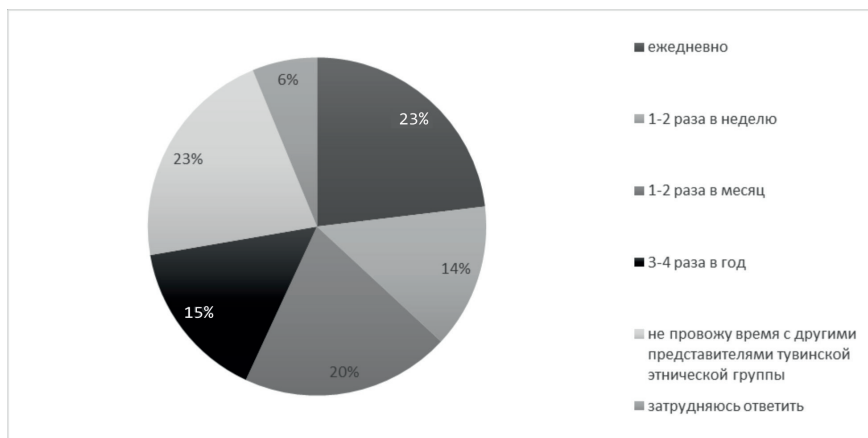

Рис. 4. Частота встреч с представителями этнической группы
 Pic. 4. Frequency of meetings with representatives of the ethnic group

Такие полярные по отношению друг к другу ответы связаны с видом деятельности участников опроса. Респонденты – учащиеся средних профессиональных и высших учреждений чаще отмечали, что в их близком окружении представители любых этнических групп. Работавшие же респонденты говорили, что в их близком окружении преимущественно представители тувинской этнической группы.

Что же касается совместного времяпровождения, то здесь не отмечена корреляция между сферой деятельности и частотой встреч.

Рис. 5. Поводы для встреч представителей этнической группы
 Pic. 5. Reasons for meetings of representatives of an ethnic group

Участникам опроса было предложено указать основные поводы для встреч друг с другом (рис. 5). Большинство встречается без повода: это может быть общение в кафе, прогулка по городу либо что-то другое (38,5 %). Треть опрошенных (33,8 %) поздравляют друг друга с Новым годом, днем рождения и прочими праздниками. Около трети (30,8 %) вместе отмечают традиционные тувинские празд-

ники (в основном указывали на тувинский Новый год – Шагаа); 18,5 % сказали, что не встречаются с другими представителями тувинской группы. Указывались также туристические поездки (10,8 %), совместная работа (13,8 %) и учеба (10,8 %).

Важным фактором сплоченности и идентичности этнической группы является знание родного языка (рис. 6): 95,4 % респондентов владеют тувинским языком, причем 89,2 % в совершенстве; лишь 6,2 % могут оперировать только базовым набором фраз.

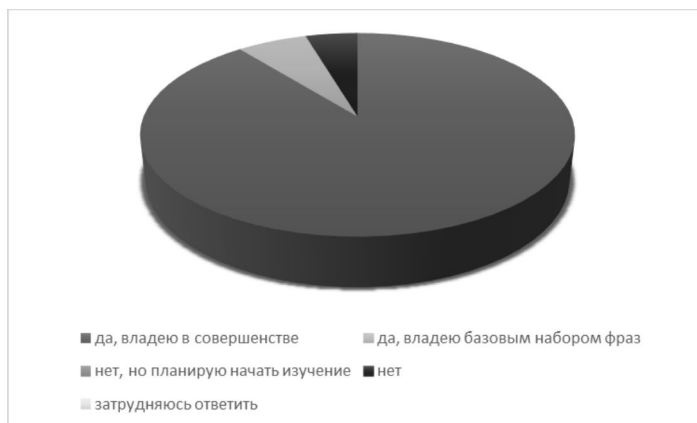

Рис. 6. Владение тувинским языком
 Pic. 6. Knowledge of the Tuvan language

Для измерения выраженности этнической идентичности анализируемой группы была использована методика Дж. Финни [Татарко, Лебедева, 2011]. Это шкала, в основе которой лежит блок вопросов, касающихся выявления отношения респондентов к своей группе. Обследуемым предлагается 12 высказываний, которые они должны оценить по четырехбалльной шкале.

Данная шкала позволяет выявить степень выраженности для респондента своей этнической идентичности. В отличие, например, от таких методик, как «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленд, направленных на анализ установок относительно самого себя, шкалы экспресс-оценок чувств Н. Лебедевой, связанные с этнической принадлежностью, используются в полевых условиях, когда нет времени на работу с каждым респондентом, но необходимо обработать большое количество данных. Шкальный опросник О. Романовой направлен на изучение этнической идентичности детей и подростков [Татарко, Лебедева, 2011]. В связи с этим наиболее подходящей стала именно методика Дж. Финни.

Обследование тувинской этнической группы по данной методике позволило получить следующие результаты: средний балл по всем вопросам (равен 3,2 по четырехбалльной шкале) отражает общий уровень выраженности этнической идентичности. Это свидетельствует о том, что для респондентов важна их этническая идентичность. Максимальные оценки получили такие высказывания, как «Я хорошо отношусь к своему этническому происхождению» (утверждение 12), «Я горжусь своей этнической группой» (утверждение 9), «Я рад, что принадлежу к сво-

ей этнической группе» (утверждение 5) и «Я очень хорошо знаю свое этническое происхождение и понимаю, что оно значит для меня» (утверждение 3).

Методика Финни также дала возможность оценить когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности (рис. 7). Данные показатели по результатам анкетирования также оказались высокими. Знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков [Татарко, Лебедева, 2011] или когнитивный аспект получил коэффициент 3, чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней или аффективный аспект – 3,4. Данные показатели, согласно интерпретации шкалы, также являются высокими.

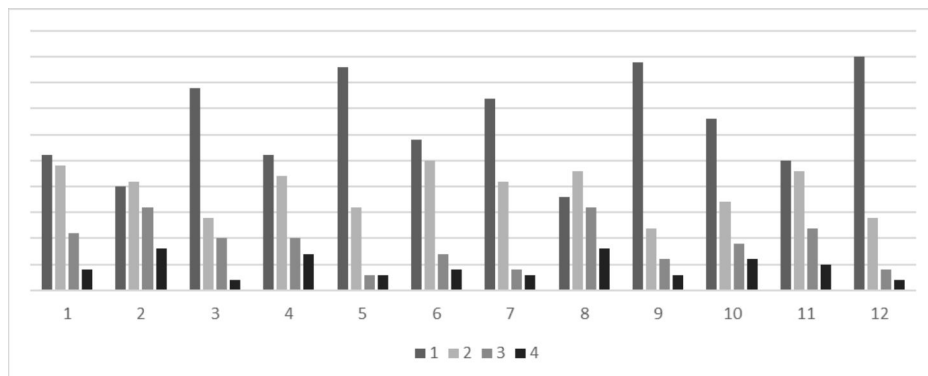

Рис. 7. Распределение ответов по методике Дж. Финни
Pic. 7. Distribution of answers according to the method of J. Finney

Наибольшее количество минимальных оценок получили высказывания «Я активен в организациях или социальных группах, которые включают преимущественно членов моей этнической группы» (утверждение 2) и «Для того, чтобы узнать больше о своей этнической группе, я говорил о ней со многими людьми» (утверждение 8). Это в действительности отражает поведение представителей тувинской этнической группы в Абакане: в настоящее время они не проявляют заметной активности. Подобные результаты уже встречались при анализе вопроса, связанного с времяпрепровождением и причинами встреч тувинской диаспоры.

Следует отметить, что высказывание «Я много думаю о том, как этническая принадлежность повлияет на мою жизнь» (утверждение 4) также получило значительное количество оценок: балл 4. Это свидетельствует о том, что участники опроса задумываются над своим происхождением и возможным его влиянием на устройство в жизни.

Что касается социально-экономических характеристик участников опроса, то следует отметить, что 60 % проживают в собственном доме или квартире, 33,8 % снимают жилье, всего 6,2 % проживают в общежитии (рис. 8). Это свидетельствует о высоком уровне жизни респондентов.

Таким образом, исследование показало, что уровень этнической идентичности респондентов довольно высок, в Абакан представители тувинской этнической

группы переезжают в основном в целях самореализации: за хорошим образованием и трудоустройством. Наличие собственного жилья и статуса многодетной семьи свидетельствует о долгосрочных планах проживания в столице Хакасии. Однозначно сказать о том, что тувинская диаспора является сплоченной, нельзя, так как в близком окружении абаканских тувинцев находятся преимущественно представители разных этнических групп и для встреч не требуется особый повод. Совместная активность в отношении проведения традиционных национальных мероприятий также довольно низкая. Об этом свидетельствует и распределение ответов по шкале Дж. Финни.

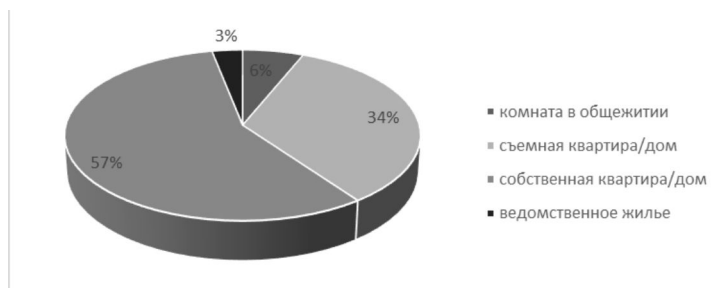

Рис. 8. Условия проживания респондентов
Pic. 8. Respondents living conditions

Анализ выраженности этнической идентичности показал, что этническая идентичность анализируемой группы уже не носит исключительно субъективный характер, о чем речь шла в самом начале статьи, но скорее переходит в категорию интересубъективности. Интересубъективность здесь можно рассматривать как особое качество межличностных коммуникаций, которая порождает и поддерживает ценностно-эмоциональную связь между индивидами, переживающими эту коммуникацию как единый образ мира, как единство интересов и ценностей [Бузский, 2015. С. 7], что позволяет соотнести ее с моделью этнической идентичности. Исследование показало, что идентичность абаканских тувинцев присутствует вне зависимости от вида деятельности и образа жизни. Владение в совершенстве родным тувинским языком является нормой для группы. Отсутствие сплоченности и активности в проведении совместных традиционных праздников также подтверждает интересубъективный характер этнической идентичности.

Одновременно не нашла подтверждения гипотеза, согласно которой абаканские тувинцы представляют собой закрытую группу. Здесь для группы, понимаемой как объединение людей, имеющих общий значимый признак, в которой у каждого члена есть своя роль, также характерно наличие интересубъективности. Респонденты понимают и признают принадлежность к тувинской этнической группе, что было подтверждено в ходе исследования, но не проявляют значительной активности во взаимодействии друг с другом.

Тот факт, что именно женщины охотнее приняли участие в проведении опроса, открывает перспективы для дальнейшего изучения тувинской диаспоры

Абакана с акцентом на гендерное разделение представителей обследуемой этнической группы.

Список литературы

- Бузский М. П.** Интерсубъективность как свойство культурно-символической формы // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2015. № 1 (27). С. 6–14.
- Науменко Л. И.** Этническая идентичность // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 142–144.
- Лурье С. В.** Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность, 1999. № 4. С. 101–111.
- Солдатов Г. У.** Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Сухарев А. В.** Введение в философско-методологические основы и понятийный аппарат этнофункционального подхода в психологии // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. ИЭА РАН, 1997. С. 417–429.
- Татарко А. Н., Лебедева Н. М.** Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011.

References

- Buzsky M. P.** Intersubektivnost kak svoystvo kulturno-simvolicheskoy formy [Intersubjectivity as a property of cultural and symbolic form]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy], 2015. no. 1, pp. 6–14.
- Lurie S. V.** Natsionalizm, etnichnost, kultura [Nationalism, ethnicity, culture]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Modernity], 1999, no. 4, pp. 101–111.
- Naumenko L. I.** Etnicheskaya identichnost [Ethnic identity]. Obrazovatel'naya politika [Educational Policy], 2010, no. 5–6, pp. 142–144.
- Soldatova G. U.** Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl, 1998.
- Sukharev A. V.** Vvedeniye v filosofsko-metodologicheskiye osnovy i ponyatiynnyy apparat etnofunktsional'nogo podkhoda v psikhologii [Introduction to the philosophical and methodological foundations and conceptual apparatus of the ethnofunctional approach in psychology]. In: Etnicheskaya psikhologiya i obshchestvo [Ethnic psychology and society] Ed. by N. M. Lebedeva. Moscow: IEA RAS, 1997, pp. 417–429.
- Tatarko A. N., Lebedeva N. M.** Metody etnicheskoy i krosskulturnoy psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Higher School of Economics, 2011.

Информация об авторе

Немкова Евгения Юрьевна

Аспирант кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Information about the Author**Evgeniya Y. Nemkova**

PhD student, Postgraduate student of the Department of Philosophy and Cultural Studies of N. F. Katanov Khakass State University

*Статья поступила в редколлегию 30.03.2022;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 30.03.2022;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Научная статья

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-155-166

Философия эллинизма в современной интеллектуальной культуре

Владимир Викторович Бровкин

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vbrovkin1980@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о месте эллинистической философии в современной культуре. Установлено, что возрождение интереса к эллинистической философии началось в конце XX в. и было связано с исследованиями П. Адо и М. Фуко. Представление этих авторов об эллинистической философии как искусстве жизни, основанном на определенных духовных практиках, получило широкое распространение в современных интеллектуальных кругах. Показано, что философские учения эллинизма, особенно стоицизм и эпикуреизм, претендуют сегодня на роль духовного руководства к жизни. Также показано, что современная психотерапия обращается за помощью к стоицизму при лечении психологических расстройств, а отдельные идеи эллинистических философов продолжают сохранять актуальность в области социально-политических отношений.

Ключевые слова

эллинистическая философия, эпикуреизм, стоицизм, П. Адо, искусство жизни, духовные практики, психотерапия

Для цитирования

Бровкин В. В. Философия эллинизма в современной интеллектуальной культуре // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 155–166. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-155-166

Hellenistic Philosophy in Contemporary Intellectual Culture

Vladimir V. Brovkin

Institute of Philosophy and Low
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
vbrovkin1980@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Abstract

The article deals with the place of Hellenistic philosophy in contemporary culture. It is established that the revival of interest in Hellenistic philosophy began at the end of the XX century and was associated with the research of P. Hadot and M. Foucault. The idea of these authors about Hellenistic philosophy as an art of living based on certain spiritual practices has become widespread in modern intellectual circles. It is shown that the philosophical teachings of Hellenism, especially Stoicism and Epicureanism, claim today to be a spiritual guide to life. Modern psychotherapy turns to Stoicism for help in the treatment of psychological disorders. Some ideas of Hellenistic philosophers continue to remain relevant in the field of socio-political relations.

Keywords

Hellenistic philosophy, epicureanism, stoicism, P. Hadot, the art of living, spiritual practices, psychotherapy

For citation

Brovkin V. V. Hellenistic Philosophy in Contemporary Intellectual Culture. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 155–166. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-155-166

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, какое значение для современной философской мысли и культуры имеют философские учения эпохи эллинизма. Как известно, в XIX и XX вв. в научных кругах уделялось недостаточно внимания философии эллинизма. Многие исследователи в философских учениях данного периода видели проявление упадочного характера эпохи эллинизма. Катастрофическое положение с источниками лишь укрепляло искаженное представление об эллинистической философии. В антиковедении на долгое время закрепилось представление о расцвете греческой философии в учениях Платона и Аристотеля. Учения же стоиков, эпикурейцев и скептиков рассматривали в качестве нисходящей линии в истории античной философии. Ситуация стала постепенно меняться в конце XX в. К философии эллинизма обращается все больше маститых исследователей. В научной литературе появляются работы, в которых дается высокая оценка эллинистической философии. Сегодня уже можно уверенно говорить о том, что в процессе реабилитации философских учений эллинизма достигнуты определенные успехи.

Говоря о восстановлении репутации эллинистической философии в современной литературе, нельзя не отметить один достаточно парадоксальный момент. Философские учения эллинизма обладают одной общей чертой, которая в разное время способствовала формированию противоположных оценок в их отношении. Речь идет о морально-практической направленности. Долгое время, начиная с Г. В. Ф. Гегеля и Э. Целлера, на эллинистическую философию смотрели со слабо скрываемым пренебрежением. Считалось, что она лишена высокой степени науч-

ности и спекулятивности и обращена к морально-этической проблематике. Однако начиная с конца XX в. усилиями П. Адо и М. Фуко эллинистическая философия предстала перед широкой интеллектуальной общественностью в виде искусства жизни. С этого времени философия эллинизма удостоилась очень высокой оценки в ряде исследований в области этики, политологии, психологии. На морально-практическую направленность эллинистической философии отдельные исследователи стали смотреть уже не с отрицательной, а с положительной стороны. Подчеркивается, что эта черта является ее главным достоинством, а не недостатком.

Одним из первых исследователей, кто заострил внимание на своеобразии эллинистической философии, был Дж. Реале. В условиях разрушения полисной системы в эпоху эллинизма, по мнению исследователя, произошел разрыв между гражданином и государством. Человек утратил связь со своим государством и его ценностями. Полис перестал быть тем фундаментом, на котором возводилось все мировоззрение его граждан. Следствием этого, как полагает Дж. Реале, стало резкое усиление индивидуализма. Однако данное обстоятельство имело не только отрицательные последствия для эллинистической философии. Развитие индивидуалистической морали у стоиков, эпикурейцев и скептиков, согласно Дж. Реале, может быть оценено весьма положительно. Этика для Платона и Аристотеля должна была завершаться политикой. Для философов в эпоху классики политика, не имеющая этического обоснования, была немыслима. С приходом эллинизма ситуация кардинально изменилась: «Впервые в истории нравственная философия, благодаря открытию индивидуума, была построена абсолютно автономно, опираясь на человеческую природу как таковую, рассматриваемую в ее единичности» [Reale, 1985. P. 8]. В эпоху эллинизма человек обнаружил в себе новое нравственное содержание и новые цели жизни. В результате именно в философских учениях эллинизма «человек открыл себя как личность» [Ibid. P. 7].

Дж. Реале отмечает, что философские учения эллинизма уступают в глубине классической греческой философии. Такая же ситуация сложилась и с греческой культурой в целом, которая в эпоху эллинизма «утратила свою первоначальную силу» [Ibid. P. 9]. К числу потерь Дж. Реале относит высокий уровень теоретизирования, спекулятивную силу и энергию. При этом эллинистическая «философия утратила в глубине то, что приобрела в широте» [Ibid. P. 9]. От тех изменений, которые произошли в греческой философии в новую историческую эпоху, выиграло гораздо большее число людей. Философия как образ жизни оказалась востребованной среди широких слоев населения. Она стала тем маяком, который указывал путь к счастливой жизни в условиях нестабильной общественно-политической обстановки. Именно к философии стали обращаться люди за той помощью, которую ранее оказывали религия и полис. Философия стала влиятельным источником моральных и духовных ценностей. Дж. Реале указывает на одну особенность эллинистической философии, осмысление которой получит в дальнейшем блестящее развитие. Речь идет о сократовском принципе согласованности между теорией и образом жизни. Философа в эпоху эллинизма стали оценивать не столько как мыслителя, сколько того, кто может жить и умирать в гармонии со своей системой. Как пишет Дж. Реале, «система идей и система жизни должны полностью «сцепляться»» [Ibid. P. 12]. В этом и заключается выдающееся достижение

эллинистической философии: «Эпикуреизм, стоицизм и скептицизм установили модели жизни, которыми люди продолжали вдохновляться еще полтысячелетия и которые затем навсегда стали истинной и правильной духовной парадигмой» [Ibid. P. 10].

Возрождение интереса к эллинистической философии в конце XX в. стало возможным во многом благодаря работам М. Фуко и П. Адо. Занимаясь исследованием античной философии, оба мыслителя практически одновременно пришли к выводу о том, что философские учения эллинизма представляют собой искусство жизни, в основе которого лежат определенные духовные техники и упражнения. Как пишет М. Фуко, «начиная, по меньшей мере, с киников – с постсократиков: киников, эпикурейцев, стоиков и т. д. – философия все больше и больше склонялась к тому, чтобы обрести свое определение, свой центр тяжести и свою цель в чем-то таком, что называлось *tekhne tou biou*, т. е. в искусстве, в науке существования, в технике жизни» [Фуко, 2007. С. 201]. Рассуждая об особенностях эллинистической и римской философии, М. Фуко вводит в оборот понятие «культуры себя». Под данным понятием М. Фуко понимает «систему ценностей, диктующих, как вести себя, соотносенную с кругом соответствующих техник и теорий» [Там же. С. 204].

Большая заслуга в реабилитации эллинистической философии принадлежит П. Адо. В исследованиях П. Адо философия эллинизма занимает особое место. С одной стороны, ученый не усматривает разрыва между философскими учениями эллинизма и классической греческой философией. По мнению исследователя, «эллинистическая философия – это естественное продолжение предшествующего духовного развития, она нередко обращается к досократическим темам, но главное то, что она глубоко проникнута сократическим духом» [Адо, 1999. С. 110]. В вопросе о развитии античной философии П. Адо подчеркивает преемственность между эллинистической философией и предыдущей философской традицией. С другой стороны, эллинистическая философия обладает рядом уникальных черт и особенностей. Чтобы понять, о чем идет речь, следует обратиться к прославившей П. Адо концепции античной философии. В ее основе лежит представление о том, что философия является образом жизни, для которого характерны определенные духовные упражнения [Адо, 2005. С. 149]. В философии П. Адо выделяет философскую речь и образ жизни. В этой конструкции жизненный выбор является первичным, именно он определяет и формирует философский дискурс. Но философская речь, по мысли П. Адо, не оторвана от образа жизни, она также участвует в процессе самосовершенствования человека. Как пишет исследователь, «философия – это было действительное упражнение, конкретное, пережитое, практика логики, этики и физики» [Там же. С. 150].

И вот здесь на первый план у П. Адо выходят представители эллинистической и римской философии. Именно к стоикам и эпикурейцам исследователь чаще всего обращается, когда рассуждает о своей концепции античной философии. Это не случайно, поскольку сам П. Адо отмечает, что в эпикуреизме и стоицизме концепция философии как образа жизни проявилась наиболее ясно и отчетливо. В глазах стоиков и эпикурейцев «философия заключается не в преподавании абстрактной теории, и еще меньше в экзегезе текстов, а в искусстве жизни,

в конкретной установке, в сообразном стиле жизни, затрагивающем все существование» [Адо, 2005. С. 23–24]. Стремление к изменению образа жизни и самосовершенствованию связано с переоценкой ценностей. Как полагает П. Адо, для всей античной философии характерно стремление к переоценке ценностей. Но в учениях стоиков и эпикурейцев эта черта проявляется с особой силой. Одним из духовных упражнений, практикуемых стоиками и эпикурейцами и призванных кардинально изменить жизнь, является сосредоточение на настоящем. Это означает, что жить следует здесь и сейчас, а не откладывать жизнь на будущее. Эпикурейцы и стоики соглашались в том, что каждый день надо проживать так, словно он является последним в жизни. Подобный взгляд, по мнению П. Адо, способен подарить человеку совершенно иное ощущение от жизни и даже полностью ее преобразить. Живя настоящим, человек может «осознать ценность существования, наслаждаться удовольствием существования» [Адо, 2005. С. 252].

Основной пафос концепции П. Адо заключается в том, что духовные упражнения античных философов можно успешно практиковать в современном мире. П. Адо убедительно доказывает, что в наши дни, как и две тысячи лет назад, духовный опыт античной философии способен изменить жизнь человека к лучшему. При этом и здесь отмечается особая роль эллинистической философии. П. Адо обращает внимание на доступность эпикуреизма и стоицизма для современной публики: «Некоторые эпикуровские мысли, некоторые афоризмы Марка Аврелия, некоторые страницы Сенеки могут содержать такие установки, которые приемлемы еще и сегодня» [Там же. С. 135]. Как отмечает исследователь, многих других античных философов без обширных комментариев понять почти невозможно. И в этой доступности эллинистической философии для современной аудитории заключается ее большое преимущество.

Концепция античной философии как образа жизни за последние десятилетия обрела широкую известность. Некоторые исследователи вдохновились точкой зрения П. Адо и активно включились в процесс популяризации и возрождения эллинистических философских учений. Стоицизм, эпикуреизм и скептицизм все чаще стали рассматривать в качестве актуальной для современного человека практической философии. По сути, речь идет о духовных учениях, способных потеснить религию и психологию. Секрет успеха эллинистической философии раскрывает М. Нуссбаум. По мнению исследователя, эллинистические философы «практиковали философию не как отстраненную интеллектуальную технику, предназначенную для демонстрации ума, а как погруженное в мир искусство борьбы с человеческими страданиями» [Nussbaum, 1994. P. 3]. В результате эллинистическая философия сосредоточила свое внимание на решении психологических проблем, связанных со страхом смерти, любовью и сексуальностью, гневом, агрессией и другими эмоциями. При этом, как отмечает М. Нуссбаум, философские концепции эмоций, выработанные в эллинистический период, являются лучшим материалом во всей западной традиции. Данное обстоятельство объясняет тот возрастающий интерес к философии эллинизма, который наблюдается в современном мире.

Впрочем, следует признать, что далеко не все философские учения эллинизма сегодня обрели второе дыхание и новую жизнь. Безусловно, наибольший успех

принадлежит стоицизму. Стабильно выходят работы, посвященные духовным практикам в стоической философии. Исследователи один за другим пишут различные руководства по стоицизму. Создаются сообщества любителей стоической философии. Проводятся международные мероприятия, на которых обсуждаются вопросы применения стоического учения в повседневной жизни. К числу исследователей и писателей, популяризирующих практическую философию стоиков, можно отнести М. Пильюччи [Пильюччи, 2018; 2021], У. Б. Ирвина [Irvine, 2009], Д. Робертсона [Robertson, 2018], Г. Фримена [Freeman, 2017], Л. К. Бекера [Becker, 1998], Г. С. Бейкера [Baker, 2010], Дж. Тернера [Turner, 2019], Р. Холидея [Holiday, 2014], С. Хансельмана [Hanselman, 2016], Д. Кингсли [Kingsley, 2016], Р. Пайса [Pies, 2008], М. Р. Грейвер [Graver, 2007], Н. Шерман [Sherman, 2005; 2021], М. А. Холоуачака [Holowchak, 2008], У. О. Стивенса [Stephens, 2007; 2011], Й. Зальцгебера [Salzgeber, 2019], Б. Сэндлера [Sandler, 2019] и др.

М. Пильюччи причисляет себя к современным стоикам. В своих работах он стремится представить стоицизм в виде практической философии, способной указать человеку правильный путь в жизни. М. Пильюччи прямо заявляет, что он со своими многочисленными единомышленниками старается возродить стоическую философию и адаптировать ее к жизни в XXI в. По мнению М. Пильюччи, учение стоиков обладает достоинствами, которые способны привлечь к нему даже далекого от философии человека. Главной особенностью является то, что философию стоиков можно применять в реальной жизни: «Главный плюс стоицизма – это (однозначно) его практичность» [Пильюччи, 2018. С. 12]. Еще раз отметим то, о чем мы сказали выше. Если в XIX и отчасти в XX в. философию эллинизма было принято критиковать за практическую направленность, то в конце XX и в начале XXI в. эту черту стали считать ее главным достоинством. Второй важной особенностью стоического учения является его обращенность ко всему человечеству. Стоицизм открыт для всех людей независимо от пола, расы, социального или иного положения. Как пишет М. Пильюччи, «стоицизм – в высшей степени демократичная философия: ведь богаты вы или бедны, здоровы или больны, образованны или нет, это никак не влияет на вашу способность жить по законам нравственности» [Там же. С. 17]. Третьей положительной чертой стоицизма является его пересечение с другими направлениями философии, с религиями (буддизмом, даосизмом, иудаизмом и христианством), с современными движениями (светским гуманизмом и этической культурой) и наукой. Привлекательность стоицизма, по мнению М. Пильюччи, заключается в идее объединительной, экуменической философии. Еще одна привлекательная сторона стоицизма связана с его доктринальной гибкостью, позволяющей этой философии успешно адаптироваться к самым разным эпохам и географическим местам. М. Пильюччи пишет: «Эта открытая философия была готова учитывать критику других школ (например, так называемых античных скептиков) и расширять свои горизонты за счет новых знаний и открытий» [Там же. С. 19].

Одним из сторонников адаптации стоической философии к современным реалиям является У. Б. Ирвин. По мнению исследователя, для успешного распространения стоицизма в наши дни необходимо сместить акценты в изложении этого учения. У. Б. Ирвин полагает, что сегодня вряд ли удастся заинтересовать

публику учением Древней Стои о добродетели. Вместо этого необходимо акцентировать внимание на ценности спокойствия в философии стоиков. Это будет гораздо ближе и понятнее современным людям. Согласно У. Б. Ирвину, современным последователям стоического учения следует опираться на опыт римских стоиков, которые, подчеркивая спокойствие в своей философии, сделали ее более доступной и привлекательной для древних римлян [Irvine, 2009. Р. 42]. В своей работе У. Б. Ирвин изучает «различные психологические техники, разработанные стоиками для достижения и поддержания спокойствия» [Ibid. Р. 10]. Прежде всего, это умение различать вещи, которые от нас зависят и которые от нас не зависят. Во-вторых, это умение поддерживать спокойствие и не поддаваться негативным эмоциям, таким как гнев, тревога, страх, горе. В-третьих, это тщательное наблюдение за собственной жизнью и размышление об источниках беспокойств и страданий.

Духовные практики стоиков приобрели особое значение для современной психотерапии. Одной из самых распространенных и эффективных форм психологического лечения в наши дни является когнитивно-поведенческая терапия (Cognitive behavioral therapy, CBT). Данная форма терапии применяется при лечении депрессии и связанных с тревогой расстройствах. Д. Робертсон полагает, что когнитивно-поведенческая терапия является частью древней терапевтической традиции, восходящей к Сократу и особенно к стоикам. В целях более эффективного применения стоического опыта в современной психотерапии Д. Робертсон предлагает адаптировать отдельные стоические термины к современному медицинскому языку. В частности, он предлагает рассматривать под страстью в стоицизме эмоциональное расстройство. Данный подход, по мнению исследователя, может помочь в преодолении ложного представления о стоицизме как холодном и бесчувственном учении и представить его в виде философии, обращенной к жизни, людям и способной избавить их от эмоциональных расстройств. Стоическая философская традиция «содержит ряд концепций, стратегий и методов, которые могут расширить клинический арсенал современной психотерапии» [Robertson, 2018. Р. 261]. Д. Робертсон указывает на то, что многие поколения обращались к стоической литературе за утешением и вдохновением. Это свидетельствует о том, что сильной стороной стоицизма всегда было то, что Хрисипп называл врачеванием души. Согласно Д. Робертсону, терапевтический опыт стоиков может оказаться полезным не только для психотерапевтов, но и для философов. В академическом философском сообществе уже давно ощущается потребность к возвращению философии к своим истокам. Все громче звучит мысль о том, что философия должна основываться на практиках, способствующих духовному росту человека, а не на академических занятиях, абстрагированных от любого практического применения. В этом плане значимость терапевтического опыта стоиков сложно переоценить. Как пишет Д. Робертсон, «древние считали идеального философа настоящим воином разума, духовным героем, подобным самому Гераклу, но после упадка эллинистических школ философ стал чем-то более книжным, не воином, а простым библиотекарем разума» [Ibid. Р. XX–XXI].

Если говорить о популяризации эпикуреизма, то можно отметить таких авторов как Л. Слаттери [Slattery, 2012], Х. Креспо [Crespo, 2014], А. де Боттон [de

Botton, 2001], Т. Фицпатрик [Fitzpatrick, 2018], Дж. М. Купер [Cooper, 2012]. К эпикурейской философии за ответами на экзистенциальные вопросы в наши дни обращаются гораздо реже, чем к стоицизму. По мнению А. де Боттона, это связано с незаслуженно дурной репутацией эпикуреизма. В течении двух с лишним тысяч лет многочисленные недоброжелатели учения Эпикура распространяли о нем ложные слухи и стереотипы. Веками Эпикура обвиняли в безбожии и в пропаганде чувственных удовольствий. Как отмечает А. де Боттон, даже сегодня существуют рестораны, предлагающие изысканные блюда, и журналы, посвященные роскошному образу жизни, которые используют в своих названиях имя Эпикура. В действительности, эпикурейская философия обладает не меньшим психотерапевтическим потенциалом, чем стоицизм. Более того, отмечается, что у эпикуреизма имеется даже преимущество перед стоическим учением, поскольку его духовные практики требуют от человека меньших затрат и усилий.

По мнению Л. Слаттери, эпикуреизм предлагает современному миру решение самых насущных проблем. Речь идет об экономической и экологической неустойчивости. Ненасытное потребление товаров и погоня за материальными благами приводит людей к психологической зависимости. Как полагает Л. Слаттери, Эпикур был первым философом в западной традиции, кто диагностировал эту зависимость и предложил эффективное лекарство. Эпикурейская этика учит умеренности и скромной жизни. Эпикур показывает, что счастье человека заключается в умении довольствоваться простыми вещами. Согласно Л. Слаттери, учение Эпикура об ограничении потребностей и желаний может сыграть положительную роль в перестройке современной экономики. Не менее острой проблемой является загрязнение окружающей среды и угроза изменения климата. В эпикуреизме Л. Слаттери видит первую в мире «зеленую» философию. Простая сельская жизнь, которую воспевал Эпикур, является примером гармоничного сосуществования человека и природы. Эпикурейский образ жизни может бросить вызов разрушительным последствиям потребительского отношения к жизни и природе.

Говоря о философии эллинизма, нельзя не упомянуть о ее историческом значении для современной политической мысли. Может показаться, что современная политология в гораздо большей степени опирается на Платона и Аристотеля, чем на Эпикура и Зенона. Но в действительности, эллинистические философы продолжают и в XXI в. оказывать весьма значительное влияние на политический дискурс. Разумеется, это влияние носит опосредованный характер. Важную роль в формировании представлений о гендерном, социальном, этническом равноправии сыграло общественно-политическое учение стоиков. Как пишет М. Нуссбаум, «идея всеобщего уважения человеческого достоинства в каждом человеке, независимо от класса, пола, расы и нации – идея, которая с тех пор лежит в основе всей выдающейся политической мысли в западной традиции – по своему происхождению является стоической идеей» [Nussbaum, 1994. Р. 13]. Эпикурейский политический конвенционализм, по мнению ряда исследователей, лежит в основе либеральной политической теории. Договорная теория происхождения государства и материалистический эвдемонизм Эпикура продолжают незримо оказывать влияние на развитие современной политической мысли.

Подведем итоги. Долгое время эллинистическая философия находилась в тени своей предшественницы – классической греческой философии. Однако

конец XX в. ознаменовался возрождением интереса к философским учениям эллинизма. Большую роль в этом процессе сыграли П. Адо и М. Фуко. Философия эллинизма в трудах этих исследователей предстала в виде искусства жизни, основанного на особых духовных практиках. Данное представление вызвало неподдельный интерес как в академических кругах, так и в широкой интеллектуальной среде. Многие современные исследователи и писатели обратились к стоицизму, эпикуреизму и скептицизму за помощью в решении насущных морально-этических проблем. Выяснилось, что эллинистическая философия может предложить современному человеку мировоззрение, способное изменить его жизнь в лучшую сторону. Как мы установили, наибольший успех в этом плане принадлежит стоицизму, который благодаря усилиям его последователей превратился в достаточно влиятельное и многочисленное интеллектуальное сообщество. Некоторое распространение в современном культурном пространстве получили эпикурейские ценности и эпикурейский образ жизни. Отдельного упоминания заслуживает значение эллинистической философии для современной психотерапии. В частности, терапевтический опыт стоиков активно применяется при лечении психологических расстройств. Как мы показали, отдельные идеи эллинистических философов продолжают сохранять свою актуальность и в сфере общественно-политических отношений.

Список литературы

- Адо П.** Духовные упражнения и античная философия. СПб.: Степной Ветер ; ИД «Коло», 2005.
- Адо П.** Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. СПб.: Степной Ветер ; ИД «Коло», 2005.
- Адо П.** Что такое античная философия? М.: Гуманит. лит., 1999.
- Пильюччи М.** Как быть стоиком: Античная философия и современная жизнь. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Пильюччи М.** Счастливая жизнь. Руководство по стоицизму для современного человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Фуко М.** Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Baker G. S.** Stoicism: The Modern Look at the Stoicism Philosophy. The Guide to Overcoming Obstacles in Life, Developing Mental Toughness, and Changing Your Life. Independently published, 2020.
- Becker L. C.** A New Stoicism. Princeton University Press, 1998.
- Botton de A.** The Consolations of Philosophy. London: Penguin Books, 2001.
- Cooper J. M.** Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy from Socrates to Plotinus. Princeton University Press, 2012.
- Crespo H.** Tending the Epicurean Garden. Humanist Press, 2014.
- Fitzpatrick T.** How to Live Well: Epicurus as a Guide to Contemporary Social Reform. Edward Elgar Publishing, 2018.
- Freeman G.** Practical Stoicism: Exercises for Doing the Right Thing Right Now. Independently published, 2017.

- Graver M. R.** Stoicism and Emotion. The University of Chicago Press, 2007.
- Hanselman S., Holiday R.** The Daily Stoic: 366 Meditations on Wisdom, Perseverance, and the Art of Living. Portfolio, 2016.
- Holiday R.** The Obstacle Is the Way: The Timeless Art of Turning Trials into Triumph. Portfolio, 2014.
- Holowchak M. A.** The Stoics: A Guide for the Perplexed. Continuum, 2008.
- Irvine W. B.** A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy. Oxford University Press, 2009.
- Kingsley D.** Stoicism: A Beginners Guide to the History and Philosophy of Stoicism. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Nussbaum M. C.** The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. Princeton University Press, 1994.
- Pies R. W.** Everything has two Handles: The Stoics Guide to the Art of Living. Hamilton Books, 2008.
- Reale G.** A History of Ancient Philosophy: The Systems of the Hellenistic Age, vol. 3. State University of New York Press, 1985.
- Robertson D.** Stoicism and the Art of Happiness. Teach Yourself, 2018.
- Salzgeber J.** The Little Book of Stoicism: Timeless Wisdom to Gain Resilience, Confidence, and Calmness. Jonas Salzgeber, 2019.
- Sandler B.** Stoicism: The Art of Happiness: How the Stoic Philosophy Works, Living a Good Life, Finding Calm and Managing your Emotions in a Turbulent World. Independently published, 2019.
- Sherman N.** Stoic Warriors: The Ancient Philosophy Behind the Military Mind. New York: Oxford University Press, 2005.
- Sherman N.** Stoic Wisdom: Ancient Lessons for Modern Resilience. New York: Oxford University Press, 2021.
- Slattery L.** Reclaiming Epicurus. Penguin Group (Australia), 2012.
- Stephens W. O.** Marcus Aurelius: A Guide for the Perplexed. London: Continuum, 2011.
- Stephens W. O.** Stoic Ethics: Epictetus and Happiness as Freedom. London: Continuum, 2007.
- Turner J.** The Power of Stoicism: A Beginner Guide for use Stoicism in Modern Life, Improve Your Life and Gain Calm, Resilience and Confidence. Independently published, 2019.

References

- Baker G. S.** Stoicism: The Modern Look at the Stoicism Philosophy. The Guide to Overcoming Obstacles in Life, Developing Mental Toughness, and Changing Your Life. Independently published, 2020.
- Becker L. C.** A New Stoicism. Princeton University Press, 1998.
- Botton de A.** The Consolations of Philosophy. London: Penguin Books, 2001.
- Cooper J. M.** Pursuits of Wisdom: Six Ways of Life in Ancient Philosophy from Socrates to Plotinus. Princeton University Press, 2012.
- Crespo H.** Tending the Epicurean Garden. Humanist Press, 2014.

- Fitzpatrick T.** How to Live Well: Epicurus as a Guide to Contemporary Social Reform. Edward Elgar Publishing, 2018.
- Foukault M.** Germentevika subekta: Kurs lektzii, pročitannyh v Kollezj de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. [L'herméneutique du sujet]. SPb.: Nauka, 2007. (In Russ.)
- Freeman G.** Practical Stoicism: Exercises for Doing the Right Thing Right Now. Independently published, 2017.
- Graver M. R.** Stoicism and Emotion. The University of Chicago Press, 2007.
- Hadot P.** Duchovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. [Exercices spirituels et philosophie antique]. SPb.: Izd-vo «Stepnoi veter»; ID «Kolo», 2005. (In Russ.)
- Hadot P.** Filosofiya kak sposob zjizni: Besedy s Zjanni Karlie I Arnol'dom I. Devidsonom. [La philosophie comme manière de vivre]. SPb.: Izd-vo «Stepnoi veter»; ID «Kolo», 2005. (In Russ.)
- Hadot P.** Chto takoe antichnaya filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie antique]. Moscow, Gumanitarnaya literatura, 1999. (In Russ.)
- Hanselman S., Holiday R.** The Daily Stoic: 366 Meditations on Wisdom, Perseverance, and the Art of Living. Portfolio. 2016.
- Holiday R.** The Obstacle Is the Way: The Timeless Art of Turning Trials into Triumph. Portfolio, 2014.
- Holowchak M. A.** The Stoics: A Guide for the Perplexed. Continuum, 2008.
- Irvine W. B.** A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy. Oxford University Press, 2009.
- Kingsley D.** Stoicism: A Beginners Guide to the History and Philosophy of Stoicism. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Nussbaum M. C.** The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. Princeton University Press, 1994.
- Pies R. W.** Everything has two Handles: The Stoics Guide to the Art of Living. Hamilton Books, 2008.
- Pigliucci M.** Kak byt' stoikom: Antichnaya filosofiya I sovremennaya zjizn'. [How to Be a Stoic: Using Ancient Philosophy to Live a Modern Life]. M.: Al'pina non-fikshn, 2018. (In Russ.)
- Pigliucci M.** Schastlivaya zjizn'. Rukovodstvo po stoitsizmu dlya sovremennogo cheloveka. [A Field Guide to a Happy Life: 53 Brief Lessons for Living]. M.: Al'pina non-fikshn, 2021. (In Russ.)
- Reale G.** A History of Ancient Philosophy: The Systems of the Hellenistic Age, vol. 3. State University of New York Press, 1985.
- Robertson D.** Stoicism and the Art of Happiness. Teach Yourself, 2018.
- Salzgeber J.** The Little Book of Stoicism: Timeless Wisdom to Gain Resilience, Confidence, and Calmness. Jonas Salzgeber, 2019.
- Sandler B.** Stoicism: The Art of Happiness: How the Stoic Philosophy Works, Living a Good Life, Finding Calm and Managing your Emotions in a Turbulent World. Independently published, 2019.
- Sherman N.** Stoic Warriors: The Ancient Philosophy Behind the Military Mind. New York: Oxford University Press, 2005.

- Sherman N.** Stoic Wisdom: Ancient Lessons for Modern Resilience. New York: Oxford University Press, 2021.
- Slattery L.** Reclaiming Epicurus. Penguin Group (Australia), 2012.
- Stephens W. O.** Marcus Aurelius: A Guide for the Perplexed. London: Continuum, 2011.
- Stephens W. O.** Stoic Ethics: Epictetus and Happiness as Freedom. London: Continuum, 2007.
- Turner J.** The Power of Stoicism: A Beginner Guide for use Stoicism in Modern Life, Improve Your Life and Gain Calm, Resilience and Confidence. Independently published, 2019.

Информация об авторе

Владимир Викторович Бровкин

Кандидат философских наук
научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права
СО РАН

Information about the Authors

Vladimir V. Brovkin

Candidate of Sciences (Philosophy)
Research Officer, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 29.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 29.04.2022;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Научная статья

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890-е – 1930-е годы)

Глеб Владимирович Бисеров

Институт философии РАН

Москва, Россия

gleb.bisеров@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4387-0423>

Аннотация

В статье рассматривается ранняя дискуссия о роли Гераклита в философии Ф. Ницше, включающая как относительно известные интерпретации К. Ясперса, М. Хайдеггера и К. Лёвита, так и малоизвестные работы Р. Элера, Э. Бертрама и А. Боймлера. В ходе анализа обосновывается тезис о том, что в 1890-е – 1930-е гг. существенное влияние Гераклита на Ницше считалось неоспоримым. При этом рассматриваемые интерпретации можно подразделить на «аутентичные» (Элер, Лёвит), придающие существенное философское значение рецепции Гераклита Ницше, и «авторские» (Хайдеггер, Ясперс), для которых собственно философское значение рецепции невелико. Обосновывается вывод о том, что рассмотрение особенностей рецепции идей Гераклита у Ницше способно внести вклад в две современные ницшеведческие дискуссии: в дискуссию об онтологической позиции Ницше и в дискуссию о последовательности развития ницшевской мысли.

Ключевые слова

Гераклит, Ницше, Хайдеггер, Ясперс, Элер, Левит, Боймлер, Werden, становление

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90071

Для цитирования

Бисеров Г. В. Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890-е – 1930-е годы) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 167–180. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: Origins of the Discussion (1890s – 1930s)

Gleb V. Biserov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

gleb.biserov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4387-0423>

Abstract

The paper examines the early discussion on the role of Heraclitus in Nietzsche's philosophy, including some relatively little-known contributions by R. Oehler, E. Bertram and A. Baeumler, as well as more widely mentioned interpretations of K. Jaspers, M. Heidegger and K. Löwith. I show that in the 1890s–1930s the significant influence of Heraclitus on Nietzsche's thought was considered indisputable. However, interpretations of the period can be divided into the 'authentic' ones (e.g., Oehler, Löwith), each of which view Nietzsche's use of Heraclitus thought as significant for Nietzsche's own philosophy, and 'idiosyncratic' ones (e.g. Heidegger, Jaspers), which, by interpreting Nietzsche from their own idiosyncratic perspectives, naturally put less philosophical weight on reading Nietzsche from the standpoint of Heraclitus. This review leads to the conclusion that a study of Nietzsche's Heraclitus can contribute to two contemporary debates in Nietzsche studies: the discussion on Nietzsche's ontological position and to the discussion around the so-called continuity thesis.

Keywords

Heraclitus, Nietzsche, Heidegger, Jaspers, Oehler, Löwith, Baeumler, Werden, becoming

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-311-90071

For citation

Biserov G. V. Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: The Origins of the Discussion (1890s – 1930s). *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 167–180. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Введение

Предельная амбиция настоящей работы – продемонстрировать, что некоторые современные дискуссии о Ницше могли бы быть продвинуты при внимательном взгляде на рецепцию идей Гераклита у Ницше. Два фундаментальных вопроса можно обозначить сразу: это дискуссия об онтологической позиции Ницше (т. е. есть ли у Ницше метафизика) и дискуссия о последовательности ницшевской мысли (*continuity thesis*), т. е. проходит ли Ницше такие фазы развития, в которых существенным или противоречивым образом меняется его философия. Каждый из этих вопросов является узловым для современных исследований Ницше, причем во многом ранние интерпретации, внимательные к истокам ницшевской мысли, могут оказаться ближе к ницшевской позиции, чем современная дискуссия.

Возможно, в непосредственной хронологической близости к личности Ницше, то есть в 1890–1930-е годы, виделись ясными и истоки его философии. Поэтому, например, отдельно публиковались главы Ницше о Гераклите из «Философии в трагическую эпоху греков»¹ (например, в журнале «Zukunft» за 1894 год [Nietzsche, 1894]), а тема ницшевского понимания Гераклита подробно обсуждалась уже в первое десятилетие XX века. Эрнст Бертрам, Карл Ясперс, Мартин Хай-

¹ Далее – ФТЭ.

деггер и Карл Лёвит – все эти классические интерпретации Ницше выполнены с большим вниманием к Гераклиту. В настоящей статье рассматривается именно эта ранняя дискуссия о роли Гераклита в философии Ницше.

Настоящий обзор ранних интерпретации Гераклита у Ф. Ницше сфокусирован на условном «философском ядре», включающем онтологический тезис Ницше о становлении (*Werden*) и эпистемологические соображения об истине и интуиции. Сфокусированность на рецепции Ницше Гераклита из перспективы *Werden* и интуитивного знания, возможно, выбрана в ущерб рассмотрению других, более широких, в том числе эстетических, антропологических или культурно-исторических параллелей между Гераклитом и Ницше, справедливо отмеченных некоторыми авторами.

1. Зарождение дискуссии: Рихард Элер

То обстоятельство, что Ницше высоко ценил Гераклита, было хорошо известно уже ранним исследователям Ницше, в частности Гансу Файхингеру, автору самой значительной неокантианской интерпретации ницшевской философии (см. [Vaihinger, 1905; Cancik, 1999; Sommer, 2011]). Однако начало специальной дискуссии о роли Гераклита в философии Ницше было положено чуть позднее, в диссертации Рихарда Элера, написанной под руководством Ганса Файхингера и опубликованной в 1904 г. под названием «Ницше и досократики» [Oehler, 1904]. Посвящая Гераклиту основную часть этой работы, Элер использует не только опубликованные труды, ФТЭ и фрагменты, но и лекции о доплатониках, подробно останавливается на тезисе о становлении как онтологическом аспекте философии Ницше и отмечает родство Заратустры с Гераклитом.

Элер впервые помещает Ницше в широкий классический контекст, представляя его как античного мудреца, «проснувшегося» в современности девятнадцатого столетия и возмущившегося увиденным: «...его антихристианское чувство можно было понять как инстинктивное неприятие древним человеком иудея и христианина; основное антипессимистическое настроение его философии связано с его пониманием дионисийского феномена в Греции; антиинтеллектуализм частично восходит к полученному им в ходе его филологических штудий осознанию того, что Сократ означает в мировой истории, что такое сократизм; его суждения о женщинах и положение, которое он им приписывает, полностью соответствуют древним воззрениям; наконец, его страстные аристократические и индивидуалистические наклонности основаны на допущении рабства и социальных условий вообще в классической древности» [Там же. S. 122].

Центральной для философии Ницше Элер видит гераклитову онтологию становления. Для описания структуры гераклитова становления в его прочтении Ницше Элер выдвигает следующие тезисы, суммирующие позиции Ницше в ФТЭ:

- (1) Становление представляет собой взаимное движение противоположностей.
- (2) Становление происходит по принципу агональности.
- (3) Становление имеет физический смысл как пульсация огня.
- (4) Становление носит внетелеологический характер.

Эти четыре тезиса актуальны и для современных интерпретаций.

Иллюстрируя первый тезис, Элер проводит аналогию между «кувшином» Гераклита и кувшином Заратустры, цитируя раздел ФТЭ о Гераклите: «Мед, по словам Гераклита, одновременно и горек и сладок, а весь мир – кувшин со смесью, который постоянно надо взбалтывать» [Ницше, 2009. С. 324]. Элер отмечает, что этот гераклитовский взгляд перекликается с «Так говорил Заратустра» [Oehler, 1904. S. 64]. В связи с последними словами Элер также приводит замечание, которое Ницше сделал уже в 1871–1872 годах: «Использование вредного для полезного идеализируется в мировоззрении Гераклита» [Там же]². Таким образом, Элер обозначает гераклитовскую тему противопотока становления, которую можно считать онтологическим ферментом антидиалектики Ницше и которая занимает важное место в более поздних интерпретациях.

Принцип агональности предполагает справедливую состязательность становления³: «Подобно тому как вступает в борьбу каждый грек, как будто прав лишь он один, и неоспоримое судебское решение в каждый момент определяет, куда склоняется победа, так же точно борются между собой качества по нерушимым законам и мерам, имманентным самой борьбе. Сами вещи, в постоянство и устойчивость которых верит узость человеческого и звериного сознания, не имеют никакого собственного существования – они лишь блеск и сверкание обнаженных мечей, вспышка победы в борьбе противоположных качеств» [Ницше, 2009. С. 325].

С физической точки зрения становление представляется Гераклиту Ницше динамикой пульсирующего огня: «...то, что он придумал – редкость, даже в этом царстве мифических невероятностей и неожиданных космических метафор. Мир есть игра Зевса, или, выражаясь физически, игра огня с самим собой; только в этом смысле одно – многое» [Там же. С. 327]. Так Ницше приходит к обсуждению физических основ философии значения огня для Гераклита, что, в свою очередь, приводит Элера к рассмотрению становления в физическом смысле как основы ницшевской концепции вечного возвращения. Элер, анализируя концепцию вечного возвращения в античной философии, приходит к выводу, что становление и вечное возвращение для Ницше неразрывно связаны [Oehler, 1904. S. 140], и утверждает, что гераклитовская пульсация вечного огня связана с позднейшей доктриной Ницше о вечном возвращении [Ibid. S. 160].

Помимо основной онтологической экспозиции вопроса *Werden* Элер останавливается на проблеме персонализма у Ницше и Гераклита [Oehler, 1904. S. 119], а также обращает внимание на стилистическое родство афористических высказываний двух философов [Ibid. S. 124]. Обращая внимание на оценку важности Гераклита самим Ницше, когда тот говорит о «высоком почтении» к Гераклиту, Элер замечает, что «всякий, кто знает, как Ницше обычно судил о философах в свои последние годы, сможет понять, что означало выражение “высокое почтение” по отношению к философу в устах позднего Ницше» [Ibid. S. 123].

² Элер дает ссылку на W. IX, 290. Это фрагмент 16 [18] от 1871 года.

³ В этом и некоторых других местах Элер практически дословно использует текст ФТЭ Ницше без указания цитат. См.: Oehler, 1904. S. 65.

Таким образом, работа Элера представила первое обширное рассмотрение рецепции Гераклита Ницше. Формулируя тему диссертации как «Ницше и досократики», Элер неизбежно во второй части (с. 118–168) уделяет внимание в основном Гераклиту. При этом в работе можно обнаружить и ряд существенных недостатков, в том числе использование в качестве базы источников преимущественно черновых фрагментов Ницше (Nachlass), и тенденцию к пересказу основных положений Ницше о Гераклите во ФТЭ с редким использованием главного источника – лекций Ницше о доплатоновских философах.

II. Конец 1910-х – начало 1930-х гг.:

Эрнст Бертрам и Альфред Боймлер

В течение примерно 15 лет после выхода работы Элера появляются несколько книг и статей, затрагивающих вопрос об интерпретации идей Гераклита у Ницше. В частности, это книга неокантианца Алоиса Рихля (1908) [Riehl, 1908], в которой Гераклит упоминается вскользь, влиятельная статья Вильгельма Нестле (1912) [Nestle, 1912], в основном посвященная Гераклиту, а также работа Карла Рейнхардта (1916) [Reinhardt, 1916]. Кроме того, в 1908 году выходит написанная Максимилианом Мюгге англоязычная интеллектуальная биография Ницше, в которой он назван «современным Гераклитом» [Mügge, 2017. P. 289].

Отдельно стоит остановиться на работе Эрнста Бертрама «Попытка мифологии» (1919) [Bertram, 2009]. Бертрам, как и Элер, видит в идее становления ядро мышления Ницше, однако понимает ее как немецкое становление, интересуясь в первую очередь возможностью приложения идей Ницше к истории и культуре Германии. Основываясь на ФТЭ, Бертрам, в отличие от Элера, гораздо меньше использует фрагменты и совсем не обращается к лекциям. В одном месте своей книги Бертрам рассматривает структуру становления как борьбу противоположностей [Ibid. P. 85–86], но в целом замещает анализ идеи становления культурно-исторической критикой.

Изучая языковой вопрос значимости понятия данной нам действительности (*Wirklichkeit*) для Ницше, в противоположность реальности (*Realität*), и ее семантическую опору на действие (*Wirkung*), Бертрам выводит отсюда тезис о немецком характере становления – в противоположность латинским языкам [Ibid. P. 58]. Таким образом, для него становление – это немецкое бытие, укорененное в изменчивости, та самая основа, суть взгляда Ницше, причем немецкое бытие как становление противостоит всеевропейскому статичному бытию [Ibid. P. 59–60 и далее].

Достаточно подробно Бертрам останавливается на ницшевской идее космодицеи через справедливость в связи с образом Прометея у Эсхила и с философией Гераклита. Бертрам приходит к утверждению, что справедливость борьбы многих и есть квинтэссенция становления, метафизики Ницше и Гераклита. Из представления о мире как о месте радостной битвы, в которой «кажется, что сами судьи сражаются, а судят сами борцы», из этого восприятия единой господствующей справедливости Гераклит Ницше осмеливается сформулировать «еще более высокую интуицию», положение первой философии тождества: «Столкновение многих само по себе есть одна справедливость!» [Ibid. P. 85–87].

В целом Бертрам достаточно подробно рассматривает гераклитовы корни философии Ницше, выявляя ряд примечательных особенностей. Бертрам обращает внимание на то, что стилистический пиетет к Гераклиту является практически исключительным для Ницше [Ibid. P. 56]. Также в большей степени, чем у Элера, раскрывается и персоналистская тема близкой самоидентификации Ницше с Гераклитом [Ibid. P. 56]. Более того, Гераклита в трактовке Ницше Бертрам рассматривает как форму сверхчеловека [Ibid. P. 174]. Наконец, Бертрам цитирует пассаж из «Доплатоновских философов» по поводу Гераклита и Гельдерлина и впервые обращает внимание на Гельдерлина в контексте Гераклита Ницше [Ibid. P. 22]. Однако основной ницшевский вопрос о становлении преобразован в культурно-историческую плоскость в духе гегелевской философии истории, кроме того, Бертрам впервые интерпретирует ницшевское становление как бытие, что можно считать началом метафизической трактовки *Werden*.

Если в 1920-х гг. не появилось заслуживающих внимания интерпретаций философии Ницше, уделяющих внимание его взгляду на Гераклита, то в 1930-е гг. ситуация уже была совершенно иной. Первой в ряду публикаций была вышедшая в 1931 г. книга Альфреда Боймлера [Baeumler, 1951], содержащая главу «Die Heraklitische Welt» (S. 59–79), в которой Боймлер отмечает единство и связность философии Ницше⁴, однако трактует Ницше политически с точки зрения метафизики воли к власти. При этом он довольно подробно рассматривает параллелизм гераклитовского учения о борьбе и справедливости с учением Ницше. В целом, несмотря на национал-социалистическую ориентированность философии Боймлера, его интерпретация философии Ницше оказала влияние не только на Хайдеггера, но и на Ясперса и Лёвита.

III. Карл Ясперс

Карл Ясперс в книге «Ницше» (1936) [Ясперс, 2004] предлагает целостное экзистенциальное толкование ницшевской философии, основанное на приоритете личностного поиска, осмысливания бытия в каждом вот-бытии [Там же. С. 453–454]. Ясперс смотрит на Ницше уже сквозь призму собственной философии, формулируя исходный вопрос Ницше через *Dasein*. На примере Ясперса, рассмотрев его интерпретацию ницшевско-гераклитовского становления через «вот-бытие» [Там же. С. 453–498], можно проследить и некоторые последствия недостаточного внимания к Гераклиту.

Рассматривая концепцию становления (*Werden*), Ясперс полагает, что Ницше при прочтении Гераклита выдает свое понимание становления за гераклитово. Как и Элер, Ясперс выделяет следующие характеристики становления: противоположность в состязании, справедливость (агональность) и невинность (внетелеологический статус) становления. В отличие от Элера, Ясперс не придает отдельного значения физической (а значит, находящейся вне *Dasein*) стороне становления и вместо этого предлагает тезис о «мышлении о необходимости» становления [Там же. С. 473]. По поводу последнего нет отдельного пояснения,

⁴ «<...> мы вполне можем использовать отрывки о Гераклите из фрагмента «Философия в трагическую эпоху греков» для толкования воли к власти» [Baeumler, 1951. S. 63].

но можно предположить, что речь идет о космодичее и оправданности становления (как отмечено у Бертрама).

В вопросе о становлении Ясперс продолжает метафизическую трактовку становления, начатую Бертрамом, полагая, что для Ницше «непрестанное становление <...> и есть единственное действительное бытие. У становления нет цели, к которой в конце оно позволило бы прийти. Оно не видимость. В целом его невозможно обесценить. Оно есть то, что есть, и ничего кроме этого» [Там же]. Таким образом, Ясперс формулирует становление с точки зрения бытийного вопрошания *Dasein*. В вопросе становления для Ясперса становление «есть», т. е. представляет форму бытия для вот-бытия, что позволяет отнести Ясперса в один лагерь и с Хайдеггером в данном вопросе.

Рассматривая становление таким образом, Ясперс выделяет три его особенности у Ницше: немыслимость становления при жизненной необходимости бытия, трансцендирование бытия через философию становления, экзистенциальный смысл преодоления становления [Там же. С. 474]. В первом свойстве Ясперс, в основном опираясь на фрагменты из «Воли к власти», обосновывает несовместимость осознания становления с возможностью человеческой жизни и полагает, что жизнь всегда определяет «горизонт» бытия, т. е. схватывает стабильность определенного рода: в противном случае жизнь и познание немыслимы. О втором свойстве Ясперс утверждает, что «становление, хотя и немыслимо, все-таки есть само бытие; бытие же для нас есть истолкование, которое жизнь (воля к власти) так или иначе произвела для себя в качестве своего условия» [Там же. С. 475]. Поскольку вопрос о становлении задан с позиции бытия, Ясперс не может дать другого удовлетворительного ответа, кроме как предположить, что для Ницше по ту сторону становления должен быть некий бытийный остаток, «*подлинное для него бытие, которое не является только становлением*» [Там же. С. 476]. Таким подлинным бытием, по Ясперсу, является для Ницше в онтологической экспозиции *вечное возвращение*, а в познавательной экспозиции – как продукт *воли к власти*, «закрепления своей мыслимости как знание о вещах в мире» [Там же]. Наконец, в-третьих, по мнению Ясперса, мышление о становлении выступает как трансформирующий вот-бытие процесс, приводящий к экзистенциальному состоянию *amor fati*.

Рассматривая *Werden* с точки зрения развития собственной философской мысли, Ясперс, в противоположность Элеру, упускает из виду физикалистский аспект *Werden* и значимость интуитивного постижения *Werden*. Поскольку становление у Ницше и Гераклита в физикалистском плане нейтрально с точки зрения субъекта знания, а интуитивная эпистемология предостерегает от логического анализа, то и стройные концептуальные построения вокруг становления не могут быть ницшевскими, о чем Ясперс даже сожалеет как о невозможности: «Объемлющее учение о становлении не способно к мысленному развитию, ибо всякая мысленная определенность означает истолкование и потому вновь охватывало бы то или иное стабильное бытие. <...> Как же быть, если философ, не смотря на это желает понять становление как бытие в его истинности?» [Там же. С. 475].

IV. Карл Лёвит

Карл Лёвит в книге «Философия вечного возвращения Ницше» (1935) [Lowith, 1997] выводит интерпретацию гераклитовской философии Ницше на новый уровень. Во-первых, Лёвит полагает, что ницшевские ранние «филологические труды, особенно по философии Гераклита, а также философская переработка их для намеченной работы по досократовской философии уже содержат все основные черты его учения, возникшие десятью годами позже» [Там же. Р. 115]. Таким образом, Лёвита можно считать приверженцем тезиса о последовательности философии Ницше, а интерпретация ницшевского понимания Гераклита помогает ему подкрепить этот тезис.

Следующее утверждение касается единства философа и логоса как основы ницшевской дионисийской философии, почерпнутой у Гераклита. Это утверждение можно назвать тезисом о «персонализме» Ницше, о единстве философа и знания в философской практике. Постигание мудрости недоступно через логическое познание, оно достигается через слияние: «Мудрец един с логосом, как дионисийская философия Ницше едина с самим Дионисом-философом» [Там же. Р. 118]. Закольцованным, бегущим по орбите вечного возвращения представляется и философский путь Ницше в прочтении Лёвита: «Последняя проблема его учения существовала с самого начала и относится к тем проблемам, относительно которых мыслитель не меняет своего мнения, а лишь узнает все, что можно узнать... То, о чем учение Ницше уже заявляет намеками в 1872 году в образе Гераклита и окончательно десять лет спустя в “Заратустре”, предварительно изложено в рассуждениях 1862 года» [Там же. Р. 122].

Следующий новый тезис Лёвита касается научности, возможности физического обоснования вечного возвращения. Вечное возвращение, по Лёвиту, имеет двойную природу – как физический и как экзистенциальный феномен. С одной стороны, утверждает философ, вечное возвращение – это космологическая теория с длинной и насыщенной историей, которую он прослеживает, по крайней мере, до Гераклита. Однако во всех своих формулировках Ницше, согласно Лёвиту, предполагает, что конечному числу состояний мира суждено развернуться во времени, которое бесконечно, а не конечно. Следовательно, учитывая конечное число возможных состояний мира и бесконечность времени, любое отдельное состояние мира должно повториться. Более того, оно должно вечно повторяться. В то же время предложенное Ницше описание вечного возвращения содержит в себе императив, а именно предписание жить так, чтобы вы с радостью желали вечного повторения своей жизни, без изменений или исправлений, снова и снова.

Таким образом, Лёвит выстраивает тезис о философии вечного возвращения у Ницше через его связь с Гераклитом: «Доктрина Ницше выражает предельное соединение мира становления с миром бытия, поскольку посредством вечного возвращения того же самого элеатского бытия переходит в гераклитовское становление» [Там же. Р. 170]. Лёвит идет еще дальше в интерпретации вечного возвращения, отождествляя самого Ницше, Гераклита, Заратустру и Диониса как чуть ли не идентичные случаи мудрецов, соединившихся с колесом становления: «То, на что Ницше как классический филолог впервые указывает с помощью Геракли-

та, в точности совпадает с тем, чему он позже учит под именем Диониса» [Там же. Р. 213].

При этом Лёвит, определяя мысль о бесконечности времени, неожиданно демонстрирует и проблему метафизики становления Ницше при такой и подобных ей экспозициях вечного возвращения. Если полагать, как это делает Лёвит, что вечное возвращение у Ницше обусловлено бесконечностью времени при конечности материи [Там же. Р. 89–90], то время оказывается метафизическим «остатком»: субстратом или эссенцией. Эта проблема будет детально исследована лишь в ницшеведческих публикациях последних лет⁵.

V. Мартин Хайдеггер

Как следует из вышесказанного, к моменту, когда Хайдеггер в лекциях (1936–1940 гг.) обращается к теме Гераклита у Ницше, в немецкой философской критике уже сформирована традиция исследований этой темы. В прочтении Ницше Хайдеггер опирается в основном на черновые фрагменты *Nachlass*, в том числе на записи 1881 г. и компиляцию черновых фрагментов, опубликованных сестрой Ницше как «Воля к власти».

Как и Ясперс, Хайдеггер приступает к интерпретации метафизической позиции у Ницше через бытийный предикат: «Вопрос о том, что есть сущее, предполагает поиск бытия этого сущего. Для Ницше всякое бытие есть становление. Однако это становление обладает характером действия и деятельности воления. Воля же, по своей сути, есть воля к власти» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 12]. По этой причине Хайдеггер, в отличие от своего ученика Лёвита, существенным образом искажает (апроприрует) прочтение становления у Ницше.

Хайдеггер отталкивается от необходимости соотнести друг с другом ницшевские понятия вечного возвращения, воли к власти и становления. Для него «мыслить бытие, волю к власти как вечное возвращение, продумывать эту тяжелейшую мысль философии – значит мыслить бытие как время» [Там же. С. 23]. Воля к власти у Хайдеггера выступает как бытие сущего в текущем моменте, в то время как вечное возвращение служит проекцией этого бытия во времени, и эти две проекции вместе представляют синхронную и диахронную экспозиции становления. Хайдеггер полемизирует с Боймлером, для которого метафизика воли к власти как движущее колесо становления противоречит идее вечного возвращения, что подводит Боймлера к требованию признать вечное возвращение «египтизацией» становления в смысле религиозной доктринации ницшевской метафизики [Baumler, 1951. S. 82]. Для Хайдеггера же оба учения представляют метафизическое единство.

Хайдеггер уже в период чтения лекций о Ницше в конце 1930-х гг. разрабатывает собственное диалектическое прочтение становления Гераклита как самораскрытия и самосокрытия сущего. Согласно этому прочтению, близость Ницше и Гераклита является, с одной стороны, поверхностной, а с другой стороны, нерелевантной с философской точки зрения. А в лекциях о Гераклите 1943–1944 гг. Хайдеггер вообще упрекает Ницше в развале метафизики и глубоком непонима-

⁵ Только у Тонса и Мандалиоса [Tones, 2015] будет предложено первое для нее решение.

нии Гераклита. В силу диалектического чтения Гераклита для Хайдеггера оказывается, что «тот факт, что на протяжении всей жизни и уже довольно рано, когда Ницше еще исполнял обязанности профессора классической филологии в Базеле, он “знал” Гераклита и ценил его выше всех остальных, представляет лишь исторический интерес» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 437]. Даже предположение о родстве вечного возвращения Ницше с пульсирующим огнем Гераклита отталкивает Хайдеггера: «Мысль о возвращении не является гераклитовой в обычном философско-историческом смысле, однако она, хотя и не по-гречески, мыслит сущность прежде спроецированной сущности (постоянства присутствия), мыслит ее в ее безысходном, в себе замыкающемся свершении» [Хайдеггер, 2, 2006. С. 9]. Таким образом, для Хайдеггера гегелевская диалектика оказывается ближе к Гераклиту по духу, чем ницшевская онтология.

Вопрос о *pánta ῥεῖ*, или физикалистском измерении становления, Хайдеггер естественным образом почти обходит стороной. Для него это тезис, ошибочно почерпнутый Ницше от Гераклита⁶. Поскольку Хайдеггер не обращает внимания и на *intuitive Vorstellung* как на познавательный модус Гераклита Ницше, предпочитая рассматривать и Ницше, и Гераклита через собственный бытийствующий интерпретационный метод, то и ценности в утверждении немедленного, интуитивного восприятия становления он не видит, воспринимая *pánta ῥεῖ* исключительно как философскую банальность: «Ведущее представление о непрестанно становящемся выдерживается в смысле обычного представления о *pánta ῥεῖ*, вечном течении вещей, представления, которое и Ницше вместе с расхожей традицией ошибочно возводит к Гераклиту; было бы правильнее назвать его псевдогераклитовым» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 301].

Характерный эссенциализм Хайдеггера проявляется как в трактовании становления, так и в вопросе о воле к власти. В первом случае Хайдеггер говорит, что «сущность сущего есть становление, но становящееся есть и имеет бытие только в созидающем преображении. Сущее и становящееся едины в основной мысли, согласно которой становящееся есть, поскольку оно *становится в сущем и существует в становлении*» [Там же. С. 402]. Во втором случае он, опираясь на черновые фрагменты Ницше, определяет глубочайшую суть воли к власти: «...в своей *глубочайшей* сущности воля к власти есть не что иное, как опостоянивание становления в присутствии» [Там же. С. 569].

При этом важно отметить, что Хайдеггер находит и описывает важную проблему ницшевского становления как стабильной оптики. Этой проблемой при прочтении становления как предиката ницшевской онтологии совместно с доктриной о вечном возвращении становится именно *вечность* возвращения, которая в греческом смысле и означает бытие. Доктрина вечного возвращения, по Хайдеггеру, означает обытийствование становления, осмысление становления в предикате бытия и вечности: «...учение Ницше характеризуется как “освобождение от вечного течения”. Речь идет не об упразднении становления и застывании, а об освобождении от одного лишь бесконечного “и так далее всегда”. Становление сохраняется как становление, и все же в это становление привносится постоянство, то есть, в греческом понимании, бытие» [Там же. С. 352].

⁶ Этот тезис был распространен в гераклитоведении; подробнее см.: Кирк и Равен [Kirk, 1957].

Таким образом, на интерпретацию Гераклита Ницше у Хайдеггера, в силу характерности хайдеггеровского чтения в целом, сегодня интересно смотреть с точки зрения того, на что он не обратил внимания. Хайдеггер фокусируется на интерпретации становления как метафизики вечного возвращения и воли к власти, при этом не упоминая ницшевский персонализм, необходимо предшествующий возможности экзистенциальной трактовки Гераклита у Ницше. Назначение философствования и роль философа, роль личности философа, самоидентификация Ницше с Гераклитом – все это не привлекает Хайдеггера. Он также упоминает гераклитовский фрагмент В52 [Там же. С. 288], но не разрабатывает игровую интерпретацию сущего как нечто значимое и служащее внутренней связи между Ницше и Гераклитом. Не упоминает Хайдеггер и об интуитивном познании, что приближает его позицию к ясперсовской: для подобных интерпретаций Ницше тезис об интуитивном познании, как и о физикалистской стороне становления, не представляет интереса и, более того, даже является проблемой.

Выводы

Интерпретации роли Гераклита в философии Ницше посвящен значительный объем ранних исследований 1890-х – 1930-х гг. В этот период связь Ницше и Гераклита считалась вполне очевидной, хотя не все исследователи придают ей большую значимость. Среди последних выделяются неокантианцы, в том числе Алоис Риль, который в монографии о Ницше упоминает Гераклита несколько раз мимоходом (1908) [Riehl, 1908]. Аналогичный подход можно встретить у Ганса Файхингера (1902) [Vaihinger, 1905].

Внимание к рецепции Гераклита Ницше можно связать с позицией интерпретаторов по поводу метафизики у Ницше. Авторы, которые полагают, что Ницше занимает метафизическую позицию (например, метафизика становления или воля к власти), склонны «не преувеличивать» роль Гераклита у Ницше, признание которой может стать неудобной при такой интерпретации. Ведь «гераклитство» Ницше – это как раз его поиск «дометафизического» языка. Примером метафизической интерпретации можно считать работу Хайдеггера, хорошо осведомленного об объеме гераклитовских исследований Ницше в *Nachlass*, но при этом утверждавшего, что гераклитство Ницше малозначимо, а прочтение Ницше Гераклита неверно.

В то же время интерпретаторы, внимательно относившиеся к Гераклиту у Ницше, не спешили постулировать наличие метафизики у Ницше. Карл Лёвит, например, видит, что Ницше многое почерпнул у Гераклита непосредственно, и специально обращается к базельским лекциям о Гераклите, отмечая места и аргументы, недоступные в других источниках, в том числе говорит о попытках Ницше осуществить естественнонаучное обоснование вечного возвращения, опираясь на Гераклита. Это позволяет Лёвиту обнаружить то непосредственное, внесубъектное в становлении, что дает возможность избежать чрезмерно субъективистской трактовки становления, присущей Ясперсу.

Связанной с метафизической позицией оказывается одновременно и приверженность тезису о последовательности (*continuity thesis*) Ницше. Например, «веч-

ное возвращение» у Лёвита означает не только онтологический тезис, но и возвращение самого Ницше к тому же самому – от ранних работ о Гераклите 1872 года до последних работ 1888 года. С другой стороны, относительное безразличие к «гераклитству» Ницше выглядит важным условием для формулирования интерпретации, утверждающей наличие разрывов в ницшевской философской позиции.

Наконец, ряд интерпретаторов рассматривает Ницше с позиций собственной философии, из-за чего роль Гераклита вновь оказывается малозначимой. Так, Хайдеггер и Ясперс полагают, что Гераклит в рецепции Ницше имеет очень отдаленную связь с оригинальным Гераклитом. Для Лёвита и Элера роль Гераклита у Ницше, напротив, в значительной мере повышается. Элер в своей книге как бы неожиданно сужает «воронку» интерпретации: начиная с проблем Ницше и досократиков в целом, он приходит к неизбежному подробному рассмотрению Гераклита как важнейшей части рецепции досократиков у Ницше. При этом в ранней работе Элера обнаруживается ряд недостатков, по причине которых необходимо новое целостное рассмотрение рецепции Гераклита у Ницше с позиции современных подходов и новых источников.

Список литературы

- Ницше Ф.** Философия в трагическую эпоху Греции // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Ч. 1. М., 2012. С. 301–366.
- Ницше Ф.** Ессе Homo // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 185–284.
- Хайдеггер М.** Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
- Хайдеггер М.** Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 2. 464 с.
- Ясперс К.** Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. 632 с.
- Andreas-Salomé, L.** Friedrich Nietzsche in seinen Werken. In: *Annalen der Philosophie Und Philosophischen Kritik*. 1925. Bd. 5. No. 2, p. 34.
- Baeumler, A.** Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1951, 182 s.
- Bertram, E.** Nietzsche: Attempt at a Mythology. University of Illinois Press, 2009.
- Binswanger, L.** Heraklits Auffassung des Menschen. In: *Die Antike*. 1935. Bd. XI, ss. 1–38.
- Cancik, H.** Philolog und Kultfigur / H. Cancik, H. Cancik-Lindemaier. J.B. Metzler, 1999, 302 s.
- Diels, H.** Herakleitos von Ephesos, griechisch und deutsch. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.
- Kirk, G. S.** The Presocratic Philosophers / G.S. Kirk, J.E. Raven. Cambridge: University Press, 1957.
- Knight, A. H. J.** Some Aspects of the Life and Work of Nietzsche. Cambridge: The University Press, 1933.
- Lowith, K.** Nietzsche's Philosophy of the Eternal Recurrence of the Same. University of California Press, 1997.
- Mügge, M. A.** Friedrich Nietzsche, His Life and Work. Andesite Press, 2017. 462 p.

- Nestle, W.** Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: *Neue. Jahrbücher für das klassische Altertum* 30. 1912, ss. 554–584.
- Nietzsche, F.** Heraklit. In: *Die Zukunft*. Bd. 3. 1894, ss. 201–207.
- Oehler, R.** Friedrich Nietzsche und die Vorsokratiker. Leipzig: Dürr, 1904. VIII. 168 s.
- Reinhardt, K.** Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Bonn: Friedrich Cohen, 1916.
- Riehl, A.** Der philosophische kritizismus: geschichte und system. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1908.
- Ruedorffer, J. J.** Nietzsche und die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen. 1934.
- Sommer, A. U.** Friedrich Nietzsche als Basler Vorlesungen. In: *Philosophie in Basel*. Basel: Schwabe, 2011, ss. 32–60.
- Tones, M.** Nietzsche's actuality: Boscovich and the extremities of becoming / M. Tones, J. Mandalios. In: *The journal of Nietzsche studies*. Vol. 46. University Park, PA. 2015. No. 3.
- Vaihinger, H.** Nietzsche als Philosoph. Berlin: Reutner, 1905, ss. 53–54.

References

- Andreas-Salomé, L.** Friedrich Nietzsche in seinen Werken. In: *Annalen der Philosophie Und Philosophischen Kritik*. 1925. Bd. 5. No. 2, p. 34.
- Baeumler, A.** Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1951, 182 s.
- Bertram, E.** Nietzsche: Attempt at a Mythology. University of Illinois Press, 2009.
- Binswanger, L.** Heraklits Auffassung des Menschen. In: *Die Antike*. 1935. Bd. XI, ss. 1–38.
- Cancik, H.** Philolog und Kultfigur / H. Cancik, H. Cancik-Lindemaier. J.B. Metzler, 1999, 302 s.
- Diels, H.** Herakleitos von Ephesos, griechisch und deutsch. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.
- Heidegger, M.** Nietzsche. Tom 1 [Vol. 1]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 608 p. (In Russ.)
- Heidegger, M.** Nietzsche. Tom 2 [Vol. 2]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 464 p. (In Russ.)
- Jaspers, K.** Nietzsche. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya [An Introduction to Understanding his Philosophizing]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004, 632 p. (In Russ.)
- Kirk, G. S.** The Presocratic Philosophers / G.S. Kirk, J.E. Raven. Cambridge: University Press, 1957.
- Knight, A. H. J.** Some Aspects of the Life and Work of Nietzsche. Cambridge: The University Press, 1933.
- Lowith, K.** Nietzsche's Philosophy of the Eternal Recurrence of the Same. University of California Press, 1997.
- Mügge, M. A.** Friedrich Nietzsche, His Life and Work. Andesite Press, 2017. 462 p.
- Nestle, W.** Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: *Neue. Jahrbücher für das klassische Altertum* 30. 1912, ss. 554–584.

- Nietzsche, F.** Heraklit. In: Die Zukunft. Bd. 3. 1894, ss. 201–207.
- Nietzsche, F.** Filosofiya v tragicheskuyu epokhu Grekov [Philosophy in the Tragic Era of the Greeks]. In: Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]: v 13 t. [in 13 vol.]. Tom 1 [Vol. 1]. Chast' 1 [Part 1]. 2006. P. 301–366. (In Russ.)
- Nietzsche, F.** Ecce Homo. In: Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]: v 13 t. [in 13 vol.]. Tom 6 [Vol. 6]. 2009. P. 185–284. (In Russ.)
- Oehler, R.** Friedrich Nietzsche und die Vorsokratiker. Leipzig: Dürr, 1904. VIII. 168 s.
- Reinhardt, K.** Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Bonn: Friedrich Cohen, 1916.
- Riehl, A.** Der philosophische Kritizismus: geschichte und system. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1908.
- Ruedorffer, J. J.** Nietzsche und die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen. 1934.
- Sommer, A. U.** Friedrich Nietzsche als Basler Vorlesungen. In: *Philosophie in Basel*. Basel: Schwabe, 2011, ss. 32–60.
- Tones, M.** Nietzsche's actuality: Boscovich and the extremities of becoming / M. Tones, J. Mandalios. In: *The journal of Nietzsche studies*. Vol. 46. University Park, PA. 2015. No. 3.
- Vaihinger, H.** Nietzsche als Philosoph. Berlin: Reutner, 1905, ss. 53–54.

Информация об авторе

Бисеров Глеб Владимирович

Аспирант, стажер-исследователь, Институт философии РАН

Information about the Author

Gleb V. Biserov

Postgraduate student, research assistant, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 07.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 07.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022

Научная статья

УДК 141:929

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-181-192

На транзите от позитивизма к марксизму: «Очерки материалистической социологии» Е. А. Энгеля

Дмитрий Петрович Мочалов¹

Инна Валерьевна Невзорова²

^{1,2}Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия

¹dosoldschool@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4456-1112>

²i_nevzорова@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5808-8100>

Аннотация

В контексте философских дискуссий 1920-х годов, рассмотрены работы Евгения Александровича Энгеля на предмет выявления связи между философскими взглядами автора и его методологическими построениями. Прослеживается как отталкивание, так и взаимопроникновение дореволюционных позитивистских установок Е. А. Энгеля с новой марксистской методологией, в рамках которой написаны его работы советского периода. Оценены ключевые точки разломов, по которым шло размежевание участников полемики и представляемых ими доктрин. Сделан вывод об исторической бесперспективности конкретных построений Энгеля, но сохранении общей перспективы изучения эклектичных доктрин как неизбежного продукта переходных эпох.

Ключевые слова

история философии, исторический материализм, социальная философия, марксизм, социология, общественные отношения, позитивизм.

Для цитирования

Мочалов Д. П., Невзорова И. В. На транзите от позитивизма к марксизму: «Очерки материалистической социологии» Е. А. Энгеля // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 181–192. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-181-192

On the Transit from Positivism to Marxism: «Essays of Materialist Sociology» by E. A. Engel

Dmitrii P. Mochalov¹

Inna V. Nevzorova²

^{1,2}Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

¹dosoldschool@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4456-1112>

²i_nevzorova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5808-8100>

Abstract

In the context of philosophical discussions of the 1920s, the authors examine the texts of E. Engel with a view to identifying the relationship between the philosophical views of the author and his methodological principles. The paper traces both the repulsion and interpenetration of the pre-revolutionary positivist attitudes of E. A. Engel with the new Marxist methodology, within the framework of which his works of the Soviet period were written. The key points along which the participants in the controversy and the doctrines they represent were demarcated are assessed. The conclusion is made about the historical futility of Engel's specific constructions, but the preservation of the general perspective of studying eclectic doctrines as an inevitable product of transitional eras.

Keywords

history of philosophy, historical materialism, social philosophy, Marxism, sociology, social relations, positivism.

For citation

Mochalov D. P., Nevzorova I. V. Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: The Origins of the Discussion (1890s – 1930s). *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 181–192. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-181-192-

Евгений Александрович Энгель был одним из первых представителей дореволюционной профессуры, кто принял сторону новой власти после 1917 года. Его обширная организаторская и научная деятельность внесла большой вклад в становление молодой советской науки. Последнее представляет особый интерес, поскольку позволяет на примере отдельного исследователя проследить трансформацию от одного методологического подхода к другому.

Актуальность подобного рассмотрения обусловлена тем, что зачастую переход от дореволюционного к советскому этапу науки изображают как решительный разрыв и противопоставление друг другу совершенно разных научных миров. Примеры научных карьер Е. А. Энгеля, С. С. Солнцева, Д. С. Садынского и Н. А. Гредескула показывают, что подобные мнения просто абсолютизируют одну из сторон вопроса. Определенная преемственность существовала, ее механизмы и конкретные проявления еще предстоит раскрыть. Подобные изыскания не лишены смысла и по той причине, что относительно недавно общественные науки в России, а особенно историческая наука, пережили схожие трансформации, пусть и не столь радикальные по форме. По крайней мере, методологическая «перестройка» и здесь составляла ядро процесса. В завершении, обосновывая необходимость исследования, нужно заметить, что об Е. А. Энгеле нет специальных работ, кроме единственной статьи в журнале «Социологические исследования»

[Липский, 1989], вышедшей в тот период, когда общество переживало всплеск интереса к забытым именам начала XX века.

Е. А. Энгель практически не упоминается и в более широких работах, так как последующая дифференциация дисциплин размыла его проблематику между отдельными сферами. Отнести те темы, которыми он занимался в 1920-х годах к какому-то устоявшемуся ныне разделу наук также проблематично, поскольку круг, затрагиваемых им вопросов, это одновременно и социальная философия, и методология общественных наук, в частности, методология истории, и проблемы социологии как эмпирической дисциплины.

Когда-то дисциплиной, так или иначе охватывающей все вышеперечисленное, был «исторический материализм». Потому к литературе по теме можно отнести очерк по развитию исторического материализма в СССР за авторством Барулина [Барулин, 1986]. Энгель также периодически упоминается в работе «Исторический материализм в СССР в переходный период» за авторством Б. А. Чагина и В. И. Клушина [Чагин, Клушин, 1986]. Нельзя не вспомнить и о работе Колосова о социальной философии 20-30-х годов [Колосов, 1999], где также в нескольких разделах есть ссылки на «Очерки материалистической социологии».

Учитывая дискуссионность понимания социологии в те годы и ее нерасчлененность с иными разделами общественных наук, есть смысл упомянуть и работы по истории социологии в России. Это, прежде всего, «Социология в России» под редакцией В. А. Ядова [Социология в России, 1998] и «Социология и социализм» Г. В. Осипова [Осипов, 2008]. Часть затронутых нами тем входит и туда.

Прямо на стыке двух проблем находится работа В. А. Малинина «Исторический материализм и социологические концепции начала XX века» [Малинин, 1986]. Она наиболее полно охватывает именно тот аспект, который мы намерены осветить на примере взглядов Е. А. Энгеля – взаимопроникновение и отталкивание исторического материализма и традиционных социологических школ позитивистского толка.

Через философскую полемику 1920-х годов вокруг работы Энгеля, а так же анализ его взглядов, опубликованных в «Очерках материалистической социологии» (1923), показать процесс смещения дореволюционных позитивистских доктрин и марксизма, такова цель данной работы.

Ближайшими задачами для нас является выяснение отношения интеллектуальной среды тех лет к данной работе, ее восприятие различными мыслителями того времени, а также выяснение масштабов деформации, которым подверглись обе доктрины в результате смещения.

Теоретической основой исследования является идея В. А. Лекторского и В. С. Швырева об иерархическом строении методологического знания, а также строгое следование принципу историзма, который в контексте данной работы понят как необходимость осмысления методологических проблем не изолировано, а в контексте всей общественной мысли своего времени. Авторы также исходили из того, что конкретно-исторический анализ не ограничивается выведением содержания из социально-исторического контекста, а также необходимо подразумевает анализ внутренней логики этих идей.

У Е. А. Энгеля заметна родовая черта всех работ, стремящихся отождествить исторический материализм с западной социологией той эпохи – фактическое отрицание диалектики и замкнутость на уровне формальной логики, попытка обосновать марксистские выводы немарксистскими методами. Но если Николай Бухарин разработал собственную «теорию равновесия» [Бухарин, 2008, с. 84–92], то Энгель менее оригинален.

Например, обоснование связи дарвинизма и марксизма происходит путем выведения последнего из «Происхождения видов...» при помощи простейших силлогизмов [Энгель, 1923b. С. 57]. Если бы автор был здесь более последователен, то пришел бы к выводу, что это делает ненужным изучение самого общества. И здесь проглядывает проблема сводимости одного уровня материи к другому, что является предтечей для «механистической» школы советской философии. Подробнее эта тема была затронута в отдельной публикации [Mochalov, 2021].

К слову, эта сводимость и была одной из главных претензий к данной книге на страницах журнала «Под знаменем марксизма» [Л-л, 1923]. Хотя надо признать эту рецензию, – принадлежащую, судя по характеру сокращений в инициалах автора, деборинцу Ивану Лупполу, – неудовлетворительной, поскольку она игнорирует еще целый ряд вещей, существенно важных и прямо вытекающих из понимания Энгелем исторического материализма как социологии и, соответственно, предмета дисциплины как «общества вообще», вне времени и конкретных обстоятельств.

Например, это попытка Евгения Александровича Энгеля представить все отношения как социально-функциональные [Энгель, 1923b. С. 65], что советскому марксизму тех лет было глубоко чуждо, поскольку функциональные отношения признавались лишь одной из форм существования закономерности наряду с причинностью и проч. Хотя нельзя не отметить, что автор непоследователен в этом заблуждении. Взгляд на общество как на целостный организм, в котором все элементы связаны в систему прямых и обратных связей есть, но при этом автор не отказывается от поиска основного фактора, детерминирующего его развитие.

Прежде всего, не наблюдается попыток отказа от субстанционального понимания факторов, для Е.А. Энгеля низведение всего до биологии напротив, делает более очевидной первичность материального. Но вместе с тем автору присуще плюралистическое понимание факторов, что является шагом в сторону функционализма. Яркий тому пример – уравнивание по своему функционалу биологической и социальной стороны выводимого отбора. И.К. Луппол писал относительно этого момента: «Что это, как не биологизм в социальных вопросах?» [Л-л, 1923. С. 293]. Можно ответить, что еще и проявление функционализма, так как равны между собой еще и все виды социальной борьбы: межгосударственная, внутриклассовая и межклассовая [Энгель, 1923b. С. 31–32, 34–35]. Такой принцип порождает и прочие противоречия в построениях автора.

Например, в своей критике органической теории Г. Спенсера Е.А. Энгель выступает категорическим противником метода аналогии [Энгель, 1923b. С. 127], но ближе к концу книги встает на ее сторону [Энгель, 1923b. С. 182].

И подобное можно обнаружить по ходу всего повествования. Единожды неверно решенные теоретические вопросы тянут к позитивистским, дореволю-

ционными корням, не смотря на всю внешнюю фразеологию. Причем родство построений Е. А. Энгеля с наследием Огюста Конта уже на стадии определения предмета замечали даже современники [Стучка, 1924. С. 75–76].

Что есть по Энгелю общество? «Независимая, территориально-ограниченная совокупность индивидов, связанных определенной системой общественных отношений» [Энгель, 1923b. С. 126]. А общественное отношение «...есть такое социально-психическое, а, следовательно, и биологическое отношение между людьми, которому присущи два основных идеологических момента: целевой и нормативный» [Энгель, 1923b. С. 124]. Более того, отношения, унаследованные от природы, превращаются в общественные у Энгеля только тогда, когда освещены «нормой» [Энгель, 1923b. С. 64]. Это, безусловно, наследие дореволюционной российской социологии хронологически, а по отношению к первоисточнику, то есть к Марксу – ненужное новаторство. Ведь у последнего те же производственные отношения, которые, безусловно, входят в категорию общественных, не обязательно зависят от воли вступающих в них, не говоря уже о том, чтобы быть осознанными вполне [Стучка, 1924. С. 77–78].

В отношении изучения общественных отношений, особенно в истории, это способно порождать то, что И. К. Луппол в своей рецензии назвал формальным, юридическим методом мышления. В одной из своих статей Энгель пишет: «Момент нормирования «отношений людей» и является моментом, превращающим соответствующие отношения в «общественные отношения». Половое общение – в брачные отношения, убийство – в преступление, драку – в войну. Таким образом, в результате вышеизложенного оказывается, что «отношение между людьми» лишь тогда может квалифицироваться как «общественное отношение», когда ему присущи два идеологических момента – целевой и нормативный» [Энгель, 1923a. С. 131].

Опять же, если общественное отношение есть только то, что целенаправленно, как быть с бессознательными массовыми явлениями? Здесь проглядывает та же проблема, что была в тот период с таким аспектом как «роль личности в истории». По стопам Плеханова было выпущено огромное количество исследований на эту тему, но в обоснование роли масс в истории – ничего. Людям постреволюционной эпохи участие масс в истории казалось столь самоочевидным, что не требовало теоретического обоснования. Так и с общественным сознанием.

Хотя у автора и есть места, уверяющие, что всякий раз имеется в виду «норма» как нечто объективное, идущее от условий существования [Энгель, 1923b. С. 65–66], тем не менее примеры, приведенные самим автором, не оставляют сомнения: под «нормой» он де-факто подразумевает субъективную установку, оценку. Нюанс о том, формальна эта оценка или нет, уступает перед тем фактом, что, таким образом, отношения ряда доклассовых обществ вообще оказываются выброшены из исторического анализа. Рассуждения Энгеля ни что иное как необоснованное сужение категории «общественные отношения», которое может стоить исследователю, методологически ориентированному на такой подход, множества ошибок.

В связи с этим «биологизаторство», о котором также писали в рецензии той поры, не выглядит как основная проблема работы. Хотя и она связана с вопросом

предмета. Но важно отметить, что совмещение марксизма с биологией в работе Е. А. Энгеля не достигает тех масштабов, что можно было наблюдать у другого дореволюционного специалиста, Д. С. Садынского. Последний IV главу своей основной книги озаглавил не иначе как «Реакционные попытки установить принципиальную разницу между животными и людьми» и в ней утверждал, что разница между человеком и животными чисто количественная [Садынский, 1923, с. 29], а наука непоследовательна в том, что не считает отношения между хозяевами и домашними животными общественными [Садынский, 1923, с. 34].

Все же автор «Очерков марксистской социологии» активно и неоднократно критикует социал-дарвинизм [Энгель, 1923b. С. 51, 128]. Но это не мешает ему излагать марксизм в терминах эволюционной теории [Энгель, 1923b. С. 34]. Что же заставляет автора в течение всего повествования обращаться к терминам биологии? Подход, который проистекает из уже упомянутой сводимости, и который также можно найти в ранних работах Н. И. Бухарина [Бухарин, 1924, с. 117–118] и учебнике Д. С. Садынского [Садынский, 1923, с. 54]. Это сведение развития общества к простому приспособлению к природной среде, лишение его имманентности. Хотя сам автор своей общности с остальными не осознавал. В одной из статей за 1922 год, когда критика «Теории исторического материализма» Николая Бухарина не развернулась даже со стороны признанных марксистов, Е. А. Энгель уже называл эту работу образцом «трафаретного» применения исторического материализма [Энгель, 1922, с. 48–49, 59–61]. Как показало время, преодолеть поставленную планку не удалось и ему.

П. И. Стучка в своей критической статье отмечает, что такой прямолинейный перенос биологических терминов невозможен потому, что предлагается теорию отбора перенести на всякое человеческое общество, в то время как Маркс вполне определенно обозначил, что на каждом своем этапе каждое конкретное общество имеет свои собственные законы развития [Стучка, 1924, с. 76–77]. В этом Евгений Энгель чрезвычайно далек от дальнейшего столбового развития советской исторической науки – он игнорирует формационную теорию. Интересно заметить, что помимо таких ортодоксальных фигур как П. И. Стучка и И. К. Луппол свой отзыв на работу Энгеля оставлял и такой дореволюционный специалист как Гредескул, но о об этом сохранилось только упоминание в отчете о работе одной из секций Научного общества марксистов Петрограда [Деятельность Н.О.М., 1924]. По-видимому, данная рецензия не была опубликована и если сохранилась, то только в архиве.

Далее, если развитие общества есть не что иное как активное приспособление к природе вокруг него [Энгель, 1923b. С. 52], то почему бы и социальная борьба не может быть в сути своей схваткой наиболее приспособленных за контроль над средствами производства, которые представляют собой результат борьбы общества в целом с природой [Энгель, 1923b. С. 31–33]?

В тот период в советской литературе уже был начат процесс разработки возражений по этому поводу. В дискуссии с Николаем Бухариным видный философ школы «диалектиков», Соломон Львович Гоникман, отмечал, что при таком подходе утрачивается имманентность развития общества [Гоникман, 1922, с. 77–78]. Он не отрицает влияние среды вовсе, но указывает на то, что среда лишь возмож-

ность для реализации того, что заложено во внутренней закономерности общественного явления [Гоникман, 1922, с. 81]. Проще говоря, природа, и в частности, географические условия, оказывают влияние лишь в рамках уровня развития общества. При одном уровне развития технологий реки обособляют и разъединяют, при другом – становятся главными транспортными артериями. Аграрная экономика раннеклассовых обществ критична к наличию плодородной почвы, но равнодушна к залежам нефти, которую не может использовать, ибо не знает моторов.

Во-вторых, по мнению С. Л. Гоникмана, во взаимодействии общества и природы ведущей стороной может быть только общество. Природа неизменна, в отличие от общества. Только противоречивое развитие общества способно объяснить изменение его отношений со средой. Нельзя идти с другого конца, объяснять изменяемое (отношение природы и общества) от неизменного (природы) [Гоникман, 1922, с. 79–80].

Уже Ф. Энгельс замечал этот факт: «От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы» [Энгельс, 1961, с. 546].

Упомянем и то, что у Фридриха Энгельса в «Диалектике природы» есть и прямые указания против биологизаторства [Энгельс, 1961, с. 622–623]. Поскольку черновики данной работы были полностью опубликованы только в 1925 году, это не упрек автору в незнании, а лишь попытка показать, насколько Е. А. Энгельс промахнулся в попытке развить оригинальное учение. Хотя уже в то время был известен «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, где биологизаторство в марксистской среде также получило отпор [Ленин, 1968, с. 348].

Казалось бы, стоило иначе очертить границы предмета исторического материализма в начале работы, и многого можно было бы избежать. В этом плане учебник под редакцией Б. Фингерта и М. Ширвиндта справился куда лучше: «Теория исторического материализма берет человека там, где им перестает заниматься теория естественного отбора: она выясняет, каким образом человек выделился из остального животного мира, в чем сущность различий между условиями жизни человека и условиями жизни остальных животных, почему именно человек сумел подчинить себе силы природы; теория исторического материализма вскрывает значение общественного труда в процессе развития культуры человечества и дает анализ структуры общества и анализ движущих сил общественно-исторического процесса» [Фингерт, Ширвиндт, 1930, с. 120].

Поразительно то, какую живучесть показывает позитивизм той эпохи в сознании автора. Например, сам для себя Е. А. Энгельс дает такое обоснование интеграции биологии в социологический курс: человек существо биологическое, значит, подвержен естественному отбору. Но так как есть разница между человеком и животным, есть особая, социальная среда, то есть и особый, социальный отбор, идущий вслед за биологическим.

С одной стороны, автор, вполне в духе марксизма, понимает, что существует качественная разница между различными уровнями материи, с другой – мысль

о проявлении каких-то общих закономерностей движения материи в различной форме на различных уровнях резко контрастирует с позитивистской традицией той эпохи. В последней естественные науки – идеал, эталон, которому иное должно соответствовать. Восхождение от них – просто присоединение к уже открытым естественным законам новых, побочных. То, что предмет их, естественных наук, изучения, сам лишь ступень в развитии такой философской категории как материя [Энгельс, 1961, с. 570], с трудом вписывается в привычную автору научную картину мира.

Подводя итог, мы четко можем выделить в «Очерках материалистической социологии» совершенно не материалистические, с точки зрения марксизма, идеи. И они наглядно иллюстрируют те разломы, по которым шло размежевание между двумя доктринами.

Речь, прежде всего, о понимании общественной закономерности как простой разновидности естественнонаучной, отсутствие какой-либо разницы между закономерностями на различных уровнях материи. Это то, что наиболее бросается в глаза при первом рассмотрении, но есть и менее очевидные последствия такого подхода.

Например, взгляды на взаимодействие природы и общества. Поиск внешней первопричины всех изменений вне рассматриваемого объекта означает вынос причин исторического движения общества во вне его. На примере понятия «общественные отношения» мы пронаблюдали, что этот взгляд не мог не сказаться на понимании основных категорий исторического материализма. Е. А. Энгельс игнорирует разницу между метафизическим и диалектическим взглядом на природу общества. Попытка переноса конкретных построений, полученных с помощью диалектического метода, на более привычную автору почву академической дореволюционной социологии в большинстве случаев приводит к фатальным противоречиям, подтачивающим общую картину изнутри.

На самом деле, эта ситуация сильно напоминает методологический плюрализм постсоветского времени, когда право «исповедовать любую методологию» обернулось возможностью «не исповедовать никакой» и эклектично совмещать любые построения, выдавая это за свободу мысли. Разница лишь в том, что методологический кризис в постсоветской исторической науке редко связывали с проблемами философии, хотя у подхода явно есть потенциал.

Не удивительно, что для авторов раннесоветской поры, как и для современных, пусть и не в столь ясно выраженном виде, встает проблема метода. На это особо обращали внимание признанные советские академические философы-марксисты в те годы. Отсутствие понимания философской базы всякого конкретного вывода марксизма и принципиальной несовместимости двух подходов к пониманию общества просто не позволяли Е. А. Энгельсу надежно двигаться от абстракций к конкретному применению и даже базовым иллюстративным примерам. Его попытки увязать свои построения с действительностью приводили к тому, что «настоящие» взгляды постоянно брали верх и диктовали способы объяснения социальных явлений, опирающиеся на хорошо знакомые подходы старой социологии. В конечном счете, все это напоминало попытку подогнать нужные выводы под систему, не имеющую к ним отношения. Собственно, здесь

мы можем сделать вывод о том, что моменты взаимопроникновения составляли подчиненный момент в этом двунаправленном процессе. Полемика шла принципиально в сторону вытеснения.

Бесперспективность и преходящий характер подобных воззрений, которые сами являются побочным продуктом столь же пестрой переходной эпохи, делали их изживание в рамках советской науки делом необходимым и неизбежным. Тот же Е. А. Энгель после провала своего главного труда отошел от своей прежней проблематики вовсе [Липский, 1989, с. 115]. По крайней мере, литература, обнаруживающая подобное смешение подходов, в более поздний период уже не обнаруживается. Связать это можно с целым рядом причин: политическая конъюнктура; идейная эволюция ведущих представителей; замена дореволюционных специалистов новыми кадрами, воспитанными в иных условиях; заимствование части идей школой «механистов» и их дальнейшее развитие в рамках нового направления.

Список литературы

- Барулин В. С.** Исторический материализм: Современные тенденции развития. М.: Мысль, 1986.
- Бухарин Н. И.** К постановке проблем теории исторического материализма (Беглые заметки) // Атака: сборник теоретических статей / Н. И. Бухарин. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 115–127.
- Бухарин Н. И.** Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008.
- Гоникман С. Л.** Диалектика т. Бухарина // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 77–85.
- Деятельность Н.О.М. во второй половине 1923 года // Записки научного общества марксистов. 1924. № 2 (6). С. 201–202.
- Колосов В. А.** Социальная философия: методологические проблемы: (Из истории отеч. философии 20-х – нач. 30-х гг.): Учебное пособие. Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 1999.
- Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. С. 7–384.
- Липский А. В.** Забытые страницы // Социологические исследования. 1989. № 2. С. 115–123.
- Л-л, И.** Рецензия: Проф. Е. А. Энгель. «Очерки материалистической социологии» // Под знаменем марксизма. 1923. № 11–12. С. 292–294.
- Малинин В. А.** Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М.: Наука, 1986.
- Осипов Г. В.** Социология и социализм. М.: Вече, 2008.
- Садынский Д. С.** Социальная жизнь людей: Введение в марксистскую социологию. Харьков: Изд-во ВСНХ УССР, 1923.
- Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

- Стучка, П. И.** Марксизм и социология // Печать и революция. 1924. № 2. С. 75–80.
- Фингерт Б., Ширвиндт М.** Краткий учебник исторического материализма 6-е изд. Л.: Прибой, 1930.
- Чагин Б. А., Клушин В. И.** Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг.: Ист.-социол. очерк. М.: Наука, 1986.
- Энгельс Е. А.** Общество и государство // Записки научного общества марксистов. 1923. № 1 (5). С. 126–148.
- Энгельс Е. А.** Очерки материалистической социологии. М.; Пг.: Л. Д. Френкель, 1923.
- Энгельс Е. А.** Что такое производственные отношения? // Записки научного общества марксистов. 1922. №4. С. 47–61.
- Энгельс Ф.** Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.
- Mochalov D. P.** Philosophy And Methodology Of History In The “Mechanist” School Of Soviet Philosophy / D. P. Mochalov, I. V. Nevzorova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Грозный, 22–25 октября 2020 года / Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. Грозный: European Publisher, 2021. P. 1114–1119. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.149

References

- Barulin V. S.** Istoricheskii materializm: Sovremennyye tendentsii razvitiya [Historical materialism: current development tendencies]. Moscow: Mysl', 1986. (In Russ.)
- Bukharin N. I.** K postanovke problem teorii istoricheskogo materializma (Beglye zametki) [To the formulation of problems in the theory of historical materialism (Fugitive notes)]. In: Bukharin N. I. (Red.) Ataka: sbornik teoreticheskikh statei [Attack: a collection of theoretical articles]. 2nd. ed. Moscow: State publishing house, 1924. P. 115–127. (In Russ.)
- Bukharin N. I.** Teoriya istoricheskogo materializma: Populyarnyi uchebnyy marksistskoi sotsiologii [Theory of historical materialism: A popular textbook of Marxist sociology]. Moscow: Veche, 2008. (In Russ.)
- Gonikman S. L.** Dialektika t. Bukharina [Dialectics of Bukharin]. *Pod znamenem marksizma*, 1922, no. 3, p. 77–85. (In Russ.)
- Deyatel'nost' N.O.M. vo vtoroi polovine 1923 goda [Activities of Scientific Society of Marxists in the second half of 1923]. *Zapiski nauchnogo obshchestva marksistov*, 1924, no 2 (6), p. 201–202. (In Russ.)
- Kolosov V. A.** Sotsial'naya filosofiya: metodologicheskie problemy: (Iz istorii otech. filosofii 20-kh – nach. 30-kh gg.): Uchebnoe posobie [Social philosophy: methodological problems: (From the history of the father's philosophy of the 20s – early 30s): Textbook manual]. Arkhangel'sk: ASTU, 1999. (In Russ.)
- Lenin V. I.** Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and empiriocriticism]. In: Institute of Marxism–Leninism of the CC CPSU (Red.) Lenin V. I. Polnoe sobranie

- sochinenii: v 55 t. [Lenin V.I. Complete works: in 55 volumes]. 5th ed. Moscow: State Publishing House of polit. lit., 1968. Vol. 18. P. 7–384. (In Russ.)
- Lipiskii A. V.** Zabytye stranitsy [Forgotten pages]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1989, no. 2, p. 115–123. (In Russ.)
- L-I I.** Retsenziya: Prof. E. A. Engel'. «Ocherki materialisticheskoi sotsiologii» [Review: Prof. E. A. Engel. "Essays on Materialist Sociology"]. *Pod znamenem marksizma*, 1923, no. 11–12, p. 292–294. (In Russ.)
- Malinin V. A.** Istoricheskii materializm i sotsiologicheskie kontseptsii nachala XX veka [Historical materialism and sociological concepts of the early XX century]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)
- Osipov G. V.** Sotsiologiya i sotsializm [Sociology and socialism]. Moscow: Veche, 2008. (In Russ.)
- Sadynskii D. S.** Sotsial'naya zhizn' lyudei : Vvedenie v marksistskuyu sotsiologiyu [Social life of people: An introduction to Marxist sociology]. Kharkov: Publishing House of the Supreme Council of National Economy of the Ukrainian SSR, 1923. (In Russ.)
- Sotsiologiya v Rossii : Ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Sociology in Russia: Textbook manual for university students]. YAdov V. A. (Red.). 2nd ed., revised. and add. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1998. (In Russ.)
- Stuchka P. I.** Marksizm i sotsiologiya [Marxism and Sociology]. *Pechat' i revolyutsiya*. 1924, no. 2. P. 75–80. (In Russ.)
- Fingert B., SHirvindt M.** Kratkii uchebnyk istoricheskogo materializma [A short textbook of historical materialism]. 6th. ed. Leningrad: Priboi, 1930. (In Russ.)
- CHagin B. A., Klushin V. I.** Istoricheskii materializm v SSSR v perekhodnyi period 1917–1936 gg.: Ist.-sotsiol. Ocherk [Historical materialism in the USSR during the transition period 1917–1936: Historical and sociological essays]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)
- Engel' E. A.** Obshchestvo i gosudarstvo [Society and State]. *Zapiski nauchnogo obshchestva marksistov*, 1923, no. 1 (5), p. 77–78. (In Russ.)
- Engel' E. A.** Ocherki materialisticheskoi sotsiologii [Essays on materialistic sociology]. Moscow; Petrograd: L. D. Frenkel's Publ., 1923. (In Russ.)
- Engel' E. A.** CHto takoe proizvodstvennye otnosheniya? [What is industrial relations?]. *Zapiski nauchnogo obshchestva marksistov*, 1922, no. 4, p. 47–61. (In Russ.)
- Engel's F.** Dialektika prirody [Dialectics of nature]. In: Institute of Marxism–Leninism of the CC CPSU (Red.) K. Marks i F. Engel's. Sochineniya: v 30 t. [K. Marx and F. Engels Collected Works: in 30 volumes]. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 20. P. 339–626. (In Russ.)
- Mochalov D. P.** Philosophy And Methodology Of History In The “Mechanist” School Of Soviet Philosophy / D. P. Mochalov, I. V. Nevzorova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Grozny, 22–25th October 2020 / Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H. I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. Grozny: European Publisher, 2021. P. 1114–1119. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.149

Сведения об авторах

Мочалов Дмитрий Петрович, магистр

Специалист отдела грантов, научных программ и хозяйственной деятельности, Оренбургский государственный педагогический университет

Невзорова Инна Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент

Доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет

Information about the Authors

Dmitrii P. Mochalov

Master degree

Specialist of the department of scientific programs, grants and contractual activities
Orenburg State Pedagogical University

Inna V. Nevzorova

Candidate of historical sciences, associate professor

Associate professor of the sub-department of the history of Russia, Orenburg State Pedagogical University

*Статья поступила в редколлегию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 14.04.2022;
approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Рецензия на монографию

УДК 316.42

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-193-200

**На развилке путей концептуального осмысления
роли Сибири в становлении нового миропорядка**

Рецензия на книгу:

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А. В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022

Инна Вячеславовна Бабаян

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова,
Саратов, Россия

innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Аннотация

В рецензии на коллективную монографию «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития», опубликованную под редакцией профессора Андрея Владимировича Иванова, автор полемизирует с учеными по ряду ключевых вопросов, среди которых системообразующая роль российского государства в развитии евразийской цивилизации, национальная политика бывших советских республик, национально-культурная идентичность. Авторы монографии фокусируются на проблемах дефиниции понятия «Большая Евразия», цивилизационных задачах России в интеграции Большой Евразии. Методологической основой фундаментального и прикладного исследования миссии Сибири является синтез диахронического и синхронического аспектов цивилизационного подхода.

Ключевые слова

Сибирь, цивилизационный подход, евразийство, глобальное и региональное развитие, миропорядок

Для цитирования

Бабаян И. В. На развилке путей концептуального осмысления роли Сибири в становлении нового миропорядка Рец. на кн.: «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова) — Барнаул: Новый формат, 2022 // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 193–200. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-193-200

At the Fork in the Path of Conceptual Understanding of the Role of Siberia in the Formation of a New World Order

Book review:

Civilization mission of Siberia: from Technogenic-consumer to Spiritual-ecological Strategy of Global and Regional Development: Monograph (Group of Authors; edited by A. V. Ivanov) – Barnaul: New format, 2022

Inna V. Babayan

Sobinov Saratov State Conservatoire
Saratov, Russian Federation

innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Abstract

In a review of the collective monograph "Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development", edited by Professor A. V. Ivanov, the author argues with the researchers on a number of key issues, including the system-forming role of the Russian state in the development of Eurasian civilization, nationalitis policy of the former Soviet republics, national and cultural identity. The authors of the monograph focus on the problems of defining the concept of "Greater Eurasia", the civilizational tasks of Russia in the integration of Greater Eurasia. The methodological basis of the fundamental and applied research of the mission of Siberia is the synthesis of the diachronic and synchronic aspects of the civilizational approach.

Keywords

Siberia, civilizational approach, Eurasianism, global and regional development, world order.

For citation

Babayan I. V. At the Fork in the Path of Conceptual Understanding of the Role of Siberia in the Formation of a New World Order. Book review: Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development: monograph (group of authors; edited by A. V. Ivanov) – Barnaul: New format, 2022. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 193–200. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-193-200

Анализ современных процессов и явлений требует от исследователей взвешенной позиции в выборе теоретических подходов и концепций. Новый мир, для описания которого все чаще используют акроним VUCA [Bennett, Lemoine, researchgate.net, 2022], означающий нестабильность (volatility), неопределенность (uncertainly), сложность (complexity) и неоднозначность (ambiguity), подчеркивает повышенный риск утраты социальными науками функций предвидения и прогноза, являющихся значимыми элементами научного познания в исследовании социально-экономических явлений. В ситуации постмодерна, описываемой в терминах «текущей современности» Зигмунта Баумана [Бауман, 2008] и гиперреальности Жана Бодрийяра [Бодрийяр, 2000, 2011], где правда зачастую заменяется «постправдой», где информационная борьба ведется между высокоресурсными группами за право конструировать национальную и культурную идентичности, где симулякры и рассеивание смыслов являются действительностью, ставятся

под сомнение любые попытки объяснения непредсказуемых процессов и стратегического планирования.

С другой стороны, возрастающий скептицизм во взглядах на технический прогресс и подрыв демократической системы координат ценностей приводят к поиску многовариативных сценариев глобального устойчивого развития общества, связанного с переходом от сырьевой экономики к креативной (экономике знаний), к формированию и лоббированию «зеленой политики», к стремлению реконструировать историческую память народов, к выработке принципов и механизмов борьбы с биологическим терроризмом, созданию моделей эпидемиологической безопасности.

Глобальные процессы, связанные с размыванием смысловых и культурных границ, все интенсивнее нивелируют локальную специфику. На фоне политических программ и решений об экстенсивном развитии цифрового общества весьма полезна дискуссия о лидерстве держав, в частности, России и отдельных ее субъектов в устанавливаемом полицентрическом мире. Национальная идея и миссия России звучат рефреном в коллективной монографии «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А. В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022».

Коллективный труд авторов, представляющих цивилизационный подход, отличают масштабность замыслов и широта проблемного поля, в котором интегрированы вопросы социокультурного, технологического, экономического осмысления Сибири. Композиция монографии представлена двумя разделами, каждый из которых включает в себя главы, раскрывающие глобальные и локальные проблемы России и, в частности, Сибири.

На авансцене – традиционные сюжеты о предназначении Сибири и «ее миссии при переходе к более справедливому и гуманному мироустройству» [Иванов, 2022. С. 11], уникальности «русского мира». Междисциплинарность – не мейнстрим, а диктуемая временем потребность в оптической настройке с целью интерпретации реальности с позиций различных научных дисциплин. Это позволяет последовательно проводить идею авторов о значимости перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации. В качестве аргумента авторской позиции, отстаивающей необходимость реформирования социального порядка, выдвигается тезис о самодискредитации «западного проекта глобализации». По мнению авторов, проект миропорядка, отстаиваемый коллективным Западом, с неизбежностью сменяется на «незападный тип порядка», в котором ключевую роль играют страны Большой Евразии.

Исследователи заостряют свое внимание на дефиниции понятия «Большая Евразия», отмечая при этом существующую неоднозначность ее трактовки в академических кругах, подчеркивая экономический, культурный и географический аспекты интерпретации. Преодоление имеющихся противоречивых методологических неточностей в объяснении термина «Большая Евразия» предлагается достичь посредством применения цивилизационного подхода. Авторы артикулируют свою позицию, выделяя три мегацивилизации в рамках Большой Евразии, рассматриваемые по принципу географического пространства – Запад, Северная

Евразия и Восток [Иванов, 2022. С. 16]. На основе анализа работ, посвященных изучению «Большой Евразии», авторы приходят к мнению, что явно выраженное понимание роли России в формировании евразийской мегацивилизации нет ни среди политического истеблишмента, ни среди ученых.

Усиливает накал полемики о системообразующей роли российского государства в развитии евразийской цивилизации утверждение авторов о существовании общей евразийской мегацивилизационной идентичности народов. Отмечая влияние монгольской, тюркской и угрофинской цивилизационных евразийских общностей на локальную российскую цивилизацию, авторы подчеркивают роль выделенных цивилизаций в формировании евразийской мегацивилизации. Несмотря на то что авторы на страницах монографии размышляют о целях интеграции Большой Евразии в диахроническом ракурсе цивилизационного подхода, они базируются на «трех типах сменяющих друг друга глобальных миросистем: традиционной (биоцентричной) – техногенно-потребительской (техноцентричной) – духовно-экологической (ноосферной, или ноосфероцентричной)» [Иванов, 2022. С. 32–36]. Далее авторская позиция закрепляется с помощью концепции цивилизационного подхода, где используется «синхронически-диахронический подход, предполагающий пространственно-временное измерение цивилизационного развития» [Иванов, 2022. С. 111]. Для читателя остается неочевидным данный вывод, к которому приходят авторы, опираясь на цивилизационный подход. Цивилизационный подход – это своего рода научная, культурная и во многом политическая легитимация прав современных крупных общностей представлять себя в мировом сообществе в виде равноправных сегментов глобального [Бордачев, 2022].

Вместе с тем авторы солидаризируются с мнением И. Ф. Кефеле о миссионерстве русского народа и российской цивилизации в создании и установлении евразийского цивилизационного пространства. Утверждается, что это стало возможным благодаря тому, что «великорусский этнос и московское государство, не отказываясь от своих духовных основ, сумели переступить через свой этнический, исторический и религиозный эгоизм и гонор» [Иванов, 2022. С. 24]. Довольно спорным является вытекающий из этого утверждения тезис о неспособности стран, входящих в Содружество независимых государств (СНГ), к проведению политики мультикультурализма, поскольку ими так и не преодолен «эгоизм своей локальной цивилизации» и «не признаны другие этносы, их хозяйственные уклады и религии равными» [Иванов, 2022. С. 24]. Справедливости ради необходимо сказать, что исторический экскурс становления государственности союзных республик после получения ими суверенитета дает возможность выделять иные каузальные связи в обоснование проводимой ими в настоящее время политики этноцентризма.

В течение 30 лет своей независимости республики сталкиваются с проблемой сохранения и развития исторической памяти, необходимости формирования национальной и культурной идентичности для укрепления своей государственности и противостояния внешним вызовам. Проводимая внутренняя политика этноцентризма бывших советских республик миксуется с глобальной интеграционной повесткой дня, которая формируется странами с «сильной экономикой»,

выдвигающими «свои» правила игры, оформленные через межправительственные и международные неправительственные соглашения. Факторы риска глобальных процессов связаны в большей степени с уязвимостью локальных культур, сохранением статуса-кво в вопросах внутренней политики, направленной на интересы граждан суверенного государства. Страны на постсоветском пространстве остаются стратегически важными для России в достижении социальной стабильности и порядка. Не существует государства Центральной Азии или объединения, для которого борьба с российскими интересами находилась бы в центре внешнеполитической стратегии [Железняков, 2016. С. 60].

Тем не менее, говоря о единой евразийской идентичности, авторы понимают Большую Евразию как экономический и политический союз, высказывая надежду на «культурное взаимодействие “малой Евразии”» [Иванов, 2022. С. 25]. В конфронтации европейского и евразийского проектов одерживает победу последний, поскольку «миссию справедливого и равноправного объединения человечества берут на себя страны Большой Евразии» [Там же]. Вместе с тем, обращение к теоретико-методологическим принципам примордиалистского подхода в объяснительной модели культурной общности народов евразийской мегацивилизации обнажает «белые пятна» на исследуемой области. Они не проясняют ситуацию, а только увеличивают разрыв между культурами и подрывают идею возможности единения Большой Евразии, акцентируя внимание исследователей на изначально заданных общественно-исторических условиях и особенностях народов, а также на их генетически сформированной этнической идентичности.

Примордиалистский подход не позволяет рассматривать различные культурные цивилизации в быстро меняющемся и нестабильном мире, в котором этнические группы проходят стадию кризиса коллективной идентичности. Подтверждение тому – усиливающаяся роль политики памяти, где реконструкция истории – прерогатива политических институтов и групп, чья деятельность выглядит далеко не как движение исторической реконструкции, направленное на подлинное воссоздание материальной и нематериальной истории, а как стремление реконструировать историческую память поколений для достижения целей, связанных с интересами политического истеблишмента.

Утверждение, что национально-культурная идентичность – необходимое условие для «полноценного существования личности», понимаемое как «осознаваемая человеком принадлежность к конкретному народу (этносу) через язык, его базовые ценности, важнейшие события истории, психологические характеристики, осевые творения национальной культуры» [Иванов, 2022. С. 24], увеличивает риск распространения этноцентрических взглядов и закрепление принципов примордиализма. Более того, резкое увеличение количества сограждан, избирающих в качестве основания идентичности этническую принадлежность, чревато усилением межэтнической напряженности, а в перспективе – распадом российской государственности [Шубин, 2011. С. 42-47]. Хотя далее авторы отмечают необходимость «отказа от национального возвеличивания и самолюбования, особенно через какое-либо умаление других национальностей и культур» в формировании «рациональной и созидательной национально-культурной самоидентификации» [Иванов, 2022. С. 346].

Авторами формулируются цивилизационные задачи России и Большой Евразии, которые, по мнению ученых, *«не более чем попытка философски, с предельно общих мировоззренческих и методологических позиций, очертить контуры этих задач»* [Иванов, 2022. С. 25]. Среди таких задач: 1) обновление отношений с бывшими советскими республиками мыслится как задача *«нового объединения “малой Евразии” как срединной мегацивилизации»*; 2) укрепление российско-китайских отношений; 3) всестороннее укрепление многосторонних российско-индийских и, конкретнее, сибирско-индийских связей; 4) поиск и утверждение новой модели общецивилизационного развития: не потребительской, не техногенной, не конкурентно-конфликтной, не либерально-капиталистической и не тоталитарно-социалистической, а опирающейся на примат культурных и экологических ценностей [Иванов, 2022. С. 25–31]. Весьма противоречивым является тезис авторов, что *«Россия никогда не была частью европейского культурно-географического мира, а являлась с самого начала срединной евразийской державой, обреченной пространственно расширяться, в первую очередь, на Восток»*. Вместе с тем, как отмечают ученые, формирующий *«с XVI века середины третий “восточный” вектор пространственного расширения России, связанный с завоеванием Казанского ханства (1552 г.), и русское хозяйственное освоение Приуралья. Выход России к Уралу, закрепление на Белом и Балтийском, Баренцевом и Карском, Черном и Каспийском морях знаменовали ее превращение в великую европейскую державу»* [Иванов, 2022. С. 43]. Россия – европейская или евразийская держава? Данный центральный вопрос об идентичности России остается дискуссионным и в настоящее время неразрешимым. Этому подтверждение рецензируемая книга – плод коллективного творчества, представленный как попытка обосновать евразийство в качестве ключевой концепции развития России.

В монографии, насколько это возможно, авторы рассматривают исторический этап становления Сибири, вписанный в российские стратегические геопроекты. Фокусирование внимания ученых на диахроническом и синхроническом сторонах цивилизационного подхода, применяемого к Сибири, позволяет прийти к выводу о необходимости рефлексии интенсивно-инновационного развития региона в контексте *«нарастающей духовно-экологической цивилизации»*. Отказ от техногенно-потребительской цивилизации в пользу духовно-экологической ведется с позиции трансформации системы ценностей и аттитюдов. Базируясь на идеях гуманизма, авторы формулируют ключевой тезис – *«экономика, финансы и политика должны из целей цивилизационного развития превратиться в средства сохранения здоровья окружающей среды, развития науки, культуры и образования, а главное, – всестороннего совершенствования самого человека»* [Иванов, 2022. С. 65]. Авторы предвосхищают вопросы читателей об утопичности концепции духовно-экологической цивилизации, приводя в качестве иллюстрации отдельные этапы развития Древней Греции, Индии и Китайской империи. Концептуально важным является обсуждение механизмов перехода Сибири от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации, которые рассмотрены сквозь призму пространственного развития, экологии, межкультурной коммуникации и миротворческого потенциала. Не остаются вне поля зрения прикладные вопросы цивилизационного перехода, которые оформляются в виде

декларативных и местами конкретных политических действий и решений. Авторы выступают с амбициозной инициативой создания третьей столицы России на восточном направлении, в качестве которой предлагаются сибирские города Новосибирск или Красноярск.

Ученые анализируют сибирский социум в аспектах миграционных процессов, духовно-экологического ценностного потенциала населения Сибири, образования, культуры и искусства, проблем и перспектив села. Теоретические размышления подкрепляются эмпирической базой и результатами авторских исследований. Комплексный подход авторов рефлексии о миссии Сибири и переходе ее к духовно-экологическому этапу развития побуждает читателя к дальнейшим рассуждениям о потенциале влияния на цивилизационное развитие других территорий России. Стиль повествования, сочетающий в себе патетику с оценочными суждениями, иногда встречающимися на страницах монографии, определяет гражданскую позицию авторов, для которых небезразлична судьба Сибири. Несомненно, проведенное масштабное теоретико-прикладное исследование цивилизационного развития Сибири является существенным вкладом в понимание геополитических процессов и методологических оснований для создания безопасного пространства в новом миропорядке.

Список литературы

- Бауман З.** Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2011.
- Бордачев Т.** Центральная Азия и европейский кризис. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tsentralnaya-aziya-i-evropeyskiy-krizis/?sphrase_id=91088175 (Дата обращения: 10.05.2022)
- Железняков А. С.** Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа / А. С. Железняков; Ин-т востоковедения РАН, Ин-т социологии РАН. М.: Весь Мир, 2016.
- Иванов А. В.** и др. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А. В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022.
- Шубин Ю. А.** Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии // Вестн. МГУКИ. 2011. 4 (42), июль-август. С. 42–47.
- Nathan Bennett, G. James Lemoine What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world. URL: https://www.researchgate.net/publication/263926940_What_VUCA_really_means_for_you (Дата обращения: 03.05.2022)

References

- Bauman Z.** Tekuchaya sovremennost [Liquid modernity]. St.Petersburg, Piter, 2008. (In Russ.)

- Bodriyyar Zh.** Simvolicheskij obmen i smert [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet, 2000. (In Russ.)
- Bodriyyar Zh.** Simulyakry i simulyacziya / per. A. Kachalova [Simulacra and Simulation]. Moscow, Ripol-klassik, 2011. (In Russ.)
- Bordachev T.** Czentral`naya Aziya i evropejskij krizis [Central Asia and the European Crisis]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tsentralnaya-aziya-i-evropejskiy-krizis/?sphrase_id=91088175 (Available at: 10.05.2022). (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S.** Mongol`skaya czivilizacziya: istoriya i sovremennost`. Teoreticheskoe obosnovanie atlasa [Mongolian civilization: history and modernity. Theoretical justification of the atlas] / A. S. Zheleznyakov; Institut vostokovedeniya RAN, Institut sociologii RAN. Moscow, Izdatelstvo «Ves Mir», 2016. (In Russ.)
- Ivanov A. V. i dr.** Czivilizaczionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitelskoj k dukhovno-ekologicheskoy strategii globalnogo i regionalnogo razvitiya: monografiya (kollektiv avtorov; pod red. A. V. Ivanova) [Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development: monograph (group of authors; edited by A. V. Ivanov)]. Barnaul, Novyj format, 2022. (In Russ.)
- Shubin Yu. A.** Naczional`no-kul`turnaya identichnost` kak problema sovremennoj kul`turologii [National-cultural identity as a problem of modern cultural studies]. Vestnik MGUKI, 2011, 4 (42), June-august. P. 42-47. (In Russ.)
- Nathan Bennett, G. James Lemoine What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world / https://www.researchgate.net/publication/263926940_What_VUCA_really_means_for_you (Available at: 03.05.2022)

Информация об авторе

Инна Вячеславовна Бабаян

Кандидат социологических наук
доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Information about the Author

Inna V. Babayan

Candidate of Sciences (Sociology)
Associate Professor the Department of Humanitarian Disciplines at Sobinov Saratov State Conservatoire

*Статья поступила в редколлегию 08.06.2022;
одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 08.06.2022;
approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 04.07.2022*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

5.4 – Социология.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегия рукопись формально делится на два раздела: «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова

на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы, город, страна на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, а также контактный телефон, электронный адрес автора, коды автора в Scopus, Web of Science (если есть)). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа A4: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .rtf, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Интернет кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора (см. образец ниже).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии). Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

Информация об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006, p. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример ². В качестве подстрочных

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002, с. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

сносок оформляются ссылки на источники в Интернете ³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

NB! Принятая система оформления списка литературы является адаптированной и переработанной версией оформления библиографии в соответствии со стандартом *The Chicago Manual of Style*. Просим учитывать различия в указании на русскоязычные и иностранные источники.

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетей, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н.э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. *Patristicism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations*. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

References

Aristid. *Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]*. In: *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]*. In 25 vols. Ed. by A.G. Dunaev. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1999, vol. 1. *Afinskie gosudarstvennyye deyateli V v. do n. e. [Athenian statesmen of the 5th century BC.]*, pp. 290–336. (In Russ.)

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. *Patristicism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations*. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

Tselishchev V. V. *Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]*. *Voprosy filosofii*, 2013, no 8, pp. 12–23. (In Russ.)

³ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Информация об авторе**Иванов Иван Иванович**

Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author**Ivan I. Ivanov**

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS